

АРТИКЛЫ

Израильский литературный журнал

АРТІКЛЪ

№ 12

**Общественный фонд культурных связей
«Израиль – Россия»**

Тель-Авив

2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Ольга Фикс. В поисках живого тепла	3
Неся Зейтман. Типажи из дома скорби.....	74
Анна Немеровская. И даровал Всевышний человеку свободу воли	88
Александр Иличевский. Грузди и кузов	104
Михаил Юдсон. Из записных книжек	110
Яков Шехтер. Человек новомесячья	118

ИЗРАИЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ИВРИТЕ СЕГОДНЯ

Этар Керет. Как в предпоследний раз меня выстрелили из пушки	147
Шира Гефен. Гефилъте	149
Дан Бен-Ишай. Возвращение	154

ПОЭЗИЯ

Ирина Каренина. Любовь проходит мимо.....	168
Катя Капович. Март.....	172
Ирина Маулер. Слово.....	175
Нелли Воронель. Ключик.....	181
Максим Жуков. Безотказная герла.....	185
Валерий Скобло. Живя на Руси.....	192
Сергей Штильман. За всех в ответе.....	195
Игорь Губерман. Иерусалимский дневник (<i>свежие гарики</i>).198	

ИНТЕРВЬЮ

Максим Леонидов. За тех, кто рядом.....	207
--	-----

НОН-ФИКШН

Лилия Газизова. А Кайсери унесет ветер.....	210
Александров Крюков. На зоне.....	221
Михаил Сидоров. «Веселая» наука и грустная фантастика.226	
Владимир Ханан. Respublika Uzupis.....	264
Эдуард Бормашенко. Философские итоги XX века.....	269

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ В ИЗРАИЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Роман Кацман. In Memoriam.....	287
Евгений Сельц. Найти себя в себе	293
Елена Юфит. Читать или не читать.....	296

СТИХИ И СТРУНЫ

«Вниз по седьмой воде». <i>Дмитрий Коломенский</i>	298
---	-----

ПРОЗА

Ольга Фикс

В ПОИСКАХ ЖИВОГО ТЕПЛА

Я – энерговампир. Я узнала об этом из интернета. Я всегда читаю что-нибудь по дороге в колледж. В колледже я учусь на библиотекаря, потому что чтение для меня – все.

Понимаете, дело не в том, что я люблю читать. Любить читать – это хорошо, это мило. А у меня другое. Я без чтения часа не протяну. Сам по себе ряд печатных строк, неважно даже на каком языке, волшебным образом приводит меня в чувство, встряхивает и примиряет с действительностью. Вот как иных стопка водки и сигарета. Ну, судя по их рассказам. Я-то ни курить, ни водки не пробовала.

Я без чтения мру, зверею, и могу даже стать опасной. Кое-кто уже убедился и теперь предпочитает не связываться. Попыталась тут одна на переменке: «А ну, дай позыреть, чего там у тебя!» Ага! Позырила одна такая! Так захала локтем – она всю неделю потом проморгаться не могла, каждое утро фингал под глазом запудривала. Зря, конечно – все равно заметно. А я что? Я ж, если честно, когда читаю, не отвечаю за себя. Особенно если текст качественный. У меня от хороших текстов крыша напрочь слетает. Уносит меня от них куда-то далеко-далеко... Короче, не лезь под локоть – целее будешь. Или подожди хоть, пока я страницу переверну.

Конечно, я бы предпочла читать только хорошее. «Над пропастью во ржи», например, или «Мастера с Маргаритой». Но это ж не каждый день попадается. Приходится в промежутках перебиваться чем Бог пошлет, детективами там или любовятиной. Или статьями из сетевых журналов. Вот как люди предпочитают пятизвездочный коньяк или «Бурбон» какой-нибудь, а глушат вместо этого плодово-выгодное или дешевый портвейн, или вообще настойку боярышника из аптеки. С соответствующими для здоровья последствиями.

Вот и статья эта, о том, как распознавать энергетических вампиров, так мне попалась. Одна книжка кончилась, а другую я еще не придумала, какую скачать. И бумажного с собой, как на грех, ничего не оказалось. Обычно-то я вечно в рюкзаке НЗ какой-нибудь бумажный таскаю. Бывает, неделями руки до него не доходят, а все душу греет, что мол, даже если на всей земле интернет вырубят или электричество кончится, я все-таки не пропаду. Ну и вообще... Бумажные книги – они ж пахнут! Я, можно сказать, из-за одного запаха в библиотекари поступила!

А тут вышла из дому в спешке, и забыла приготовленную рядом с рюкзаком стопку. Начала от нечего делать прокручивать ленту, и вот, наткнулась.

Я с первых слов поняла, что это про меня.

«Оказавшись рядом с вампиром, человек начинает ощущать тоску, апатию и сонливость. Регулярные контакты с ним приводят к упадку душевных сил, чувству опустошенности и отращению к жизни. Происходит это потому, что вампир подтачивает астральное тело, в результате чего оно истончается по краям, и из него начинает истекать эктоплазма.

Опытный взгляд специалиста без труда заметит зияющие в ауре лакуны с неровными, обглоданными краями в местах, где присасывался вампир. Но и обычный наблюдатель рано или поздно обратит внимание на потухший взгляд и отсутствие ко всему интереса.

Сам по себе вампир, как правило, человек серый и скучный. Однако в присутствии потенциального донора

вампир оживает, становится назойлив, шумен и невероятно красноречив.

Красивыми словесами вампир завораживает своих жертв. Увлечшись разговором, человек делается легкой добычей, не замечая, что из него пьют.

Выпив человека досуха, вампир немедленно теряет к нему интерес и устремляется на поиски новых жертв. Ведь он паразит, у него нет своих внутренних ресурсов, и он не способен на длительное существование без внешней подпитки. Не найдя подходящего донора, вампир становится злым, неуправляемым и даже опасным. Он способен напугать жертву, заставив ее испытывать ужас, рассердить ее, вызвав на скандал, или сильно расстроить – для вампира лакомы любые сильные эмоции.

В ожидании жертвы вампир какое-то время может продержаться на суррогатах, погрузившись в безудержное чтение книг, слушание музыки или созерцание предметов искусства. Ведь авторы произведений искусства вложили в них частички души, то есть крохи своей астральной энергии. Вампиры часто становятся коллекционерами. Но долго вампиру на суррогатах не протянуть, поэтому он постоянно в поиске новых жертв.

Будьте бдительны! Энерговампиры среди нас! Частое и долгое общение с ними приводит к тоске, депрессии, душевному истощению и суициду.

Защититься от вампира вам помогут медитация, аутотренинг и специальные духовные практики».

Дальше уже было неинтересно.

Я прошерстила весь интернет, но нигде, к сожалению, ни слова не говорилось о том, как энерговампиру выжить и не скурвиться окончательно.

Вы думаете, это приятно - знать, что ты вампир, и, сам того не желая, пожираешь людей?

Я искала в Гугле, в Яндексe – тишина.

Конечно, кому мы на фиг нужны!

Пришлось бедному маленькому вампирчику ломать голову самому. Потому что без книг мне, конечно, совсем

хана, но в какой-то момент и книги уже перестают спасать, и приходится волей-неволей идти на охоту.

Сетевое общение? Не смешите. Иногда прям хочется перевернуть компьютер или телефон, и трясти, трясти, как обезьяна, пустую коробку из-под бананов - в ярости, что нету там ничего, нету, совсем нету, кончилось, а может и не было никогда...

Кончилось что?

Ну как это можно объяснить словами?

В статье говорилось об эктоплазме и астральной энергии. Я называю это - живое тепло. Что-то такое нематериальное, что переходит от одного человека к другому, когда говоришь с ним или касаешься руками.

Особенно, когда касаешься.

Если бы у меня был парень или близкая подруга, я бы обязательно просила иногда у него или у нее разрешения погладить по голове. Погладить просто - и все.

Иной раз настолько тоской изойдешь, что уже даже есть не хочется. Ходишь по улицам и заглядываешь людям в глаза: может, с этим попытаться заговорить? Или с тем? Или вон с той девушкой? Но все заняты, погружены в свои мысли, слушают музыку в наушниках или болтают по телефону, время от времени сверяя свой путь по Гуглу. Сегодня редко кто смотрит по сторонам.

Близиких подруг у меня не сложилось. Пока в школе училась, мы с мамой часто, почти каждый год, переезжали с места на место. То у бабушки жили, то у маминых друзей, то вообще за город на чью-то зимнюю дачу уехали. Оттуда до школы зимой было не добраться, так что я тот год вообще пробыла на домашнем обучении.

Короче, только подружисься с кем-нибудь, как уже приходится расставаться.

Не, с некоторыми я, конечно, общаюсь, до сих пор по сети. Но по сети ведь невозможно погладить по голове или обняться.

В моем случае лучший выход – голосовое общение. Перекрывает потребности примерно на семьдесят процентов. А остальные тридцать... Что ж, если я в кои-то

веки с кем-то лично встречусь, примерно в полгода раз, вряд ли ему от этого большой вред выйдет...

Я составила таблицу, график звонков и встреч, чтобы не дергать чересчур часто одних и тех же людей, и не опустошить их таким образом невзначай. Чтоб все по честному, брать от всех понемногу. Ведь «если от многого берут немножко, то это не кража, а только дележка», как писал Максим Горький.

Ну неужели полчаса болтовни со мною раз в месяц кому-нибудь повредят?

Темы для разговора - та еще канитель. Приходится изощряться, ломать голову, читать о том, о чем даже вовсе не хочется. С каждым надо говорить о том, что интересно ему, а не тебе. Иначе искра не пробежит. Без искры – откуда взяться энергии? С одних «здравствуйте - до свиданья» сыт не будешь. Энергия выделяется в момент эмоционального всплеска!

А интересы у каждого ведь свои.

Есть, конечно, универсальные приемы. Кого-то я пугала, кого-то я смешила. Для большинства неиссякаемый источник эмоций - сплетни. Немного наблюдательности и смекалки – и можно о любом человеке разузнать столько, сколько он и сам о себе не знает, а рассказали бы – не поверят. Как косит глаза, как чешет в ухе, как бутерброд маслом намазывает. Людей хлебом не корми – дай потрепаться о чужих проблемах. Кого девушка бросила, у кого второй раз подряд незачет, к кому ушел чей отец, и просто кто не так на кого посмотрел.

Оказалось, однако, что любой пустяк может задеть ненароком кого-то третьего, и потом к тебе же еще прилетит. К тому же я никак не могла запомнить, кто с кем в каких отношениях, с кем о ком можно говорить, а с кем нельзя. Люди и сами, по-моему, вечно путаются, кто с кем против кого дружит, у некоторых все меняется по сто раз на дню.

Конечно, можно наговорить человеку гадостей, и он заплачет или разорется, но, согласитесь, что это одноразовая акция. На самом деле, и без того найдется полно способов расшевелить собеседника. Благо, я много

знаю по чуть-чуть обо всем на свете. С кем-то говорим про машины, с кем-то о футболе, с кем-то обсуждаем компьютеры. Косметика, боевые искусства, классическая музыка, бисероплетенье – все идет в дело, лишь бы собеседнику нравилось, лишь бы глаза у него блестели. Любая слышанная краем уха и читанная краем глаза фигня.

Главное, суметь правильно завести разговор, дальше-то уж жертва сама подхватит и соловьем разольется - успевай лишь глазами хлопать, вовремя поддакивать или возмущаться. Иной за разговором сам не заметит, как всего себя выплеснет. Таких даже сдерживать приходится – мне-то ведь тоже лишнего не надо. По телефону скажешь: «Ой, мама зовет!» или просто так нажмешь кнопку. Потом скажешь, что, мол, случайно разъединилось. А когда живьем, да еще на улице, и даже туалета рядом нет, чтобы забежать...

Почти беспроегранный вариант - разговоры о сексе. Причем не важно, какого пола твой собеседник. Всех ведь интересует только одно: что стоит за этим трепыханьем, в метафизическом, то есть, смысле, что прячется за голой физиологией?

Все почему-то убеждены, что там, конечно же, что-то есть, не может не быть, изощряются, предлагают бесчисленные варианты ответов, все более и более воодушевляясь, лишь бы уйти подальше от простой мысли, что мы те же кролики.

Выходят длинные, почти бесконечные разговоры, в которых выплескивается масса энергии. Приходится, правда, соблюдать осторожность, чтобы ни в каком смысле не перейти никакой границы.

Иногда мне случается выбиться из графика. Кто-то уезжает, или меняет телефон без предупреждения.

Я начинаю рыться в телефоне, но все не так и все не те. Я ведь уже настроилась на определенного человека. С этим я вчера говорила, тот на даче, где нет вай фая, третий готовится к поступлению и временно отрубил все контакты, четвертой сейчас нет в стране....

По сто раз прокручиваю ленту в надежде найти хоть что-нибудь, что зацепит и отвлечет.

Обычно в разгар метаний в телефоне заканчивается интернет или садится батарейка. Денег нет даже на чашку кофе, или кафе все какие-то попадаются «без вай-фая». Экран мертв, и я внезапно я оказываюсь наедине с голодной собой.

Какие там книги, фильмы, произведения искусства! Врагу такого не пожелаешь.

Хотя, если лето, я тогда еду за город или иду в парк, где по газонам можно ходить. Ложусь на траву, раскидываю руки по сторонам, закрываю глаза и подпитываюсь от солнца. Солнце ведь тоже живое, хоть оно далеко. Но для этого нужно, чтоб лето, солнце и чтоб тепло. А это далеко не всегда, не всегда бывает.

А когда я «наемся», становлюсь как все. Могу ради разнообразия помечтать о чем-то несбыточном, типа большой и чистой любви, или хоть вечной дружбы. О человеке, который раз и навсегда решит все мои проблемы. Чтобы ему можно было позвонить в любое время дня и ночи, и он всегда скажет: «Приходи!»

Своего Рыжего я нашла на помойке, в большом целлофановом мешке. Достаточно большом, чтобы в нем поместился стандартный, хоть и ужасно худой, лабрадор-ретривер.

Меня само занесло на эту помойку... ну, вы, короче, уже догадались зачем. Правильно, кто-то снова выкинул небрежно обвязанную бечевкой стопку книг.

Как вообще можно выкидывать книги?

И кто ж знал, что мешок под книгами вдруг начнет шевелиться?

Восемь разрозненных томов из Ругон-Маккаров и полная «Очарованная душа»! Кто-то явно сильно не залюбил французскую классику. Ну и зря! Меня лично от всего этого за уши не оттащишь.

Вот ведь как они умели? Читаешь и словно тонешь в чьем-то сознании, встаешь потом, полупьяная, смотришь в окно и сперва даже не понимаешь, почему там по-прежнему Москва, а не Париж или Руан.

Короче, рюкзак я набила под завязку, еле-еле смогла поднять. Некоторые тома оказались изрядно попорчены плесенью – в подвале их хранили, что ли? Сырые, разбухшие, они весили чуть ли не тонну. Я с трудом выпрямилась, охнула, отступила, пытаюсь удержать равновесие, и случайно наступила на этот мешок. И тогда уже уронила рюкзак совсем.

Потому что мешок под ногою дернулся и застонал.

Не без труда распутав узел на горловине, я зажмурилась и отшатнулась. Глаза резанул запах аммиака.

Внутри был пес, точнее почти скелет, с редкими клочьями свалывшейся рыжей шерсти, торчащими по всему телу вперемешку с бесчисленными головками опарышей. Глаза пса были подернуты сизой пленкой. А зубы были молодые и белоснежные – он их из последних сил обнажил и зарычал на меня, сипло и еле слышно.

Интересно, сколько времени он провел в мешке? Этого нам не узнать никогда.

Я тут же позвонила в ближайшую ветеринарную клинику. Их телефон сохранился у меня с тех пор, как я держала ручную крысу Машку.

Крысы – они почти собаки. Живут только недолго. Моя Машка прожила три с половиною года, и это очень много для крысы. Я таскала ее с собой в рюкзаке повсюду – в школу, в музыкалку, на хореографию и в бассейн. Дома оставлять было стремно. Мать у меня тот еще персонаж, невозможно вообразить, что ей вдруг взбредет в голову. Ну, то есть, типа она знала про крысу, и вроде даже не возражала. Но береженого, как говорится, Бог бережет. Накатит на нее с утра страсть к чистоте – до школы не успеешь дойти, как крыса твоя на помойке окажется.

Машка была удивительно умная, и спокойная, как танк. Она никому не мешала. Свила себе гнездо в углу рюкзака из клинекса и тетрадных листьев, и носа ни высовывала

оттуда, пока ей не посвистишь. Книг почти не портила, разве что обгрызала самые краешки старинных переплетов - может, ей нравился привкус мучного клейстера?

С возрастом Машка делалась все тише и незаметней, пока не заснула окончательно в своем гнездышке вечным сном. Любила она меня вплоть до самой своей смерти. Сунешь, бывало, палец на уроке в гнездо, и она сразу приметя его ласково покусывать да облизывать. Посвистишь – она вылезает, и кладет тебе доверчиво голову на ладонь, ждет, когда почешешь за ушком.

Спала Машка со мной на подушке, свернувшись клубочком под подбородком и уткнувшись носом в подключичную ямку.

Однажды зимой крыса простудилась. Я тогда звонила в клинику, спрашивала у них, как лечить. Они мне здорово помогли! Просто объяснили все по телефону, совсем забесплатно.

В общем, я позвонила. На звонок отозвался бодрый, с металлическим оттенком голос:

- Клиника «Хвост и лапы». Дежурный врач Семченко. Слушаю вас.

- Здравствуйте! Мне нужна срочная помощь! Понимаете, тут собака, и ей очень плохо. Только вам, наверное, придется прислать машину, а то она довольно большая, и сама, понимаете ли, не ходит, а одной мне ее не дотащить.

И я вкратце обрисовала ситуацию.

- Ох ты ж, Господи! – тоскливо вздохнули в трубке. И, помолчав, задали уже совсем не имеющий к делу вопрос. – Послушай, девочка... тебя как зовут-то вообще? А то трудно так, без обращения разговаривать.

- Света.

- Светочка, ты там что, совсем одна, да?

- Ну да, а что?

- И взрослых поблизости нет никого?

- А что?

- А самой тебе сколько лет?

- Ну, пятнадцать. А при чем тут...

- И денег у тебя, конечно, нет никаких?

- Ну почему никаких? Какие-то есть.

- Какие? Те, что мама на завтрак в школе дала? Светочка, вряд ли ты имеешь представление о том, сколько стоит вызов врача из нашей клиники, и во что потом может обойтись лечение. Тут же не благотворительный фонд охраны животных.

- Но ведь это собака! Я же не могу ее так оставить! Вы даже не представляете, в каком она состоянии!

- Почему ж, вполне себе представляю. О-хо-хо, грехи наши тяжкие. Что ж, звони в городскую ветслужбу. Сейчас дам телефон. Это их дело - очищать улицы от трупов.

Он продиктовал цифры и отключился.

- Она живая! Она никакой не труп! – орала я что есть мочи в молчащую трубку, пиная ближайший фонарный столб. Я с такой силой стиснула мобильник в руке – еще чуть-чуть бы, и раздавила. Села на рюкзак с книгами и разревелась.

Слезы - злые, горячие - затекали в рот и под воротник.

Собака следила за мной с земли серьезными слепыми глазами. Казалось, она что-то все же видела через эту серую пленку. Я присела на корточки и стала ее гладить по голове. Несмотря на раны, гной и опарышей. Вряд ли ей это было приятно, скорее наверно больно, потому что она рычала, и время от времени слабо дергала головой, пытаясь цапнуть меня зубами. Ну, а что мне еще оставалось делать, как дать ей знать, что я здесь, что я никуда не ушла, не бросила ее тут одну?

Приличные люди, едва взглянув в нашу сторону, брезгливо подхватывали полы пальто и спешили поскорей мимо.

И тут мой мобильник ожил и заверещал.

- Это Света? – спросил незнакомый мальчишеский голос.- Это ты сейчас нам звонила? Ну, в клинику ветеринарную в смысле?

- Я-а... – я безнадежно и жалко всхлипнула в трубку.

- Не реви! Говори быстрее, где находишься. Так, понял. Стой на месте, и никуда не девайся. Будет тебе сейчас скорая помощь.

Судя по тембру, голос принадлежал максимум моему ровеснику. Может, даже и мальчишке помладше. Чем какой-то пацан сможет мне помочь? Но я послушалась, и не ушла, потому что куда мне было деваться?

И вот, сперва я услышала громкое, надсадное дребезжание. Его было слышно издалека, наверное, за версту, но источник еще добрых минуты две скрывался где-то за гаражами. Наконец между двумя ракушками протиснулся мой спаситель – крепкий, жилистый пацан, с исцарапанными руками, явно ничуть не старше меня, и ниже примерно на голову. За собой он волок низкую широкую тележку, из тех, какие используют в мебельных магазинах.

- Всем привет! – бросил он мне, как знакомой, лыбясь во весь рот неровными, широко расставленными зубами.- Врача вызывали?

От одного его вида мне вдруг стало легче в разы. Слезы высохли почти что мгновенно . Хотя это был всего лишь пацан, и никакой ни разу не врач. Что-то в нем было такое – надежное, успокаивающее.

А может, дело все в том, что просто я не была больше одна? Пацан был живой, живой и полный энергии до краев, она била из него через край, чуть ли не брызгала во все стороны. Мне ли не знать – я ж вампир, я такие вещи сразу чую.

Обычно я держусь от таких подальше, потому что с ними сама не заметишь, как отхлебнешь, больше чем надо. Увлечешься ненароком – и глядь, человек на глазах сникает, и голова уже у него болит, и взгляд делается какой-то тусклый.

Но здесь-то у меня не было выбора.

Одного лишь лицезренья живого собачьего скелета явно было недостаточно, чтоб прогнать у парня с лица улыбку . Нет, то есть он, конечно, присвистнул, и даже выругался сквозь зубы, но тут же присел перед псом на корточки,

осторожно погладил, стараясь не задевать сочащихся сукровицею ран, потрепал слегка за ушами.

- Осторожно, - сказала я. – Он, хоть и еле живой, но укусить еще вполне может.

- Даже так? – переспросил пацан, продолжая неясно чему улыбаться. – Что ж ты, дурак такой, - обратился он непосредственно к псу. - Раньше надо было кусаться. Теперь-то уж чего.

Пес сделал слабое движение хвостом, словно пытаюсь вильнуть – видимо, соглашался.

- Ну что же, - произнес парень, вставая и вытирая руку об джинсы. – Света, значит? - вытертая рука была предложена мне для пожатия. - А я Денис. Младший помощник старшего дворника в «Хвосте и лапах».

Мне ничего не оставалось, как протянутую руку пожать, и пробормотать, что-то насчет того, что, типа, очень приятно. Хотя обычно я избегаю физических контактов с возможными потенциальными донорами.

- Ну что же, Света, я смотрю, наш пациент готов, и уже даже упакован. Ты берись за тот край мешка, я за другой, в темпе перекладываем его на тележку, и вперед, погнали.

- Куда? - тупо спросила я.

- По всей видимости, к тебе домой. Поскольку наши отказались. Ну, шевелись уже давай, Света! Дел у нас с тобой непочатый край.

Совместными усилиями мы переместили пакет с псом на тележку, и резво покатали ее в сторону нашего микрорайона.

По дороге я с ужасом представляла себе, что на все это скажет мама, но отступить было уже поздно. Тележка жизнерадостно дребезжала об асфальт, прохожие вздрагивали, и невольно оборачивались нам вслед, но мы с Денисом невозмутимо шагали вперед, высоко подняв головы, и ни на кого не обращая внимания.

Конечно, ни на какую учебу я в тот день уже не пошла. Мы доволокли тележку и поставили ее на прикол у моего подъезда. Осторожно, в четыре руки, выгрузили из нее пса, и потащили его, чертыхаясь, на четвертый этаж.

Мы с мамой живем в пятиэтажке без лифта. Зато это уже наконец-то наша квартира! Наша собственная, и больше ничья! И, надеюсь, на веки вечные.

Хотя мама уже тишком строит планы на то, как здорово она будет здесь жить одна, когда вырасту окончательно и выйду замуж. Наивная!

Потому что как я могу выйти замуж, когда я вампир? Даже встретиться мне какая-нибудь жуткая сволочь, что ж у меня, сердца нет?

- Может, сразу в ванную его, отмывать? – неуверенно предложила я, когда мы с Денисом втиснулись в нашу микроскопическую прихожую и прикидывали, как бы нам, с псом на руках, ловчей развернуться.

- Мысль интересная, и мы к ней, безусловно, еще вернемся. Сейчас, однако, имеется риск, что в процессе отмывания клиент сдохнет. Будем решать проблемы поэтапно.

В итоге мы свалили пса у меня в комнате. Пришлось немедленно распахнуть окно. Хотя даже это не слишком помогло.

К счастью, была весна, и внизу, во дворе вовсю цвела и пахла черемуха.

Денис скинул с плеча рюкзак, и извлек оттуда капельницу, портативный складной штатив, чтобы ее подвесить, и кучу всякого нужного барахла - шприцы, иголки, ампулы с латинскими надписями, пластиковые пакеты с глюкозой и физраствором. Все это хозяйство он свалил на журнальный столик, бесцеремонно сдвинув в сторону загромождающие его книги. Часть книг при этом ссыпалась на пол.

Встав перед собакой на колени, Денис приподнял и придирчиво осмотрел одну за другой ее лапы.

- Так, кожа есть, кости здесь, а вены ты свои куда подевал? - Он разговаривал с псом, точно ждал от него ответа, оставляя даже паузы между репликами. - Пережми-ка тут, - бросил он мне, и я послушно зажала в горсти костлявое собачье запястье. – Сильней дави, небось, не сломается! Ага, вот она, сволочь где! Проступила. Ну, я ж знал, что где-то она все же есть!

Катетер послушно скользнул из его пальцев куда-то под кожу, с наружного его конца закапала на пол кровь. Денис ловко подсоединил капельницу, подкрутил колесико, и жидкость послушно потекла в заданном направлении.

- Все! Теперь нам никто не посмеет сказать, что мы эту собаку не напоили. Сейчас в себя чуток попридет, и в ванную его поволокем, отмывать. Верно, скотина ты вонючая?

Пес опять вяло шевельнул хвостом. Похоже, Денис полностью покорило его сердце.

Мое так точно. Я смотрела на Дениса, как в телевизор.

- Послушай, как ты это делаешь? Ты в веттехникуме учишься? В медучилище?

Денис скорчил смешную, недовольную гримасу, и помотал головой. Его узкое, с резкими чертами лицо легко принимало любое нужное выражение.

Вскочив с пола и отряхнув запылившиеся колени, он покровительственно потрепал меня по плечу. Ему явно льстило мое неприкрытое восхищение.

– Да ладно тебе! Подумаешь, бином Ньютона! Здесь ничего сложного, любое человекообразное справится на раз. Могу и тебя научить, если хочешь. Ну, сама подумай, наркоман любой может, а мы чем хуже?

- Ну-у, наркоманы... – сравненье, честно говоря, меня покорило.

- А что? Им для одного, нам для другого, но в самом-то действии разницы нет. В обоих случаях от тебя требуется ловкость рук, и никакого мошенничества. Чаем напоишь?

- Легко!

Я заварила чай по всем правилам, в бабушкином фарфоровом чайнике с красными кленовыми листьями.

Чайник этот стоит у нас на окне столько, сколько я себя помню. Даже странно - бабушка давно уже умерла, окна и квартиры сто раз менялись, а чайник стоит себе, как ни в чем не бывало. Кончик носика чуть отбился, листик один с правого боку не до конца прорисован. Мама говорит, он и при ней так стоял, с самого ее детства. Изнутри чайник весь бурый, и отмыть его невозможно.

Я, как положено, ополоснула чайник кипятком, всыпала чай, и дала чаинкам слегка распариться.

- Ишь, как по-интеллигентному! – одобрил Денис. – А я думал, мир весь давно на пакетики перешел.

- Да я тоже, если одна, обычно пакетик в чашку кидаю, – утешила я его. - Чайник – это для гостей.

- Это я, что ли, гость?

- А кто же?

- Да ну, какой из меня гость? Я при исполнении.

Мы выпили чай, наскоро слопали пару бутербродов. Перенесли рычащую и пытающуюся огрызаться, но, к счастью, еще совсем слабую собаку в ванную, и долго отмывали ее там маминым французским шампунем. Потом - извините уж за подробности - еще час, пинцетом из маминогo маникюрного набора, снимали с нее опарышей. Они были скользкие, верткие, и все норовили соскользнуть с кончика пинцета и забиться обратно собаке под кожу. Сперва меня подташнивало от одного вида, но где-то после второго десятка сделалось все равно. Денис сказал, в чем-то даже хорошо, что на собаке их столько – опарыши, мол, прекрасно очищают раны от любой инфекции.

Мы завернули чистого благоухающего пса в самую большую махровую простыню в доме - цвета морской волны, ту, что мама обычно берет с собой на курорты - и с торжеством притащили обратно ко мне комнату. «Благоухание» там успело, к счастью, за это время слегка проветриться. Настолько, что даже можно стало перестать «дышать ротом», и смаргивать слезы с глаз.

Я сварганила псу ложе из двух старых одеял, и, по совету Дениса, застелила его клеенкой и давно прочитанными газетами.

В раны на собачьей шкуре Денис втер какую-то пахучую мазь, потом другою какою-то мазью смазал слепые глаза. Сказал, что непрозрачный серый налет на них – это кератит, и что, может, когда он пройдет, собака опять будет видеть.

Напоследок Денис обратно подключил капельницу, настроил ее на ритм медленного блюза, и собрался уходить.

Я не удерживала. Мне и так было стремно, что мы с ним уже столько времени вместе.

Никогда невозможно заранее угадать, в какой момент у общающегося со мной внезапно сделается тусклый взгляд. Рано или поздно это происходит всегда, и всегда для меня неожиданно. Я же не могу точно знать, сколько у человека взяла, у меня ж нет при себе дозиметра!

Вообще, интересно, в чем можно измерить душевную энергию? Наверняка должны быть какие-нибудь специальные единицы.

По виду Дениса нельзя было сказать, чтоб ему хоть сколько-нибудь поплохело. По-прежнему он лыбился от уха до уха, и насвистывал себе под нос какую-то песенку, подмигивая то мне, то псу. Какой-то он энергонеисчерпаемый. Может, заговоренный?

Интересно, бывают ли такие люди? По идее, раз есть люди-вампиры, могут же где-то существовать и люди-доноры?

- Ну, пока, - сказал Денис. – Приглядывай там одним глазком, чтоб катетер из вены не выскочил. В идеале, пусть до утречка покапает, а я часов в семь забегу, сделаю ему еще пару укольчиков. Ты во сколько завтра уходишь?

- Без четверти восемь. А ты думаешь, он выживет?

- А что ему сделается? Он молодой, сердце как у коня. Еще всех нас перекусает! Шучу, шучу, нас не станет. А того, кто сделал с ним это, надеюсь, что да... К завтраму встанет, наверное. А что ты с ним делать будешь? Себе оставишь? Родители разрешат?

- У меня только мама. Она... гхм..., - я сделала неопределенное движение головой, отбрасывая принятие решения куда-то в дальнюю даль. Мне как-то не до конца верилось в псово выздоровление.

Денис ушел, и я осталась одна.

Читать я боялась, чтобы не зачитаться и не упустить ненароком что-нибудь важное, касательно пса. Звонить кому-нибудь - тоже. А больше мне и делать-то было нечего.

Со скуки я приготовила все, что было задано на завтра и послезавтра, а также то, что задавалось, а я не сделала, на вчера и позавчера. Перерисовала от руки из учебника и заполнила аж четыре таблицы. Написала эссе на тему современной организации библиотечных каталогов, которое препод по библиотечному делу безуспешно пыталась требовать с меня еще полгода назад. Теперь мне был обеспечен в семестре законный трояк по профилирующему предмету.

Собака спала. Капли капали с занудной частотой октябрьского дождика и, хотя поначалу казалось, что жидкость в пакете несколько не убывает, позже выяснилось, что это просто свойство такое хитрое у этих пакетов - почти до самого конца не выдавать, сколько из них уже вылилось, а сколько еще осталось.

В семь пришла мама.

Войдя в прихожую, она тут же сморщила нос, и взревела, как медведица, разбуженная зимой:

- Светка! Ты какую еще дрянь принесла с помойки?

- Не твое дело! – рявкнула я, победоносно щелкая у нее перед носом новенькой блестящей щеколдой. Прошлая у меня вышла из строя за два дня. Эта подороже – тяжелая, литая, с гарантией. Только бы дверной косяк устоял!

- Светка-а-а! – орала мама под дверь, колотясь в нее изо всех сил. – Открывай, проКлятое отродье! Сама открой, а то хуже будет! Я те покажу, как от матери запирается! – мам всем телом бросалась на дверь, налегала на нее плечом, коленом, бедром.

Я, конечно, слегка напряглась, но щеколда выдержала. Косяк тоже не подвел.

Постепенно крики смолкли и стуки стихли. Можно было перевести дух. Я раскрыла наугад верхний том из Ругон-Макаров, и немедленно унеслась отсюда в Плассан.

Известно уже, что через час-полтора мама отойдет. Зазвенит на кухне ложками-тарелками и совершенно другим голосом позовет ужинать и чай пить. Тогда можно будет отпереть дверь, предъявить ей собаку и попробовать договориться как-нибудь по-людски. А до этого времени говорить просто не с кем. Я-то знаю, у меня опыт.

Если смена тяжелая, мама с работы всегда приходит никакая. А у них в экскурсионном бюро других смен, по моему, и не бывает. Вечно то люди хотят за две копейки весь мир объехать. И скандал на два часа ей в кабинете закатывают. То, понадеявшись на свой английский, заедут сдуру куда-нибудь не туда, и звонят потом в бюро по мобильному, требуя, чтобы мама их спасла, обогрела, накормила, и наставила на путь истинный. То просто капризные попадутся – отель не тот, обои не те, вид не на море. На ужин подали не креветок, а жареную макрель.

И мама всегда со всеми предельно вежлива. Улыбается, хотя в телефон и не видно. Конечно, конечно, все сейчас будет, как вы хотите. Желание клиента для нас закон. Минуточку, вот только отыщу волшебную палочку...

Ее за то и держат, что терпение у мамы безгранично, и она из любой ситуации способна отыскать выход. Пусть не волшебный, пусть хоть какой-нибудь.

На работе мама сама светскость и выдержка. И дома даже, если с работы вдруг позвонят, у нее мгновенно тон сразу меняется, и губы разъезжаются к ушам.

Посмотрели б они на нее, когда она притаскивается с работы, согнувшись под тяжестью покупок. Еле доползает до нашего этажа, трясущимися руками открывает дверь. У нас замочная скважина снаружи вся исцарапана, можно подумать, пьяница какой-то в квартире живет. Справившись с замком, не входит, а вваливается внутрь, из последних сил захлопывает дверь за собой, швыряет сумки на пол, открывает рот...

И тут уж хоть святых выноси.

Когда я ходила во второй класс, мои родители развелись. То есть буквально – стоило мне шагнуть за порог с портфелем, как дежурные улыбки мгновенно исчезали с их лиц, и они принимались орать друг на друга благим матом. Я это точно знаю, потому что несколько раз, забыв что-нибудь, возвращалась, и прерывала их на самом интересном месте.

Перед зимними каникулами папа окончательно от нас съехал. Новый Год прошел уже без него. Мама включила видео с «Иронией судьбы», врубила динамики во всю мощь, села перед мерцающим экраном на диван, и проревела всю ночь. Время от времени она прикладывалась к горлышку стоящей на столе «Белой лошади», отпивая каждый раз по чуть-чуть, по малюсенькому совсем глоточку. В двенадцать она сделала попытку набрать отца по мобильному, но у него было занято.

Впоследствии я не раз слышала, как он оправдывался, что сам в этот момент как раз пытался набрать ее, с тем же, разумеется, результатом. По мне, так выходит вполне логично, но мама почему-то не верит.

Она так и уснула – одетая, на диване, сжимая мобильник в побелевших пальцах – далеко не в последний раз за тот жуткий год .

Сейчас мне это все вспоминается как бы сквозь туман. Мама тогда совсем перестала меня замечать, точно я вдруг сделалась прозрачной. Из-за этого мне самой временами начинало казаться, что я вроде как не совсем существую, а если и да, то, похоже, это не имеет теперь большого значения.

Знаете, мелкие детки убеждены, что мир вертится вокруг них. Это видно по тому, как они входят в комнату, и улыбаются незнакомым людям. Они уверены, что им все всегда рады, что каждый их чих обязан вызвать восторг. Прекрасно помню, сама такая была.

Истина, что ты не такое уж чудо света, постигается постепенно. Впрочем, детсад, не говоря уж о школе, в кратчайший срок выбьет дурь из самой самоуверенной личности. Мне кажется, для того эти заведения и существуют. Две-три насмешки, пара «дружеских» тумачков, раздраженный окрик откуда-то сверху, оплеуха – и любые иллюзии насчет своей исключительности разбиваются в пух и прах.

Но это касательно внешнего мира. Иное дело дом. Ведь не зря ж его называют «своя крепость». Черт с ними, с садом и школой! Пусть нас там не любят. Но зато потом, когда срок времени истечет, мы оттуда уйдем, и придем домой, где все будет по-другому!

Дома тебя любят и ждут. Причем именно тебя. У родителей радостно распахнутые глаза, с восторгом отслеживающие каждое твое движение. Колени, на которые всегда можно забраться. Плечи, в которые всегда можно уткнуться. Руки, которые всегда поддержат. На каждую твою улыбку у них всегда наготове в ответ своя – все понимающая и теплая. Потому что ты не какая-нибудь там чужая – ты именно их девочка!

Куда деваться, родители тоже люди. Бывают усталые, злые, спешащие неизвестно куда. Бывает, прикрикнут, шлепнут. Бывает, что и зазря. Ну, так это ж все временно, преходяще!

То есть в самый-то момент больно, конечно, и злишься на них до смерти, так что, кажется, сейчас всех бы поперебила! Слыхали, небось, леденящие кровь истории про шестилеток, в одночасье порешивших на рассвете сладко спящую родню топором? Ну да, вот и я об этом.

Но потом-то все проходит, вы миритесь, и живете дальше, и ты снова всех любишь, и все любят тебя, и это незыблемо, постоянно, потому что как может быть иначе?

Я не помню, когда все начало меняться. Ну, то есть, наверное, были какие-то поворотные точки, но как-то они в сознание не отложились. Просто родители перестали мне радоваться. Перестали смотреть на меня с детски наивным восхищением. Перестали вообще на меня смотреть –

скользили поверху взглядом, точно по мебели. Перестали улыбаться, перестали отвечать на вопросы. А если отвечали, то как-то все больше невпопад. А если смотрели, то во взглядах читалось грустное какое-то недоумение. То есть вроде как я по-прежнему была их любимая и родная дочка, но только как-то не очень вовремя, и не совсем к месту.

Я не понимала, что происходит. Злилась, часто плакала, начала вдруг бояться темноты. Темнота была непонятна, в ней определенно что-то скрывалось, в ней происходили какие-то процессы, все время то-то менялось и развивалось что-то враждебное, но разглядеть внутри нее что-нибудь было невозможно. Так же, как и в жизни вокруг меня.

Потом пришло время разговоров со мной. Разговоры эти заводились осторожно, откуда-то очень издалека, и почти всегда начинались со слова «понимаешь».

- Понимаешь, Светусик, так получилось...

- Понимаешь, маленькая, иногда случается так...

Сперва я честно пыталась что-то понять. Потом поняла, что на самом деле они говорят не со мной. Просто каждый из них пытался что-то объяснить самому себе, почему-то избрав меня в качестве наиболее подходящего слушателя. Ну да, я ж все время была под рукой и по большей части молчала, и вряд ли что-то могла понять.

Думаю, в этот период жизни каждому из них очень бы пригодилась собака.

Как дошло до дела, мне никто уже не пытался ничего объяснить. Меня просто поставили перед фактом.

- Света, дочка, - сказал отец, стоя у дверей с чемоданом.

- Я буду теперь жить в другом месте. Не расстраивайся, ничего страшного не происходит, в конце концов, ты ж у нас уже большая девочка, - он положил большую, тяжелую руку мне на плечо, слегка развернул к себе (я стояла, опустив голову, мрачно разглядывая трещинки в сером паркете), склонился поцеловать.

- Ну, чего ты! Я буду к тебе приходить, ты со временем станешь приходить ко мне ...

- Через мой труп... - отчетливо прошипела мама из-за полуприкрытой кухонной двери.

- Тань, ну ты хоть сейчас могла б промолчать!

Отец резко выпрямился, и слегка оттолкнул меня, так и не поцеловав.

- Пока, малыш, не скучай!

Дверь за ним хлопнула, и начался ад.

Я проснулась от ора и рыка. Оба звучали одновременно, и оба где-то над моей головой.

Нехотя открыла глаза, хлопнула пару раз ресницами, и потом еще на всякий случай протерла глаза тыльной стороной руки.

Ну, в том, что мама-то орала как резанная, ничего удивительного не было, особенно учитывая привходящие обстоятельства. Мама, как всегда, пришла меня разбудить. Задвижку-то я ночью откинула, когда в туалет ходила.

А вот что громадный облезлый скелет, который мы с Денисом вчера притащили со свалки, будет стоять над моей кроватью и грозно рычать, готовый защищать меня до последнего вздоха, оказалось сюрпризом. Причем не для одной мамы.

Впрочем, Денис же предупреждал...

- Это еще что такое?! Сейчас с ним вместе из дому вылетишь!

- Ну ма-ам, - сонно протянула я. – Ну что ты, как маленькая? Мы все это уже сто раз проходили. Хрена ты меня отсюда выкинешь, я здесь тоже прописана. Шла бы ты лучше от греха подальше. Не видишь, что ли, собачка нервничает.

Пес, в подтверждение моих слов, угрожающе рявкнул. Мама ойкнула, и выскочила за дверь, бормоча себе под нос про проклятую породу. Причем что-то мне подсказывало, что имела она в виду вовсе даже не пса.

Между прочим, я сама часто об этом думаю. Ну, в смысле, что будь я меньше похожа на отца, она бы легче

меня воспринимала. Ребенок, и ребенок. А так, действительно – ну что это такое? Бродит по дому этакое вечное напоминание о неудавшейся любви. Тут, поди, у любого нервы сдадут. Но я-то что могу здесь поделывать? Сама с раннего детства только и слышу: «Светочка - вылитый папа, ой, ну, прям копия, бывает же такое!» Причем никого это давно уже не радует, в том числе самого отца.

Конечно, никто не разводится с детьми. Разводятся родители между собой. Подразумевается, что между вами все должно остаться по-прежнему. Вот только... «Света, ты ж понимаешь?»

Да понимаю, конечно. Есть свои дети – его и новой жены, Марины. И есть я, которая тоже, конечно, своя, но как бы и не совсем.

Ребенок от первого брака. Так сказать, второй сорт, и соответствующее качество. Хотя местами, конечно, чувствуется «рука мастера». Без сомненья, из меня бы мог выйти толк, если бы...

«Если бы у меня была возможность реально заняться ее воспитанием...»

Хотя если я вдруг что-то сделаю хорошо...

Например, прилично, сдам экзамены в музыкалке. Так, что меня отберут играть на отчетном концерте. Случалось такое, пару раз за семь лет. Отец тогда приходил, торжественный, в костюме, при галстукe, и громко хлопал, хоть и признавался потом, что ничего не понимает в классической музыке.

Или когда я обогнала всех в межрайонном заплыве кролем для младшекласcников.

В таких случаях отец громко провозглашает: «Ну, моя же дочь!», обнимает и целует меня при всех.

Марина, если она при сем присутствует, слегка морщит нос, но молчит. Выжидает.

Рано или поздно, но я сорвусь. Разобью что-нибудь, сломаю, глупость, подвернусь некстати. Одним словом, как-нибудь да проявится «проклятое Танькино воспитание».

И все встанет на свои места.

Собираясь к отцу, я всегда тщательно одеваюсь. Разглаживаю каждую морщинку на платье. Иногда даже крашусь – чуть-чуть, незаметно, просто чтоб прыщ какой-нибудь скрыть или пятнышко. Но ничего обычно не помогает. Всегда Марина что-нибудь замечает. Такой уж у нее острый взгляд.

Из-за двери доносятся невнятные угрозы вызвать участкового, пожарников, санэпидстанцию, МЧС... Да хоть Господа Бога! Никого она не позовет, я же знаю. Мама сама терпеть не может посторонних в квартире.

Я потрепала по холке пса. Он благодарно улыбнулся, брякнулся на бок и вывалил язык. Он по-прежнему был страшно худ, но вполне жив. Сохранившиеся на боках ключья шерсти заблестели, серая пленка на глазах истончилась – может, он даже и видит уже сквозь нее, кто знает.

- Экая ты птица-феникс! – восхитилась я. Хвост слабо стукнул об пол.

Под мамины бесконечные завывания я сунула ноги в тапки и отправилась в ванну. Пес рыпнулся было за мной, но так и не смог второй раз толком подняться. Прополз чуток следом и залег у двери, полностью перегораживая вход в комнату.

Какая лапочка! Да при нем же никакой защелки не нужно!

В ванной я наскоро сполоснулась, и, не глядя, цапнула с вешалки полотенце. Полотенце за что-то зацепилось, пришлось оборачиваться, отцеплять. Взгляд волей-неволей уткнулся в зеркало.

Ну и морда у меня! Глаза б не глядели! Особенно утром.

Вот есть девочки – и прыщики кое-где, и ноги кривоваты, и одета не бог весть во что. А вот есть в ней что-то – в том, как смотрит, как голову поворачивает. Как идет, ступая, как

королева, словно везде для нее красная дорожка. А все вокруг оборачиваются, как по команде и смотрят вслед, и любят ее уже просто за то, что она - она. И даже будь такая вампиром, а такие кстати часто бывают, люди сами себя готовы ей предложить, позволят осушить себя до последней капли лишь за счастье побыть с нею рядом.

А есть такие нескладехи, как я.

Мама, когда на нее снисходит человеческое настроение, говорит, что ничего страшного, подумаешь, «период гадкого утенка слегка затянулся». Вырастешь и выправишься. Будешь еще краше всех! По-моему, она и сама себе не очень-то верит, а уж я-то ей и подавно. Не, горбатых только могила.

Ладно, придется довольствоваться чем есть.

Я скорчила той, в зеркале, страшную рожу, подмигнула и показала язык. Пусть знает!

Где-то там, за плоским, как тарелка, лицом, с толстыми губами, скрывающими широкие, как лопаты, кривые, во все стороны торчащие зубы. За маленькими, утонувшими в глубине пухлых щек зеленоватыми глазками. За россыпью бурых веснушек и двумя отвратными прыщами на лбу. Где-то там прячусь я. Но вам меня не разглядеть, как ни старайтесь.

Главное, все ведь, кроме прыщей, с отца слизано, как под копирку. Но все словно бы вывернуто наизнанку. Отец-то у меня красивый – русые кудри, высокий лоб, глаза с прищуром, всякое такое. Его, небось, ни щеки не портят, ни веснушки.

А «настоящие» его дети, Настя и Игорь, оба вылитая Марина.

- Светка! – из коридора вполне вроде бы по нормальному зовет мама. – Ну, ты чего там утонула? Все на красоту свою небесную налюбоваться не можешь? Вылезай уже. К тебе кавалер пришел.

Денис пришел не один. За рукав его цеплялось маленькое паукообразное существо лет пяти, с огромными серыми глазищами и спутанными пепельными кудрями.

- Здравствуйте, как поживаете! – выпалило существо, отчаянно картавя, на одном дыхании, и тут же спряталось к Денису за спину.

- И тебе не болеть! Завтракать будете?

Насчет того, что у нас кому-то чего-то не хватит, можно не париться. Мама, если готовит, так на роту или целый полк. Вон какая груда оладий в миске! Кто их есть-то будет? Ну, я две-три возьму, ну, она сама столько же. Остальные так и пропадут в холодильнике. Холодные-то они невкусные.

Другое дело, что кухня у нас микроскопическая, и стульев в ней – раз-два и обчелся. Но это... существо можно ведь посадить к кому-нибудь на колени? Например, мне.

- Братишка? – спросила я, лопааясь от зависти. Всю жизнь мечтала иметь под боком кого-нибудь помоложе. Не в чужом доме, на другом конце города, а чтобы рядом. Чтоб живое, теплое и свое. Но с такими родителями разве можно надеяться на простое человеческое счастье?

Могли бы, между прочим, сперва родить кого-то еще, а потом уже разводиться!

Хотя, с другой стороны, наверное, правильно, что вблизи от меня нет никого слабее и младше. А вдруг бы я стала на нем кормиться?!

- Сестренка. Мой пожизненный крест. Одни нарожают, другим отдувайся. В детсад конвоирую. Людмила, перестань за меня прятаться, пять лет скоро, а все, как младенец! Выйди на свет, и дай людям самим определиться с твоим полом и возрастом.

- Я поздоровалась! – буркнули недовольно из-за спины.

- И что теперь? Памятник тебе за это? Кончай выеживаться, - Денис завел руку назад и вытолкнул сестренку вперед. - Времени же в обрез! Вспомни, мы пришли смотреть на собачку. Люсь, ну ты ж сама хотела на собачку смотреть?

- Я писать хочу! И кушать!

Денис страдальчески закатил глаза.

- Сейчас, погоди! Придешь в сад, и тебе там все будет.

- Так там холодное уже все, и невкусное! И все время толпятся эти, всякие... дети.

- А сама ты кто? Египетская принцесса? Живешь во дворце, питаешься в ресторанах? Все, заткнись, мы пришли по делу. Свет, ну как там наш пациент?

Пес сам подошел и ткнулся башкой Денису в колени.

- Вот это да! Ну, ты, брат, молодец! Люська, погладь собачку. Ничего, что рычит, он же не идиот, ребенка кусать не станет. Вот здесь погладь, возле, ушка, где нет болячек.

Потрепав пса по холке, Денис достал из рюкзака и выдал мне для него несколько банок собачьих консервов.

- Это на первое время, потом можно начать нормальной едой кормить. Он же не больной, просто очень истощенный. Много сразу не давай, по чуть-чуть, к еде надо привыкать постепенно. И про воду не забывай. Почки-то у него заработали?

Заработали. Вон какая под столом лужа.

- Ну и славно! – обрадовался Денис. - Хорошо, что он не стесняется. А то ведь, знаешь, некоторых собак приходится на руках взад вперед по нескольку раз за день во двор выносить. В доме они не могут себя заставить. Вот бы ужас, притом, что у вас нет лифта! Ты просто этот угол газетами застели.

Мы все еле втиснулись в кухню – я спиной вжалась в холодильник, Денис на втором стуле оказался наполовину в коридоре, а мама села посередине, к плите поближе, и все время вскакивала – оладьи перевернуть, на стол еще что-нибудь поставить. Люську я взяла к себе на колени.

Люська очистила тарелку в мгновение ока.

- Кушай, моя хорошая! – приговаривала довольно мама, наполняя ей тарелку снова и снова, нежно поглаживая дите по спутанным волосам.

Попробовала б мама меня погладить! Наверняка б я в последний момент вильнула бы башкой в сторону, чтобы избежать прикосновения. Небось у меня на затылке второй год уже не кудри, а самый что ни на есть жесткий ежик. Берегись, уколою!

Впрочем, мама давно уже не пытается.

Оладьи у всех прошли «на ура». И со сметаной, и с вишневым вареньем, и просто с маслом. Я под них чаю вылебала аж полтора стакана. Придется теперь по дороге искать туалет, ехать-то мне долго.

Поев, Денис сделал собаке все, какие собирался, уколы, смазал, как и вчера, глаза чудодейственной мазью, а про раны сказал, что они вроде и так уже потихоньку затягиваются. Проследил, чтоб я наполнила миску водой и выложила на блюдечко тщательно отмеренную порцию консервов.

После этого мы всей гурьбой высыпали на лестницу – Люська сразу поскакала вперед, прыгая через три ступеньки, а мы с Денисом спускались вежливо и степенно, как полагается взрослым людям, чьи желудки обременены солидным завтраком.

Вместе мы дошли до ближайшего угла, и там расстались.

- Ну, бывай, - сказал мне Денис. – Телефон мой у тебя в мобильнике сохранился?

Я молча кивнула.

- Ну, и у меня твой есть. Ты, это, звони, если что, не стесняйся. Если чего с псом, или...

Тут Денис внезапно дернулся, заорал: «Люська, стой!» и погнал вперед на четвертой скорости. Эта зараза мелкая понеслась уже одна через переход, слава Богу, хоть на зеленый свет.

Я еще постояла чуть-чуть, поправляя на плечах лямки рюкзака. Пять томов полупросохших Руггон-Маккаров – это тебе не хухры-мухры! Но что делать, если у нас сегодня практика в библиотеке научно-технического института, где читать нормальному человеку абсолютно нечего, хоть все полки в стеллажах наизнанку выверни. Интернет там не ловит, точнее, я не знаю тамошнего пароля. Зато там тихо,

чисто и всегда везде очень светло – потолок весь в ярких, еле слышно гудящих лампах. А помещение такое огромное, что можно не то что спрятаться – затеряться навсегда, забиться где-нибудь в угол, и читать, читать, читать что-нибудь свое – пока ночная уборщица не прогонит.

К вечеру, когда душу совсем подвело от голода, я набрала Ваську Солдатенкова из моей прежней школы.

И целых два часа выслушивала, в чем преимущества одного мотоциклетного мотора перед другим. Васька так горячился, у меня аж трубка раскалилась.

Под конец разговора Васька сказал, что я лучшая девчонка на свете! Так все хорошо понимаю!

И я уже приготовилась выслушать, и отклонить вежливо предложение о свидании. Потому что на фиг мне этот Васька сдался? То есть так-то Васька хороший, но делать-то мне с ним что? Целого вечера разговоров про моторы я точно не выдержу.

Но Васька вместо этого сказал жарким шепотом: «Только ты никому, Светка, ладно?» - как ему больно и обидно, что его ни капельки не воспринимает Ленка Озерова – «ну, помнишь, она раньше в параллельном была, худенькая такая, гимнасточка? Нас же теперь в один класс слили, после девятого».

А ему, между прочим, эта Ленка нравится. Очень. По-настоящему. «Тебя ведь Светка, такие вещи не интересуют, я знаю. Ты всегда была, прям, как парень. Скажи, что делать? Ты ж умная, ты книжки читаешь. Даже вон в моторах разбираешься. Как сделать, чтоб она на меня внимание обратила? Не самому же к ней подходить?»

- Ну... почему? Можно и самому, наверное, - неуверенно предположила я.

- Ну как самому?! Она ж совсем на меня не смотрит! Наверняка пошлет. Меня ж тогда все пацаны в школе засмеют, знаешь же у нас пацаны какие?

- Так, а тебе кто важнее, пацаны или Ленка? –
вызверилась вдруг я и бросила трубку.

Ну, потому что глупость же, и вообще. Что я ему, дом советов? И какое дело ему до всех, если она ему и вправду так нравится? Тем более, всему этому сопутствовал такой неожиданный всплеск энергии, что я, если честно, аж подавилась.

На душе от таких разговоров становится сытно, но как-то невесело. Ведь вот как меня, оказывается, люди воспринимают. Свой парень! Думает, меня и вправду интересуют эти его моторы! Да сто лет они мне сдались! Ленке своей пусть про них рассказывает!

Пес подполз и положил мне голову на колени. Я рассеянно провела по ней пару раз рукой. На ладони остались следы сукровицы. Видимо, я нечаянно содрала корочку на подживающей ранке. Пес не рыкнул, и не сделал попытки схватить мои пальцы зубами. А только страдальчески глубоко вздохнул. И мне от этого стало легче.

Ночью позвонил Денис.

- Французский писатель, на «М», шесть букв, в середине «р».

- Мериме, - откликнулась я. – И тебе привет.

- О, спасибо. Я так и знал, что ты в курсе.

- Кроссворд отгадываешь? Ты хоть знаешь, который час?

- Полпервого. Я тут с собакой послеоперационной остался. Пока не докапаю, спать нельзя.

- Некоторым, между прочим, завтра вставать в семь утра.

- Ну и спала бы?

- Так ты ж не даешь!

- Разве? То есть ты, типа, уже спала, а я, типа, тебя разбудил?

- Ну да.

- А трубку чего взяла с первого звонка? Спишь, типа, с пальцем на телефоне?

- Да ну тебя! Я жду, что позвонит мама.

С четверть часа мы поболтали. Так, ни о чем. К тому времени собака докапалась, и Денис собрался идти спать.

А мама так и не проявилась.

- Слышь, Свет, ты этого, Фантомаса своего, так еще и не гуляла?

- Нет. Завтра в первый раз собираюсь.

- Давай я утречком заскочу, помогу тебе его спустить по лестнице?

- Что, оладьи понравилась?

- Не то слово! Рецепт хочу попросить!

- Заходи, но оладьев не обещаю. У меня, похоже, мама в загуле. Вон уже и метро закрылось. Придется тебе довольствоваться бутербродами.

- Как Карлсон говорил: «Попадешь к вам в дом – научишься набивать брюхо чем попало». Чаю мне только завари. В чайнике. На подоконнике который, с листочками.

- У нас другого и нету.

- Ты это... не беспокойся. За мамку в смысле. Мамки, они знаешь, такие. Им иной раз как вожжа под хвост попадет. Хуже детей, ей-богу!

- Это верно!

У меня-то уж точно голова на плечах крепче держится, чем у предков.

За окном сквозь московский смог просвечивали мелкие звездочки, плыла, покачиваясь, белобрюхая полная луна. От проходящих машин по потолку пробежали светлые полоски. Под кроватью вздыхал и сонно ворочался пес.

Я закрыла глаза, и мне почудилось, что кровать моя качается, как койка на океанском корабле, и что весь наш дом куда-то плывет, далеко-далеко, в открытое море. Это, конечно, был уже почти сон, но все-таки еще не совсем. Потому что я краем уха расслышала, как ключ поворачивается в замке, ноги топчутся по прихожей, и мама громко шепчет кому-то: «Тише ты! Светка спит!»

И я хотела сказать, что вовсе даже не сплю, но на самом деле уже спала.

Все-таки полнолуние для нас, вампиров, невыносимое время. Прямо вот посреди ночи горло пересохло, захотелось одновременно и пить, и писать. В таких случаях, я, толком не просыпаясь – встаю, и, не зажигая света, бреду себе с полузакрытыми глазами тихонько по стеночке. Где стенка кончается, цепляюсь за что-нибудь еще. Сперва в туалет, потом в кухню, к плите, где чайник. Хватаюсь по дороге за стол. Пью жадно, прямо из носика, благо мама не видит. Потом иду к себе, падаю в койку и проваливаюсь обратно в сон.

До настоящего вставания время еще есть, и я почти всегда успеваю посмотреть потом еще один сон. Иногда стыдно-сладкий, а в другой раз, наоборот, какой-то невообразимый кошмар. Или запутанную историю, с неожиданными поворотами сюжета, порой даже вовсе не про меня.

Эти предутренние сны всегда почему-то ужасно яркие и живые. Настолько, что потом, проснувшись, приходится приложить усилия, чтобы разобраться окончательно, где сон, где явь, и как бы это половчей отделить одно от другого.

Видимо, я опять заснула, хоть и не помню, как возвращалась к себе, и в горле по-прежнему сухо, точно его засыпало песком.

Иначе как объяснить?

Как обычно, я, хватаясь за стенки и не открывая глаз, дотащилась из комнаты до туалета, а из туалета до кухни, привычно цапнула рукой край стола... И обожглась.

На краю дымилась зажженная сигарета.

- Папа?!

Действительно, в нашей микроскопической кухне, целиком заполнив ее своим мощным телом, сидел мой отец. Сидел, как у себя дома, в одних трусах. А на столе, там, где я за него схватилась, тлела его вечная «беломорина».

Теперь, впрочем, уже и не тлела, поскольку я с размаху загасила ее ладонью .

Теперь вместо нее пылала моя рука. Правая. Блин, если до утра не пройдет, как я писать-то буду?!

Я подула на ладонь. Хотелось завить, но я, конечно, сдержалась. Не при папе же!

- Обожглась?! Маленькая моя! Что ж ты так, идешь и не смотришь! И я тоже, развалился, расслабился... Наших-то об эту пору канонадой не разбудишь. Сильно болит? Погодь, не плачь, ща я маслицем смажу, полегче станет. Да что ж ты бродишь-то в такое время? Во сне ходишь, что ли? Танька вроде ни разу не жаловалась...

Я встряхнулась. Здоровой рукой потерла глаза. Может, это все-таки сон?

Ожог на руке саднил нестерпимо. Однако еще нестерпимей оказались для меня попытки осознать всю эту нелепую, невозможную ситуацию.

Отец. У нас. Ночью. То есть, стало быть, они с мамой... После всех этих лет! Может, они даже не в первый раз. Может, оно вообще все эти годы так было, а я просто не замечала.

А зачем тогда они разводились?

Хотя... в книжках всякое ведь бывает... Правда, обычно в самых дешевых, в бумажных обложках.

Да блин! Я ж головой затрясла, и заскрипела зубами. Что за на фиг! Он женатый человек, у него Марина! И дети!

Хотя мне-то какая разница? Он ведь мой отец... А она моя мама...

Почему-то мне ужасно хочется плакать. И совсем не из-за руки.

- Светка, ты что дрожишь, холодно тебе? Ну да, конечно, ты же в одной рубашке, а у меня форточка, ща, погоди, я ее прикрою... И где, на хрен, у вас это масло...

Но тут я уже окончательно проснулась, решительно отказалась от первой помощи, и ушла к себе. Типа досыпать.

Но сна не было ни в одном глазу. Я слышала, как под отцом скрипит табуретка, как сонно ворчит в соседней

комнате мама, что, мол, не фигура курить в доме, а ну как Светка учует, и что она тогда подумает...

Я думала... Неважно что. Не скажу.

Я натягиваю на голову одеяло.

Пес осторожно ставит на кровать передние лапы. Медленно втягивает за ними задние. Аккуратно укладывается рядом со мной и лижет обожженную руку прохладным ласковым языком.

Это просто кошмарный сон. Иногда, бывает, приснится такое, что ни в одной книжке...

Под утро пузырь на руке лопнул. Пес все аккуратно зализал языком. Ну да, я его лечу, он меня. Ты мне, я тебе. От его щекотного языка на душе становится явно легче.

Все-таки я вампир! Немножко душевного тепла – и жизнь уже видится в другом цвете.

От Дениса пришла sms-ка. «С утра не получается ничего, ночью кесарево привезли. Поздравь – шесть щенят, и все живые! Отосплюсь - звякну».

Что ж, с днем рожденья, щенята! Живите теперь долго и счастливо, раз родились! А с псом придется как-то самой справляться. Не будет же он всю жизнь ссать у меня в углу.

Я натягиваю джинсы и майку, повязываю псу на шею бельевую веревку, и мы с ним тихо-тихо, спотыкаясь и чуть не падая – он от слабости, я от не вполне ловких попыток его поддержать, - спускаемся во двор.

На улице поступь пса становится тверже, хвост его вздымается вертикально, нос тычется в землю, принюхиваясь к разным запахам. В книгах пишут, что пробуждение интереса к жизни – главный признак выздоровления.

Что ж все-таки с родителями делать? Или ничего не делать, сами разберутся? Наверное, лучше мне держаться от всего этого подальше, целее буду.

- Светка!

Я оборачиваюсь, и вижу на обочине шоссе машину отца. Отец стоит рядом, и машет мне рукой. В другой руке у него сигарета, он мнет ее, но не зажигает.

Машинально одергиваю с боков чересчур короткую майку. А, фигня, все лучше ночной рубашки! Нормальная, между прочим, майка, даже под цвет глаз.

- Доброе утро, пап! Какими судьбами?

- Свет, не придуривайся! Как рука? Экая у тебя страхолюдная собака! - выдает он вместо приветствия. – Мать рассказывала, но я как-то не поверил. Где ты ее раздобыла?

Вот еще новости! Теперь мне еще и за собакин вид отвечать придется?

- Нормальная собака. Просто он больной и голодный.

- Ага. А выздоровеет, сразу станет белый и пушистый.

- Нет, он будет рыжий.

- Свет, ты это... ну..., что я ночевал тут, у вас... Маринке про это знать не надо, хорошо? Могу я на тебя положиться? Ты ж все-таки моя дочь!

- Не вопрос, – я передергиваю плечами. Обожженное ночью место тотчас начинает ныть и чесаться. – Но...

- Что «но»? Послушай, мы с тобой оба взрослые люди, могу я просто положиться на твою порядочность?

- Конечно, пап, можешь.

- Просто Марине больно будет, если она узнает. Зачем нарочно причинять человеку боль?

- Пап, но, получается, ты все еще любишь маму? Тогда почему?..

Отец свистит. Долго, красиво, и с переливами.

- Ну-у, ты даешь! Да какая любовь?! Просто два человека, которым есть что друг другу дать.... А любовь... Ты что ж, совсем еще дурочка?! Я думал, в очках такая, начитанная. Тебе ведь уже сколько лет, шестнадцать? Может, ты и в Деда Мороза веришь?

Отец пальцами сломал сигарету пополам и щелчком отправил в кусты обломки.

- Да не смотри ты на меня так! Ну, нету никакой любви, понимаешь, нету! В книжках она, понимаешь, в книжках!

Свет, ты ведь уже взрослая девушка. В твоём возрасте нельзя быть наивной! Ты в курсе, что есть инстинкты? Есть физиология, биохимия, да плюс к тому соображения удобства? Вы биологию в школе проходила?

Я киваю, как китайский болванчик.

- Ну вот! Это все есть, а любви никакой нету! Понимаешь, нету ее, нигде, никакой, вообще!

Отец так орал и жестикулировал, что на него стали оборачиваться, а пес вздыбил на загровке ошметки шерсти.

- Пап, я все поняла. Успокойся. Ну нету и нету. Ты, главное, не нервничай.

Честно сказать, я перепугалась. Никогда не видела его таким. Даже когда они с матерью ругались.

Но тут он, словно опомнившись, перестал, наконец, кричать и махать руками, а подошел, сгреб меня в охапку и поцеловал в лоб. Схватил обеими руками мою ладошку, ту, правую, обожженную ночью, стал вертеть, отыскивал ожог, подул на него, зачем-то тоже поцеловал.

- Маленькая моя, глупенькая! Не обижайся! Я ж это для тебя говорю! Чтоб ты не повторяла моих ошибок.

Толкнул меня так, что я чуть не упала, сел в машину, хлопнул дверью и уехал.

По дороге на учебу я в очередной раз подумала, что наверняка дело снова в моей вампирской сущности. Что оба они со мной так обходятся чисто инстинктивно. А то б я наверняка давно их обоих досуха высосала, и теперь рыдала бы на их могилках.

Вон они сейчас как по ночам без меня сердечно воркуют. Родился бы у них кто другой, небось бы до сих пор вместе жили.

А так что ж? Допустим, приходит отец с работы домой, играет со мной, и через некоторое время становится ему плохо. Нападает на него черная тоска. Такая, что прям волком вой. Ну, отец думает - мне тут плохо, пол грязный,

обои выцвели, и вообще, что меня тут держит? Тем более, раз никакой любви нет.

И правильно, а что еще думать, если, стоит выйти из дому, становится в разы лучше? Там-то нет никаких вампиров. Вот он и уходил, каждый раз все дальше, пока свою Марину не встретил.

А просто я из него дома всю энергию высасывала.

А мама? Не зря ведь она так часто жалуется на усталость. На работе она человек человеком, а домой придет, и сразу начинается.

Хотя, когда я маленькая была, мы с родителями вроде неплохо жили. Ясно, маленькому вампирчику энергии не так много надо. А вот когда я подросла...

Я пытаюсь вспомнить, как было, когда я была совсем маленькой. Вернуть тепло и солнечный свет, уверенность, что все тебе рады, все тебя любят, и ты никогда не умрешь.

Я это всегда знала! Что мне какие-то статьи, когда я сама в себе ее чувствую, эту сосущую пустоту, гниль внутри, которая, как воронка, всасывает в себя всё и вся вокруг, превращая близких мне людей в нелюдей.

И за что мне это? Я ж добрая, я хорошая! Я, честное слово, когда вырасту, заработаю денег и немедленно уеду от вас от всех на необитаемый остров. Буду там подпитываться потихоньку от солнца, от интернета. Самую капельку, только чтоб не умереть совсем. А вокруг пусть природа, погода, птицы, звери, рыбы. И, может быть, я со временем научусь черпать энергию только из них.

Вот найти б какую-нибудь работу. Сплошная польза была бы - и дома меньше бывать, и деньги можно начать откладывать. Но сейчас кто меня возьмет – несовершеннолетнюю, без специальности, без знакомства, с улицы. Смешно даже и мечтать.

Интересно, как Денис устроился в ветеринарку? И сколько ему там платят? Вряд ли, конечно, он там деньги лопатой гребет, но ведь настоящее дело! Кесарево, щенята, ночью – сплошной экшн. Может, он и меня устроит?

Хотя лично я ночью предпочитаю спать.

Школа мне к девятому классу совсем надоела, смысла туда ходить я никакого не видела, но мама, понятное дело, ни за что б не забрала мои документы «в никуда». И самой бы мне их не отдали. Документы, конечно, вроде бы как мои, но сама-то я пока себе принадлежу условно.

Примирившись с моим упорным нежеланием заканчивать одиннадцатый класс, мама предложила на выбор: медучилище, педучилище, полиграф или библиотечный. Сейчас бы я, наверное, предпочла полиграф. Наверняка там чему-нибудь полезному учат! Ну, скажите, зачем сегодня нормальному человеку знать принципы организации библиотечных каталогов? Разве без этого нельзя найти все, что угодно, в Гугле? И вообще, когда мне срочно, как воздух, требуется книга, то я, чаще всего, к сожалению, не знаю точно, какая. Я только предчувствую ее, нащупываю. Брожу по библиотеке, или книжному магазину, ругаюсь с продавцами, раскрываю наугад то книгу, одну, то другую, вчитываюсь, всматриваюсь, пробую на вкус, нюхаю, откладываю, беру следующую, и так иной раз часами, до бесконечности, пока не найду.

Она может быть только одна-единственная, созвучная мне в этот момент. Только она одна сможет утолить эту жажду, заполнить – временно конечно! – сосущую пустоту внутри, только ЭТА книга, и никакая другая! Не знаю еще, какая. И чем тут может помочь каталог?!

Большую часть первой пары я сижу на последней парте, по уши погруженная в лежащую на коленях книжку, стараясь не вникать в происходящую вокруг порнографию.

Первой парой сегодня русская литература. Мы проходим Блока.

Не то чтобы я что-то против него имела. Просто от стихов – ну, если они хорошие – реально пьянеешь. Голова плывет, походка делается шаткой, и пылают щеки. Чем лучше удалось автору обнажить перед нами душу, тем стыднее и неудобнее повторять его слова вслух, тем более при всех.

Особенно если это в самом тебе как-то отзывается. По моему, чтение стихов - это довольно-таки интимная штука.

Если, конечно, стихи хорошие, а не какая-нибудь фальшивка, что-нибудь идиотски-плакатное. Этого я тоже не могу слышать, но уже по другим причинам. Тогда у меня чувство, что кто-то пилюю по ушам ездит.

Вдобавок я теперь избегаю всего, где есть хоть какой-то намек на самоубийство и бессмысленность жития.

Потому, что я об этом и в прошлом, и в позапрошлом году уже достаточно думала. Пришла к выводу, что, как ни соблазнительно это выглядит, лучше все-таки обождать.

Конечно, хорошей в высоком смысле этого слова, ну, или там полезной для общества мне не стать, как я ни старайся, учитывая мою вампирскую сущность. Есть люди-солнышки, вроде Дениса, а есть черные дыры, вроде меня. С этим ничего не поделаешь. Не мы выбираем, кем родиться.

Но все-таки я пока погожу. Мало ли чего. Вдруг любовь настоящая или еще какое-то чудо! А я вот не дождалась. Ушла раньше времени, закрыла за собой дверь и упустила возможность. Обидно, да? Главное, ничего потом уже не исправишь.

В конце концов, умереть-то я всегда успею! Если вдруг жизнь сделается абсолютно невыносимой.

На всякий случай я продумала в деталях несколько наиболее доступных и наименее болезненных способов самоубийства. Все всегда надо планировать заранее, а то мало ли что потом. И отложила мысли об этом в долгий ящик. Там пускай пока и лежат.

На прошлом уроке нам рассказывали биографию Блока. В деталях, в том числе не отраженных в учебнике, на фоне исторического контекста. Как там все было сложно у него с Белым и Любовью Дмитриевной. А потом еще война, революция! Что ж, по-человечески я Блока понимаю.

У нас хороший курс литературы, большой, подробный. Мы ведь будущие библиотекари.

Убей не понимаю, на фиг это все нам надо! Функция библиотекаря чисто техническая – выдавать людям книги. Для этого вовсе не нужно разбираться в них самому.

Достаточно просто уметь читать и знать порядок букв в алфавите.

А допустим, придется потом работать в научно-технической библиотеке? Или в медицинской? Или в сельскохозяйственной? По любому, будешь ты там дуб-дубом, знай ты хоть всего Пушкина с Гоголем наизусть, не говоря уже о подробностях их личной жизни.

Ей-богу, лучше бы они нас учили сколачивать стеллажи из дерева! Точно было бы больше пользы.

К сегодня велели каждому выучить что-нибудь из Блока на выбор.

Вот и все талдычат, один за другим, точно сговорились: «О Русь моя, жена моя, до боли...» монотонно, словно осенний дождик.

И вдруг... «Под насыпью, во рву некошеном, лежит и смотрит, как живая...»

Я даже голову от неожиданности подняла! Чуть ли не всем телом поворачиваюсь туда, на голос.

Гаврилов. Один из двух наших мальчиков. Интонация, как у пономаря, но слова-то! От слов-то ведь никуда не спрячешься.

Зачем он вообще выбрал такое?! Такое в аудитории, у всех на глазах, может читать только либо дебил бесчувственный, которому все по барабану, либо идиот счастливый, не верящий ни слову из того, что сейчас произносит, либо манипулятор, осознанно призывающий аудиторию понять, как больно все в этой жизни, и сделать из этого правильные выводы.

Смотри-ка, он не три-четыре четверостишья – он весь стих выучил наизусть. Гордый, небось! Удалось в кои-то веки соригинальничать! Теперь все девки его будут.

Ах, я бы и рада забыть, да где там! Месяц оно меня когда-то не отпускало. Нет уж, пусть лучше без меня в ритмике изощряются!

- Александра Аркадьевна, можно выйти?

- Сиди, Корсункова, потерпишь, не первый класс. Имей уважение к сокурсникам.

Я не могу этого больше слушать!!!

Безжизненный монотонный голос на миг запинается, и слова выплескиваются из меня сами, помимо воли:

- Не подходите к ней с расспросами!

Вам все равно, а ей... довольно.

Любовью, грязью, иль колесами

Она раздавлена – все больно.

И сразу замолкаю. В кабинете тишина. Все уставились на меня. Валаамова ослица заговорила.

Ну, а чего вы, собственно, хотели? Такие стихи нельзя при мне читать. Их вообще, по-моему, читать вслух нельзя. Все равно, что любовью на Красной площади заниматься.

Постепенно народ вокруг расслабляется, выдыхает. Чихает, кашляет, начинает двигаться. Гаврилов, которому я помешала закончить стих, тишком усаживается на место. Испортила я ему впечатление.

Преподавательница смотрит на меня новым взглядом. Спрашивает, без особой правда надежды:

- Корсункова, ты не хочешь в драматическую студию?

Ту, которую она с первого сентября все тщетно пытается организовать? И будет у нас тогда с ней театр одного актера. Всю жизнь мечтала!

Да и нельзя мне...

Читая стихи, я неосторожно раскрылась настежь, распахнулась непростительно широко, и теперь энергия утекает из меня под всехними взглядами, просачивается сквозь поры в коже моя эктоплазма... Скорее, скорее, пока не поздно, уткнуться глазами обратно в книжку, раствориться в буквах и знаках чужой жизни, в запахах и звуках ее. Книжка у меня для этого как раз самая подходящая – «Чрево Парижа». Жирные улитки на виноградных листьях во влажных больших ивовых корзинах, расставленных на широких прилавках старого парижского рынка. Улитка, улитка, высуну рога...

На перемене мне становится очень худо. Ожог на руке начинает саднить. Знобит, кружится голова. Боюсь сдвинуться с места – вдруг в сторону поведет?

Нельзя так бездумно разбрасываться энергией! Самой-то еле хватает, а тут взяла и выплеснула просто так, низачем, в воздух целый пылающий сгусток!

Глупо как. Можно подумать, согрела этим кого-то.

Разбазарила неприкосновенный запас, а теперь хоть подыхай. Соси лапу, как медведь. Книжка тут уже не поможет, проверено. Буквы будут расплываться перед глазами. Тут только живое тепло. И звонить кому-нибудь еще рано, все на учебе, как и я.

Где взять живого тепла? То есть вокруг, конечно, сплошные живые люди! Но нельзя. Ни у тех, с кем рядом живешь рядом, ни у тех, с кем учишься. Должен быть кто-то посторонний, с кем редко встречаешься в повседневной жизни.

И что делать?! Впереди еще, между прочим, целых три пары. Хоть забей на все, и иди на улицу, искать кого-нибудь там.

И тут у меня в кармане взрывается телефон. Вот как, интересно? Я ж звук перед занятиями выключила.

- Французский поэт эпохи позднего Средневековья, пять букв, третья «й»?

- Вийон, - выдыхаю я, чувствуя, что дышать становится легче. - И тебе привет! Как щенята?

Удивительно, но с Денисом мне не приходится искать темы для разговора. А мы ведь всего-то ничего знакомы.

- Денис, а у тебя в «Мастере и Маргарите» какое самое любимое место? Это вот, про бином Ньютона?

Денис смутился, но быстро взял себя в руки, шевельнул заалевшими ушами, и честно сказал:

- Свет, я, знаешь, еще не читал. Все собираюсь, и все не соберусь никак. Но я обязательно прочту, ты не думай! Я в курсе, что без этой книги, ну, и может еще пары других таких же, интеллигентных людей не бывает. Просто я, понимаешь, всегда долго раскачиваюсь.

- Что ты, я совсем даже ничего такого не думаю! Я просто подумала...

- Что ты подумала?

- Неважно.

Я подумала, вдруг Денис такой же сумасшедший читатель, как я. Тогда с ним можно общаться цитатами.

Это у меня мечта такая – найти кого-то, с кем можно общаться цитатами. Потому что цитатами, на самом деле, легче всего разговаривать. Ведь много чего на свете уже давным-давно сказали до нас, и сказали так хорошо, что теперь умри, а лучше не скажешь.

Но разговаривать цитатами, к сожалению, обычно нельзя. Потому что или люди не поймут, или посчитают заумной, а скорей всего, и то, и другое. Решат еще, что выпендриваюсь и хочу выставить их дураками. А я вовсе даже нет. Просто мне и вправду так легче. Разве я виновата, что куча слов, помимо воли, застревает в памяти? Стихи, конечно, в основном, но не только.

- Что ты, я вовсе даже ни про чего такого не думаю! На самом деле, многие ведь не читали. Просто они не признаются. (Не хватало еще, чтобы Денис закомплексовал!) А откуда тогда у тебя эта фраза, про бином Ньютона?

- Ах, это, понимаешь, у моей матери бойфренд был. Все время эти слова повторял, по любому поводу. Вот ко мне и привязалось.

Бойфренд, значит. У матери.

Хотя что я понимаю в нормальных семьях?

Вполне может быть, что в любой нормальной семье есть главная любовь, и кроме нее сколько-нибудь побочных. Черт их знает, как у них там бывает, в нормальных семьях. Раньше я думала, что нормальная семья у папы с Мариной.

- Эй, ты чего смеешься?

- Ты ужасно сморщила лоб. О чем ты так мучительно думаешь?

- Ни о чем. Денис, а куда мы идем?

- Сперва в ветклинику, глянуть, как там щенята. И вообще, там работы до фига, дядя Женя уже два раза звонил. Вот я и подумал, что лишние руки не помешают. Поможешь мне там, хорошо? А в шесть часов заберем Люську, закинем ко мне, и пойдем гулять с твоим Фантомасом.

- Фу! Не зови его так!

- А как? Ты что, его уже как-то назвала?

- Не знаю... Может быть, Рыжий? Не Рыжик, а именно Рыжий. Понимаешь, как бы, констатация факта. Рыжий, или, допустим, Бурый...

Клиника «Хвосты и лапы» была позади платформы Брусняки, в одном из кирпично-красных пристанционных строений.

Брусняки - платформа маленькая, короткая, а мост через нее высокий, не по росту, скрипучий, ржавый.

Мы с Денисом на этот мост не пошли. Мы вместо этого дошли до края платформы и прыгнули на пути.

Денис прыгнул и подхватил меня. Я, конечно, и сама бы смогла, но ничего не сказала. Приятно ведь, когда за тобой ухаживают.

Мы двинулись через пути, радуясь отсутствию товарняков, и пережидая, по мере необходимости, электрички и скорые.

Бесконечная паутина рельсов под ногами, гудящих и подрагивающих от движения дальних поездов. Запах угольного дыма, мочи и хлорки из проносящихся мимо вагонов.

Вот бы запрыгнуть на ходу в поезд и уехать все равно куда, лишь бы далеко!

Высоко в небе чертили белые полосы самолеты. Отовсюду пахло весной и волей. Эти звуки и запахи

отвлекали меня от разговора. Сознание словно бы немножко двоилось. Одна половина меня неслась куда-то скачками вдаль, а другая топала по земле, спотыкаясь о шпалы, и осторожно перешагивая через стрелки.

Денис, впрочем, не обижался. Он терпеливо возвращался в разговор назад, послушно повторял сказанное по нескольку раз, а то и сам неожиданно замолкал, искоса поглядывая на меня, и словно бы прислушиваясь к себе.

У крыльца клиники толпились люди с встревоженными лицами и больными зверями; в маленьком «предбанничке» между дверьми, и в выкрашенном зеленой краской коридоре яблоку было негде упасть.

В конце коридора была дверь к врачу. Но мы туда не пошли, а поднялись сразу по лестнице на второй этаж.

Наверху было большое, заставленное клетками помещение, с длинным металлическим столом посередине. У стола, спиной к нам, стоял хмурый человек в темно-синем халате. На столе перед ним лежала бурая кошка.

Кошка лежала на боку, неестественно прямо вытянув лапы, и дышала тяжело, с присвистом, приоткрыв пасть и высунув кончик розового язычка.

- Ой, что это с ней?! – ахнула я с порога.

- Болеет, - буркнул, не оборачиваясь, человек. Его, похоже, нисколько не волновало, кто там вошел, почему, зачем. Сейчас его волновала только кошка.

- Здравствуйте, дядя Женя! – сказал Денис, подходя к столу.

- А, племянничек! Явился - не запылится! Что долго так? Мы ж вроде на четыре договаривались.

- Обстоятельства, - туманно ответил Денис. – Дядь Жень, а правда, что с кошкой?

- Не видишь? Плохо ей, – дядя Женя мрачно усмехнулся и приставил фонендоскоп к кошкиной груди. – Только что принесли. Так что сам не разобрался еще, знаю не больше твоего. Говорят, шла, шла и упала. Внезапно, без объявления войны. Ты, чем спрашивать, взял бы лучше у кошки кровь. Глядишь, через пару минут мы бы все знали больше.

Денис протолкался между клеток к стеклянному шкафчику у стены, а я подошла к столу и начала гладить кошку.

Мне казалось, раз она умирает, ей должно быть больно и страшно, как было бы, например, страшно мне. Когда тебя гладят, становится легче.

- Лапу ей зажми выше локтя, - скомандовал, вернувшись, Денис. – Жми крепче жми, изо всех! Чтоб как следует проступили вены.

Я сжала пальцы так, что побелели костяшки.

- А ей не больно?

- Да ей вше щечас фиолетово, - невнятно отозвался Денис. В зубах у него был зажат шприц, а руки были заняты катетером и ваткой со спиртом.

Дядя Женя, поручив дело нам, сразу словно потерял к кошке интерес, и занялся прочими пациентами. Сперва лежащей в клетке овчаркой. Он ей что-то поправлял в капельнице, а собака при этом большим языком вылизывала ему пальцы и изо всех сил била хвостом по полу клетки.

- Ну, Марта, все, все! Прекрати, мешаешь! Вот ведь тварь любвеобильная! Что с ней только не делают, а она все равно всех любит.

Я почувствовала, что пальцы у меня стали неметь. Денис продолжал бестолково тыкать в кошачью лапу иголкой. Ничего не происходило, кроме того, что кошка вытягивала время от времени лапы и шею, и начинала хрипеть, а на губах у нее появлялась пена.

- Денис, ты скоро? А то я уже своих пальцев не чувствую.

- Потерпи. Понимаешь, у нее сильный спазм сосудов, лапа как деревянная, а это, конечно, не способствует... Тьфу, не говори под руку! Почти попал! Передохни. Сейчас мы на другой лапе попробуем....

На другой лапе катетер вошел в вену сразу. Легко, как по маслу. Даже странно показалось, чего Денис мучился, если все так просто.

Я стояла и смотрела, как медленно заполняется кровью шприц, как Денис, покончив с анализами, подключает к кошке капельницу. В вену закапала прозрачная жидкость.

- Что это?
- Пока физраствор.
- А он ей поможет?
- Ну, всяко не повредит. Снизит уровень гадости в крови.
- Разбавит?
- Типа того. Уменьшит концентрацию.

Внезапно кошкины веки дрогнули, и она уставилась в пространство невидящими глазами, с крохотными точечками зрачков.

- Денис, а почему у нее глаза странные такие?
- Какие? Ух ты! Дядь Жень, смотрите, это же стопудово ФОС! Вы у хозяев спрашивали, они, часом, тараканов не морили?

Следующие два с половиной часа пролетели незаметно. Родившиеся ночью щенята получили свою долю молока, любви и ласки. Их еще не до конца пришедшая в себя мама – порцию антибиотика и еды. Собака Марта с торчащими из лапы во все стороны спицами выгуляна, накормлена и обласкана, а ранки вокруг спиц обработаны антисептиком. И еще, еще, и еще...

Я все время была при деле, все время отыскивалась какая-то новая работа. Я кого-то держала, кормила, гладила, успокаивала. Говорила ласковые слова. Меняла подстилку, повязку, попонку, песок в лотке...

Даже странно, как раньше они здесь без меня обходились?

Казалось, я как хомяк, попавший внутрь колеса, все верчусь, верчусь, и верчусь, и все время под лапы подворачивается новая ступенька.

Хомяк, кстати, здесь тоже был. Но он как раз колесом не интересовался. Лежал в углу в своей клетке и душераздирающе кашлял.

Когда мы уходили, кошка, в капельницу которой добавили нужное лекарство, больше не напоминала кусок деревяшки. Кошке промыли желудок и закачали туда взвесь активированного угля, про который Денис сказал, что уголь поглощает любые яды. Теперь, перекатившись на живот, с трудом приподнимая трясущуюся башку, кошка силилась

зубами добраться до своей лапы и выдернуть оттуда ненавистное пластиковое устройство.

Вот дура! Но разве ей объяснишь?

Мы тепло распрощались с дядей Женей. При этом он впервые за вечер посмотрел на меня, спросил, как меня зовут (до этого я была просто «ты»), не дослушав ответ, поблагодарил и попросил Дениса приводить меня с собою почаще.

- Толковая, между прочим, девица. Ты, племянничек, за нее держись. Такие Кати на дороге не валяются.

- Я Света, - поправила я. Но он, кажется, меня не услышал.

- Ты не устала? Не жалеешь, что столько времени здесь потеряла?

Я замотала головой и заверила Дениса, что в жизни не тратила время с большею пользой и удовольствием.

Удивительно! Кажется, я впервые в жизни не почувствовала больше привычной пустоты внутри.

Я искоса глянула на Дениса – не опустошила ли я его ненароком? Но он шел себе, как ни в чем не бывало, упругой походкой, насвистывая, погруженный весь в свои мысли, и легонько пинал на ходу жестянку из-под рыбных консервов.

Мысли, видимо, были противоречивые и нелегкие, потому что пинки, достававшиеся на долю жестянки, становились все злее и ожесточенней, пока жестянка, наконец, не взмыла над нашими головами и, перевернувшись несколько раз, сверкнув на закатном солнце жестяными боками, не брякнулась куда-то далеко вниз, в канаву.

Ясно стало, что энергии у Дениса хоть отбавляй.

- Денис, что такое ФОС?

- Аббревиатура. Означает «фосфорорганическое соединение». Яд, короче. Им тараканов морят, а кошка, похоже, нализалась.

- Но кошка ж не таракан!

- Не таракан. Но тут все дело в количестве.
- А как ты догадался про ФОС?
- Так по зрачкам же! Ты сама сказала – у кошки глаза странные. Смотрю – и правда, зрачки суженные. Ну, значит, ясно, ФОС. Он же зрачки сокращает. Он потому что необратимая холинэстераза.

- Денис, а откуда ты столько всего знаешь?
- А я потому, что в школу не хожу, и времени зря на ерунду не трачу.

- В смысле? А куда ты ходишь? В училище? В колледж какой-нибудь?

Денис, посмеиваясь, на каждый мой вопрос качал головой.

- Ты вообще не учишься?!
- Как не учусь? А откуда бы я тогда все знал? А ходить не хожу никуда, правда. Я до девятого был на домашнем обучении, теперь вот перешел в экстернат. В принципе, это ж одно и то же – ходить никуда не надо, зачеты только сдаешь и экзамены.

- А почему так? Ты разве болен? И никогда не ходил?
- Почему сразу болен? Ходил, когда был маленький. А потом меня мама забрала.

- Но почему?! Ведь все ходят в школу!
- И во-первых, не все, хотя, конечно, абсолютное большинство. А во-вторых... Ну, мама решила, что так будет лучше. И была права. Я там только с учителями конфликтовал, а на уроках вообще ничего не делал.

- И с тех пор тебя мама сама учила? Что, по всем предметам сама?!

- Да нет же, я сам учился. Мама сама ни о чем ничего толком не знает, она у меня актриса. Но я ведь уже был не маленький... Сперва дядя Сева помогал, а потом, когда они с матерью расстались, уже только сам. Да там в учебниках все понятно, что ж я, дебил?

- Дядя Сева – это кто?
- Мамин бойфренд тогдашний.
- Тот, который про бином Ньютона?

- Нет, про бином Ньютона - это другой. А дядя Сева сам препод, правда, не в школе, а в институте. Он объяснять здорово умеет. Я ему и теперь еще иногда звоню, если чего вдруг не понимаю. Он вообще-то биолог по образованию, но знает практически все. И в математике сечет, и в литературе.

- А в ветклинике как ты оказался?

- Дядя Женя привел. Давно, я тогда еще маленький совсем был. Все мать доставал: «Хочу зверушку, хочу зверушку» Вот он меня и привел туда, где зверушек много.

- А дядя Женя тебе кто?

- Тоже мамин бывший.

- А отец у тебя есть?

- Есть. Почему вдруг такой вопрос?

- И он тоже мамин бывший? – Денис остановился и внимательно посмотрел на меня. Потом пожал плечами и отвернулся

- Ну да. Или ты думаешь, я из пробирки?

- А отец у тебя кто?

- Программист. Работает в одной фирме. В командировки по всему свету мотается. Игровую приставку мне из Америки привез, теперь к ней все время что-нибудь докупает. Придет к нам, установит, потом сам часами в игрушку новую режется, счастливый такой, и как-то даже неловко ему сказать, что мне все эти примочки по барабану, у меня играть-то времени нет, то клиника, то уроки, то Люською надо заниматься, - тут Денис усмехнулся. – Но все равно ж, забота, приятно.

- У отца жена есть?

- Теперь есть. Ничего такая, прикольная. Я с ее сыном дружу, он всего на год меня младше. Тоже книжки любит, как ты. А в жизни вообще ничего не понимает, все на свете ему объяснять приходится. Вот почему так происходит, не знаешь?

- А мой отец в газете работает. Но он от нас ушел давно, еще когда я во втором классе училась. Жена у него стерва жуткая. А дети, ну... славные. Мелкие еще, три и пять. Я вообще не понимаю, как можно маленьких детей не любить.

- Не скажи! Маленькие дети - чума! Взять хоть Люську! Иногда все-все понимает, а то вдруг такое учудит, ну, прям всё, туши свет.

Денис жил в старом доме, с широченными лестницами и огромными окнами на площадках. Отец мне когда-то говорил, что дома такие строили пленные немцы после войны.

Мы поднялись на третий этаж. Люська всю дорогу ныла, что хочет писать. Стоило Денису приоткрыть дверь, она сразу шмыгнула внутрь, и исчезла в глубине квартиры.

- Я сейчас, - бросил мне Денис, исчезая вслед за ней.

Я осталась одна в прихожей. Вокруг высились горы ящиков, коробок и чемоданов. У стены, прямо напротив меня, стоял на заднем колесе заваленный грудой одежды велосипед. С велосипеда свисало все вперемежку – весеннее, осеннее, зимнее, широкополая шляпа с цветком...

За велосипедом угадывались очертания старинного зеркала в резной раме. Но из-за царящего вокруг бедлама разглядеть свое отражение не предоставлялось возможным.

Да и фиг бы с ним. Не очень-то и хотелось.

Пахло стружками, скипидаром, масляной краской и еще чем-то кислым.

Из ближайшей двери вышла кошка - серая, на вид какая-то пыльная. Глянула на меня, фыркнула, и почапала, задрвав хвост, куда-то по коридору.

Навстречу кошке из коридора выплыла женщина. Босая, в малиновом балахоне до пят и длинной русою косой. Глаза женщины были заспанные и, из-за расплывшейся туши, казались подбитыми.

Впечатление было, что женщина только сейчас проснулась и не вполне еще понимает, что происходит.

Денис шел за ней и повторял что-то вполголоса, так тихо, что мне ни слова не удавалось разобрать.

Сперва женщина молча и равнодушно кивала. Но, пару раз зевнув, она неожиданно встрепенулась.

- Нет! - взвизгнула высоким, как у девчонки, голосом. – В смысле, как это уходишь? А Люся? Ты забыл, что у меня спектакль?

- Мам, - сказал Денис, поднимая голос до обычной громкости. – Я тебе вчера тысячу раз говорил, что сегодня мне будет нужно уйти. И чтоб ты с кем-нибудь сговорилась насчет Люськи.

- Мало ли что вчера! – перебила она. – Вчера, сегодня! Я забыла. Имею право! А сейчас уже поздно.

Тут она вдруг подняла голову, увидела меня и заулыбалась приветливо.

- Здравствуй, девочка! Я и не знала, что у нас гости. Денис, ты почему нас не знакомишь? А ты почему там стоишь? Проходи! У нас, правда, не убрано.

- Это Света. Света, это мама. Мама, мы со Светой спешим, - Денис сделал мне большие глаза.- Нам нужно выгулять Светину собаку.

- Никуда ты не пойдешь, я же сказала! Света, раздевайтесь, сейчас Денис напоит вас чаем.

- Прости, не получится. Я тебя предупреждал, - Денис начал отступать к двери.

- Денис, стой! Денис, подожди! Денис, ты что, не слышишь меня?! – Мать встала, попыталась преградить ему путь. Лицо ее исказилось, белки глаз налились кровью. Мне почудилось, что из-под верхней губы показались краешки белоснежных клыков...

Но тут Денис оттолкнул ее, так, что она задела плечом ближайшую пирамиду коробок. Пирамида дрогнула, и...

- Бежим! - шепнул Денис, хватая меня за рукав. Мы в темпе вальса ссыпались по лестнице. Из квартиры неслись грохот, визг, испуганный детский плач. Потом все звуки перекрыл рассерженный бас, и дверь наверху захлопнулась.

Пару минут мы шли молча. Денис сделал жалкую попытку оправдаться, мол, извини, что тебе пришлось... Я махнула на него рукой.

В голове у меня был сумбур.

Клыки там или нет, но Денисова мама явно была вампиром. И дело не в том, что она мне не понравилась. Нет, она была даже симпатичная, несмотря на неряшливость и смазанный макияж.

Просто вампир есть вампир. Мне кажется, она и меня сразу просекла.

Но... как ей это удается?! Как вышло, что и Люся, и Денис до сих пор живы, здоровы и полны сил? Они же постоянно находятся рядом с ней. А первые девять месяцев были даже внутри нее! Значит, это возможно?! Существует способ защитить своих от себя?!

Узнать бы его! Ведь до сих пор я себе даже думать запрещала. Только краткие, ни к чему не обязывающие встречи. А детей, если они будут, наверное, лучше сразу в детдом.

Впрочем, если не один ребенок, а двое, трое, и еще вокруг все время будут всякие люди...

Додумать я не успела. Денис, который всю дорогу решал что-то про себя, вдруг заговорил. Так, как будто мы с ним до этого что-то обсуждали, а потом вдруг замолчали на секунду и прервались.

- Значит, гулять долго не получится. С матери станется бросить Люську одну и усвистать по своим делам. Ты не думай, вообще-то мать не такая. Просто у человеческих самок, раз в месяц, на пике эструса...

- Ничего я не думаю, - буркнул я, прибавляя шаг. Хватало мне и без этого, об чем думать.

Как же, как же все-таки она это делает?

Рыжий, при виде нас, хотел вскочить на ноги. И вскочил бы, если б они у него не разъезжались. Процесс вставания занял у него полторы минуты, как в замедленной съемке. Пошатываясь, он подошел и ткнулся носом в колени сперва мне, а после Денису. Хвост при этом ходил ходуном, черные бархатистые губы подергивались. Костлявая, похожая на

обтянутый кожей череп, морда выражала блаженство. Зрачки глаз там, за серой дымкой, светились. Что-то он уже видел, несомненно. Хотя нас ему для полного счастья достаточно было чують и осязять.

- Напоишь чаем? – спросил Денис, с просительной интонацией.

- Разве мы не спешим?

- Спешим, - Денис тяжело вздохнул. - Но полчаса-то у нас все же есть. За полчаса, надеюсь, с Люськой ничего не произойдет. Тем более, мать пока соберется, пока душ примет. Нет, полчаса-то у нас есть, с гарантией. У меня в горле все пересохло. Или это у меня рефлекс такой на эту квартиру? Вхожу – и сразу чай хочется. Из чайника с листьями.

- Окей, окей, оправдываться будешь в полиции.

Я ополоснула кипятком чайник с листьями и бросила в него щепоть чаинок – распариваться. Подумала, слазила в буфет и добыла из самой глубины две фарфоровые чашки из того же сервиза, блюдца, сахарницу и к ним молочник.

Я не знаю никого, кто сегодня пьет чай с молоком, да и если б кто пил, то наверняка лил бы молоко прямо из пакетика в чашку, глупо же переливать молоко в молочник. Но молочник так красиво смотрится на столе! Как вазочка, только без цветов.

Пока я возилась с чаем, стояла к столу спиной. А когда обернулась, ахнула от неожиданности и страха.

Стоя посреди кухни, Денис жонглировал. Хрупкими, фарфоровыми чашечками! Сперва только чашками, а потом еще и молочником. Три предмета сразу, как в цирке! Свет люстры бликовал на боках взлетающего к потолку сервиза.

- Что ты творишь?! Уронишь же!

- Не уроню. Подумаешь, всего только три предмета!

- Денис, я тебя прошу! Ну, пожалуйста!

- Хорошо, хорошо, еще только одну минуточку!

Поймав на лету молочник и чашки, Денис аккуратно возвратил их обратно на стол. И даже расставил в прежнем порядке.

- Испугалась?

- А то! Этому сервизу лет в пять раз больше, чем мне! Мать меня убьет, если что. Да я и сама бы расстроилась. Его прадедушка когда-то купил. Он войну пережил, пожар, и пять переездов. Сервиз, в смысле. Прадедушку-то еще в начале Отечественной убили. Единственная память осталась.

- Извини, я не знал.

- Вот буду тебя чаем из пакетиков поить, узнаешь!

- Свет, ну ведь ничего же не случилось!

- Не хватало еще, чтобы случилось!

Абсолютная непредсказуемость Дениса начала меня понемногу сводить с ума. Не человек, а шкатулка с секретами. И ведь ничего его не берет, ни я, ни родная мама. Заговоренный, что ли? От вампиров или от вообще всего на свете? А так разве бывает?

- Светка, ты что молчишь? Рассердилась? Не надо! А то мне уже даже чаю не хочется.

- Еще чего?! А кому я тогда заваривала? Пей немедленно! Бутеры с сыром будешь?

На самом деле я сама здорово проголодалась. Мы сидели и пили чай, и как-то даже забыли о времени, и что сестренка Дениса дома одна, и что мы собирались гулять с Рыжим. Денис рассказывал об очередном бойфренде своей мамы, цирковом клоуне, научившем его жонглировать.

- Вот он приедет на гастроли в Москву, пойдем с тобой на него смотреть. Смешной он такой, ну вот прямо до слез! Только я не знаю, когда он приедет. Они с матерью в последнее время не особо контактируют.

- Неважно! Покажи лучше еще раз, как ты это делаешь. Только на чем-то менее хрупком .

- Да ноу проблем!

В воздухе замелькали ножи и чайные ложечки.

- Не понимаю, как у тебя получается. Волшебство!

- Да здесь нет ничего особенного... Хитрости ж никакой, просто потренироваться. Могу и тебя научить, если хочешь. Вот, смотри, берешь предмет в руку...

- Ты много тренируешься?

- Всегда, когда есть свободное время. Шарики кидая стеклянные, гайки, фрукты, если какие есть. Это очищает мозг. Наверде медитации.

- Я думала, медитация - это когда сидят и смотрят перед собой в одну точку.

- Я думаю, это от человека зависит. Кому сидеть надо, кому прыгать, кому в компьютерные игры играть, я гайки кидая, – тут его взгляд упал на часы над столом. – Ой, блин! Совсем мы с тобою замедитировались! Там ведь Люська одна. Знаешь, поеду-ка я лучше на троллейбусе, скорее выйдет. А вы с Рыжим проводите меня до остановки, как раз будет ему прогулка.

По дороге Денис уже заметно нервничал и дергался. Из-за Люськи.

- Понимаешь, вообще-то она уже соображает, но вдруг чего ей в голову вскочит? Она ж в отца своего пошла, а он у нее местами безбашенный абсолютно. Музыкант, что с него возьмешь, они вообще все такие. Спал-спал, вскочил, побежал. Зато Люська, еще когда в коляске лежала, как музыку услышит, сразу ногами в такт дрыгает. Отец Люське, когда уходил, гитару свою оставил. Люська на ней, конечно, пока никак, а я уже понемножку освоил. Он мне всякие аккорды показывал.. Я даже одну песню сам сочинил. Придешь к нам в следующий раз, я тебе сыграю.

- Погоди, - я даже приостановилась. – У вас что, с Люською отцы разные? Сколько ж у твоей матери было бойфрендов?

Денис дернулся, хотел, кажется, мне что-то сказать, но тут как раз подошел троллейбус. Денис вскочил в него, так спешил, даже рукой не помахал на прощанье.

А у меня в голове пазл, наконец, сложился.

Его мать тасует бойфрендов, как колоду карт, как я людей из телефонного списка. Какое-то время провстречается, возьмет у человека сколько надо энергии, и переходит к другому. Таким, как мы, с одним и тем же долго нельзя. Ведь, если сблизиться чересчур, можно и человека убить.

Потому и детей она часто оставляет одних, или замыкает друг на друге, чтобы у каждого в итоге был родной человек.

А сама уходит, и со стороны выглядит так, как будто ей все равно.

Но ей не все равно, в этом-то вся и штука.

Я сама до конца не знаю, как это происходит. В своем обычно состоянии я никому на самом деле не интересна. Девочка и девочка. Нескладная, неуклюжая, не накрашенная, одета во что попало. Не хихикаю, не строю глазки. Задумавшись, могу вообще не заметить, что ко мне обращаются, особенно, если не по делу. Глаза маленькие, тусклые, не поймешь даже, какого цвета, не то карие, не то зеленые— болотные, одним словом.

Но стоит мне по-настоящему проголодаться, как во мне все меняется. Голос делается глубже, глаза вспыхивают огнем, кожа начинает светиться. Может, и зубы заостряются по краям, я ж не проверяла.

Я не знаю, откуда это берется. Оно просто поднимается изнутри меня, как волна.

Все взгляды тогда обращаются на меня. В обычное время мне б сделалось неловко. Но тут я, наоборот, с удовольствием купаюсь во всеобщем внимании. Улыбаюсь направо-налево, шучу, смеюсь, встречаю в чужие разговоры, подпрыгиваю, чуть ли не пританцовываю. Жду, когда очередная жертва подойдет ближе.

Движения делаются ловкими и уверенными. Куда дается природная моя неуклюжесть! Могу, как Денис, на лету подхватить падающий предмет, могу, молниеносно развернувшись, поддержать кого-то, потерявшего в метре от меня равновесие.

Этот? Другой? Высокий парень в очках и нарочно порванных на коленях джинсах? Восточный красавец в кожаной куртке? Может, девушка с толстой русой косой? Или аккуратная старушка, выходящая с тележкой из супермаркета?

Мне все равно. Любой, кто рискнет мимо меня пройти. Любого завлеку, зачарую, заговорю зубы. Заставлю

слушать, кивать, отвечать, реагировать, раскрываться. Выплескивать себя через край.

Хищное, гнездящееся во мне существо не ведает ни добра, ни зла. Плевать ему на пол и на возраст. Оно хочет одного – догнать, схватить, вцепиться в горло и пить, пить, пить, пока не наступит пресыщение. Оно голодное, и ему все по фиг.

Ему все равно, кто окажется под рукой.

Потом, конечно, приходит стыд. Зачем я разговаривала слишком долго? Что за чушь я несла? Как могла так бесстыдно, громко смеяться? Да кто это такой вообще, что я делаю рядом с ним?!

Уж не дала ли я тому парню, увлекшись, свой телефон? Зачем договорилась встретиться с незнакомой девушкой в музее, и пойти вместе смотреть импрессионистов? Бедная, будет меня там ждать. И где была моя голова, когда я обещала старушке завтра утром сбегать за молоком?!

Старушке-то я хоть помогла довести дома тележку с покупками.

Что ж, ничего не поделаешь. Придется завтра с утра за молоком тащиться.

Хотя я уже наперед знаю, что будет.

Я позвоню в дверь. Старушка откроет и удивится. Кто вы, скажет, я вас не знаю. Зачем пришли? От вас мне не надо никакого молока. Я жду совершенно другую девочку.

И никак ей не втолковать, что та, другая, была тоже я. В голодном состоянии я неузнаваема. Ничего общего с обычной мной. Совершенно другая девочка.

Да и слава Богу! Если каждый день пользоваться одну и ту же старушку, надолго ли ее хватит? И вообще – такие вещи следует держать под контролем. А не кидаться, аки волк, на несчастных прохожих и прочих первых подвернувшихся людей.

Я стараюсь, честное слово. У меня есть список очередности контактов. Вот, всегда с собой, в телефоне. Как ингалятор в кармане у астматика. Как шприц с инсулином у больного диабетом. Я им пользуюсь, как могу, стараюсь не выбиваться из графика.

Просто иногда...

И даже тогда я до последнего стараюсь себя держать в руках. Отвлечусь чем-нибудь, почитать, музыку послушать. Просто, понимаете... Когда меня что-нибудь очень сильно встряхнет. Обрадует, или, наоборот, расстроит. Когда не могу что-нибудь понять или осознать. Короче, когда слабенькая батарейка внутри меня внезапно садится.

Я понимаю, что так нельзя. Нечестно, неправильно. Я обманываю, я краду. Ведь эти люди мне вовсе не нужны. Мне нужен лишь живой отклик, человеческое тепло.

Иногда, когда у меня внезапно заводится немножко денег, я иду в игрушечный магазин, и покупаю там какой-нибудь яркой дешевенькой ерунды – куколок, бубенчиков, мячиков.

И, если чувствую, что меня вот-вот накроет, выискиваю глазами ребенка. Незнакомого, лет трех-четыре. Необязательно даже симпатичного.

Подхожу и дарю ему что-нибудь.

Дети при этом всегда так улыбаются!

Мне потом этой улыбки на много часов хватает. Бывает, что и на целые сутки.

На последней паре завибрировал телефон. Звонила Марина, папина жена.

Пришлось выйти и ответить. Я подумала, что-то с папой. Испугалась. Марина вообще-то редко звонит.

Но оказалось, что с отцом все в порядке. Марина хотела меня в качестве беби-ситтера. Они куда-то внезапно собрались, в какой-то там клуб, на концерт, а у Марининых мамы с папой свои какие-то планы. Так вот, не выручу ли я? Вообще, кстати, меня давно уже видно не было, дети соскучились, все время спрашивают: «Куда сестра подевалась?»

Это она, конечно, врет. Мелкие дети, если кого долго не видят, быстро забывают. Проверено. Но врет она так, что слушать приятно. «Светочка то, Светочка се. Светочка, папа

так хотел послушать этих ребят, они так редко выступают, а без меня он не пойдет, ты же знаешь». Я не знала, но прийти согласилась. Хорошо, сказала, посижу, мне не трудно.

Я люблю своих брата и сестру, я уже говорила. Во-первых, сестра и брат, почти родные, я что, совсем монстр? Во-вторых, как можно маленьких не любить? Маленькие - они теплые, нежные, такие все сладкие, что, прям, можно умереть! Честно, я не шучу.

Правда, потом они вырастают. Я много лет наблюдаю за этим в нашем дворе. Ходит такое чудышко неуклюжее в комбинезончике – год, два, три, ну, от силы, шесть. А потом... Откуда что берется? Делаются угловатыми и взъерошенными, как дикие котята, и такими же царапучими.

Хотя с папиными мелкими сидеть, конечно, то еще удовольствие. Они приставучие, минуты сами по себе не пробудут. Мозг выносят иной раз прямо напрочь.

И почему-то они ни капельки на меня не похожи. Белобрысые, розовые, курносые. Копия своей мамы. Точней, две копии.

Но я все-таки их люблю. И потом, это ж не каждый день.

После колледжа я забежала домой. Погуляла с Рыжим. С каждым днем он делается все больше и больше похож на нормальную собаку. Лысины заросли, кости стали меньше торчать. Бегать, конечно, еще не пытается, но походка сделалась тверже. Больше его не болтает из стороны в сторону, не заносит на поворотах. Хотя на лестнице, конечно, приходится еще ему помогать. Поддерживать, особенно, когда вверх. Не повезло ему, что у нас дом без лифта.

По дороге к отцу я мысленно составляла программу: какой мультик смотреть, в какую игру играть. У отца-то нормальный комп, с монитором во всю стену.

Оказалось, обломись. Малые и так слишком много времени проводят за компьютером.

- Ты лучше им почитай. Ведь ты же любишь читать.

Ага. Малышковые книжки вслух. Да и не любят они, когда я им читаю.

Сошлись на раскрасках. Гарик сам раскрашивал своего Чуду-Юду – голова красная, голова синяя, голова, желтая, как солнышко. Я только ахала и восхищалась.

А с Настей мы вместе принцессу раскрашивали. Вышла она у нас загляденье: локоны золотые, глазки голубые, щечки розовые, туфли – черные лодочки.

Платье Настя захотела оставить белое.

- Она будет невеста, лана?

- Нарисовать ей фату?

- Да! Да! Да! И куклу с мишкой на машину!

На другой странице обнаружился принцессин лимузин. Мы его выкрасили красным, сверху посадили куклу и мишку, и пририсовали вокруг много-много разноцветных ленточек. Распотрошили для этого всю коробку с фломастерами.

- Красиво, Настя?

- Да! Да! Да!

- А кашу есть?

- Нет!

- Хорошо. Кашу не будем. Будем йогурт и творожок.

- А мне яичницу, хорошо?

- Ясный пень! Ты ж мужчина.

Я стараюсь с ними не спорить. Детям и так вечно чего-то не разрешают и запрещают. Считается, иначе нельзя сделать из них людей. «Дети должны чувствовать твердую руку. А то потом, когда вырастут...»

Когда я была маленькая, мне тоже не разрешали. «Можно грушу вместо яблока? – Нельзя!»

Спорить я и не пыталась. Тихой сапой пыталась добиться своего. Ждала, когда родители отвернутся, клала незаметно яблоко в вазу, и цапала с края грушу.

Иногда мне такое сходило с рук. А если попадалась, влетало, конечно. Я ревела, долго потом на задницу сесть не могла. Папа с мамой орали. Сперва на меня, потом друг на друга.

- Не смей! Нельзя! Никогда ничего не бери без спросу!

Я и просила! И мне не дали.

- Надо было дать ей с самого начала эту дурацкую грушу! Тебе что, жалко?

- Не жалко! Просто какое тогда будет воспитание? Она должна понимать: сказали «нет», значит «нет». Понять, что по ее не будет! Никогда, ничего, не будет по ее в этой жизни! Чем раньше поймет, тем лучше! Ишь, упрямая какая! Глазищами зыркает! Вся в тебя! Дали яблоко, скажи спасибо. Жри, что дают! Человек должен понимать...

- Ой, да какой она там еще человек...

- Неважно! Даже в этом возрасте! Тем более! Потом вообще поздно будет! Мы же будем виноваты, что вовремя не внушили... Представь, если она вдруг...

Она – это я, если вы не поняли.

Марина, в общем, помягче. На своих особо не орет. Случается, даже разрешает что-нибудь, особенно если занята, и ее достанут. Но в целом тоже любит, чтоб все по плану. Сказала – кашу на ужин, значит, нечего на йогурты зря заглядываться. Яичница, в ее понимании, вообще не ужин, а завтрак. Может, так и надо. Я не разбираюсь. Просто я ж здесь не живу, так что могу, мне кажется, на правах гостя позволить себе...

- Зачем ты сковородку брала? И яйца, они ж все у меня сосчитаны были, чтоб каждому утром... Ой, мамочки!

- Гарик попросил.

- И что? А если бы он луну с неба попросил? Смотри, ты сковородку как следует не отмыла, вот видишь, пристало с краю. Ой, и царапина по дну, ты что, по ней прямо вилок скребла, что ли?! Вот же лопатка! Мама тебя так дома учит? В другой раз не бери, если пользоваться не умеешь!

- Но, Марина...

- Что Марина? Теперь же пригорать все будет!

- Света же не знала...

- Чего не знала? Что она из себя дурочку строит? Взрослая девка! Не знает, так пусть не лезет! Небось, не у себя дома! Сама, небось, захотела яичницы вместо каши, нечего валить на ребенка! Привыкла там, у себя... Света! Ну, ты хоть фломастеры-то могла собрать?! Ушла – был приличный дом, вернулась... Блин, хоть не возвращайся!

Тут я решила, что с меня хватит. Тратить время, а главное, драгоценную энергию на препирательства я не стала. Быстро всунула ноги в сапоги, руки в рукава куртки...

Отец догнал меня на лестнице.

- Подожди, я тебя отвезу.

- Не надо, пап, на метро ж быстрее.

- Поздно уже. Не хочу, чтобы ты одна в такую темень.

Ха! Пари держу, если б не скандал, отец бы и не почесался. Сказали бы оба вежливо: «До свиданья», и гуляй, Вася. Закрыли бы за мной дверь, щелкнули бы замочком. Сколько раз так было. Нет, тут дело не во мне, конечно, я здесь только предлог. Впрочем, что мне за дело?

- Света, ты не сердись на Марину. Понимаешь, у нас с ней сейчас сложный период.

Я киваю, сосредоточенно глядя в темноту за окном. Там фонари, яркие витрины, остановки, урны, скамейки. Редкие, сгорбленные прохожие. По всему этому лупит дождь. Хорошо, что я внутри машины, а не снаружи.

Понимаю, пап, понимаю.

Понимаю, что ж не понять. Понимать-то я умею лучше всего.

Если б премию учредили за понимание, я б ее давно уже получила.

Мать с отцом смеются на кухне. Пьют чай, разговаривают и смеются. Как миллион раз миллион лет назад.

Или, может, не так, я ж точно не помню.

- Представляешь, смотрю, - громко хохочет мама – и эти мне тоже вазу тащут! Точно такую же! В аэропорту, наверно, купили!

Это она про экскурсоводов. Они ей часто что-нибудь из поездок привозят. В благодарность за богатых клиентов.

- Ну, ты представляешь! Зачем мне две одинаковые вазы? Они конечно красивые, но... нет, ну я не могу!

- А ты отдай мне одну, - неожиданно говорит отец.

- Тебе? Зачем? – спрашивает мама сквозь смех.

- У Марины скоро день рождения. Она, знаешь, как от чешского стекла тащится?

Мама резко перестает смеяться.

- Не поняла. Ты это сейчас серьезно?! Мою вазу – твоей Марине?!

- Но тебе ж она не нужна? И мне не тратиться лишний раз. Я б смог на эти деньги чего-то Светке купить. Тебе что, жалко?

- Не жалко. А только я ее лучше разобью.

- Да почему? Чего ты вызверилась-то, я не понимаю? Сидели, говорили, как люди. Подумаешь, какая-то ваза! Ну, не хочешь - не отдавай.

- Чего, правда, не понимаешь? Ну, ты и... Давай-ка, вали отсюда, поздно уже.

- Да что случилось-то, можешь ты мне объяснить? Я, между прочим, Марине сказал, что в редакции ночевать останусь, в редакции, у нас там завтра с утра...

- Вот и вали в редакцию! Быстро! А то там без тебя не справятся!

- Да что вы все сегодня! ПМС, что ли, у вас коллективный? Из-за какой-то вазы! Сама ж сказала, что не нужна! Да все уже, ушел, ушел... Сама ж потом жалеть будешь. В телефон плакать, ребенком прикрываться... Да чтоб я еще!

Дверь хлопает. Почти сразу в кухне раздается не то стон, не то всхлип, и что-то грохается со звоном об стену.

Пес взвизгивает и прижимает уши. Я вскакиваю и бегу туда, посмотреть, не порезалась ли мама. И застываю в дверях кухни.

Оказалось, мама разбила вовсе не вазу. А заварочный чайник с листьями.

- Итальянский художник, философ и ученый эпохи Возрождения, семь букв, в середине «в».

- Да Винчи. Ты опять кого-нибудь капаешь?

- Кран. Только не я его, а он сам. Не получается до конца закрутить. Вот, капает на мозги. Никак уснуть из-за этого не могу.

- Прокладку надо менять.

- Наверное. Но я не умею.

- Учись. Что, так и будешь всю жизнь ждать, когда твоя мама закрутит с водопроводчиком?

Как он некстати вдруг позвонил!

Да, я злая. Ко мне лучше не приставать. Меня и на себя-то еле хватает, где уж тут разговоры разговаривать. Тем более, с человеком, который сделался дорог, и которого хочешь уберечь от себя самой. Стараешься изо всех сил, чтоб ни-ни.

Когда-нибудь я вырасту, и это будет моей ошибкой.

Потому, что пока ты еще не взрослый, на тебе нет никакой ответственности. Разве что собаку погулять-покормить. Тебе не так уж много нужно энергии. И даже если энергия твоя вдруг на исходе, на самом деле ничего страшного. Упадешь, где стоял, делов-то. Жизнь прекрасно продолжится без тебя.

А взрослым, хочешь - не хочешь, придется вставать и тащиться на работу. И там улыбаться, и вести себя, как положено. Иначе их выгонят с работы, и нечем станет платить за квартиру, еду и прочие ништяки.

Потом... А если ты врач? А если хирург? Или даже ветеринар? А если ты мама и у тебя дети?

Вот моя мама – проплакала ночь, утром встала злая, а ничего: почистила зубы, накрутила волосы и ушла на работу, хлопнув дверью. Но она может. У нее есть внутренние ресурсы.

А я как буду – не понимаю. Где брать, если нет?

Хотя у меня в телефоне список контактов. Надеюсь, к тому времени, как я вырасту, он увеличится.

Денис с того вечера не позвонил. Даже sms-ки не прислал. Мол, лечу ворону с перебитым крылом, приезжай в «Хвост и лапы», поможешь, чем сможешь.

Обиделся на меня, наверное. Ну и ладно! И к лучшему, если честно. Уж слишком часто мы с ним стали видеться. Ни к чему это. У меня свой график.

Сегодня после занятий я буду звонить Кате Латышевой. От одной мысли об этом у меня замирает сердце.

Кате я звоню редко-редко. Не потому, что я ее не люблю, а наоборот. Боюсь ей навредить. Боюсь ее потерять. Катя для меня как символ неизменности бытия, последний оставшийся осколочек детства. Вроде цветных стеклышек, которые мы с ней зарывали в песочнице, а потом откапывали всякий раз, проходя мимо этого места. Катя – это мой «секретик».

Кате не надо заговаривать зубы, она сама, без всяких причин, радуется, когда я ей звоню, спрашивает, как дела, куда я пропала. И ей действительно интересно.

Именно поэтому я стараюсь рассказывать ей поменьше – зачем грузить человека?

Мы с Катей учились когда-то вместе в начальной школе. В первом классе, втором и кусочек третьего. Пока я не переехала.

С тех пор я уже столько школ сменила, как в разных мирах побывала! А Катя по-прежнему учится там же, где раньше. И, когда я слышу в трубке ее голос, мне сразу представляется наш класс, учительница Елена Сергеевна, и ребята вокруг все те же, и та же улица за окном.

Хотя все, конечно, давно другое. Мы с Катей не раз уже это обсуждали.

Елена Сергеевна еще в конце третьего класса ушла в декрет, и больше в школу не возвращалась. Ребята – кто переехал, кто вообще даже уехал из страны. Владка и Кристина в Америке, Нина в Германии, Никита Кружков в Израиле. Родители близнецов Гудиных купили где-то за кудыкиной горой ферму и перевели детей на домашнее обучение. Кто-то в гимназию перешел, после девятого многие, как я, в колледжи поступили.

А наш класс теперь математический. Много новеньких, которых я не знаю. Катя говорит, есть ребята из Грузии, из Осетии, из Армении и Азербайджана. С Катей за парти

сидит Дима из Молдавии. Он ей на алгебре помогает, она ему с языком. Он здорово в математике сечет, на мехмат хочет поступать.

Даже улица наша давно не та. Кинотеатр снесли, и старые пятиэтажки. По всей четной стороне второй год забор, строят новый торговый центр. Липы вырубili, с которыми мы росли. Их высадили вдоль шоссе, когда мы еще были маленькими. Мы с Катей с ними здоровались, когда проходили мимо. Одну я облюбовала, другую одна. Обнимали их, вешали на них ленточки. Как будто бы понарошку дружили.

Но сама Катя не сильно изменилась. Я не про внешность. Конечно, по телефону, когда звонишь, приходится разговаривать. Даже sms-ку когда пишешь – подбираешь слова. Но когда мы с Катей встречаемся, разговоры нам не нужны. Мы иногда часами просто молчим или обмениваемся ничего не значащими междометиями. Нам достаточно того, что мы рядом.

Если б мы тогда не переехали, Катя бы, наверное, так бы и осталась моей лучшей подругой. Просто не представляю, как с ней можно поссориться!

Но дружить на расстоянии, по моему опыту, невозможно. Любить можно, наверное (ну, по крайней мере, в книжках так утверждают), а дружить нет. Для дружбы надо видеться каждый день. Друг должен быть всегда под рукой. Когда вместе учишься, или живешь рядом, или у вас есть общее дело. И вы случайно по сто раз в день встречаетесь с человеком глазами, толкаете друг друга локтями, пьете вместе кофе на переменке, забегаете в книжный по дороге домой.

Фигня это, что друзья познаются в беде. Конечно, если другу нужна твоя помощь, ты ему поможешь. Но суть дружбы вовсе не в этом. Суть в том, что видишь человека – и тебе от этого хорошо.

Можно переписываться, обмениваться sms-ками. Поздравлять друг друга с праздниками и с днем рождения. У меня полно френдов, живущих за тридевять земель, за границей. Я их не видела никогда, и вряд ли увижу. Под

настроение я могу часами чатиться с кем-нибудь из них. Они мне много интересного рассказывают про себя, про свои жизни там, далеко. Но все же это совсем не то.

Ничто не может заменить живого тепла.

Но, возможно, нас с Катей развели нарочно, ведь, если бы мы остались вместе, я б, наверное, давно ее выпила, осушила бы одним глотком! Катя ведь бесхитростная, открытая. Совершенно не умеет защищаться. Жизнь ее ничему в этом смысле не научила.

Я ее берегу. Стараюсь звонить пореже, специально ставлю в самый конец списка.

А я раньше была ужасно беспечной. Но я ведь не знала!

Иногда я подумываю: хорошо бы создать в сети анонимное общество энерговампиров.

Мы б могли обмениваться опытом. Типа, как выжить, если ты вампир, и как сберечь от себя близких, не превращая их в доноров. Наверняка ведь умными людьми давно все продумано, а я тут мучайся, изобретай деревянный велосипед.

И еще нужно организовать особую такую, вампирскую скорую помощь. Чтобы, если у тебя край, не звонить кому ни попадя, не впадать в отчаяние, не искать встреч с ни в чем не повинными людьми. А просто набираешь SOS, кто-то приходит, и без лишних слов берет тебя за руку.

- Я не понял, почему? Ты испугалась моей мамы? Мы можем никогда больше не заходить к нам домой. Хотя мамы все равно никогда дома не бывает. И даже если она есть, то все равно сидит в своей комнате. Она вообще почти никогда из нее не выходит. Квартиру можно разнести по кусочками, поверь мне, она и носа не высунет в коридор. В тот раз она просто очень сильно расстроилась. Она не выносит, когда что-то идет вразрез с ее планами. Но зато, если самому к ней не лезть...

- Я знаю! То есть я понимаю.

- Но если дело не в маме, значит во мне? Я чем-то тебя обидел?

- Ничем.

- Тогда почему? Ты не берешь трубку, не отвечаешь на sms-ки, отказываешься приходить в клинику. Мне казалось, тебе там понравилось. Между прочим, дядь Женя про тебя спрашивал.

- Скажи ему. Что я приду. Когда-нибудь. Не сейчас.

- Но почему? Что случилось?

- Ну, сперва ты сам долго не звонил.

- Да. Понимаешь, меня немного расстроила твоя реакция на мою маму. Показалось, ты ее осуждаешь.

- Да ты что?!

- Да, сейчас-то я уже понял, что ты ничего такого не имела в виду! Но сначала... Ну хорошо! Ну, прости меня. Я был дураком. Но больше не буду! Обещаю! И давай встречаться, как раньше! Знаешь, цирк дяди Семена приезжает. Ну, помнишь, я тебе рассказывал? Который меня жонглировать научил?

- Это который клоун? Помню.

- Ну! Пойдем к нему за кулисы! Я тебе все-все покажу!

- Не пойдем! И не звони больше. Я сама тебе когда-нибудь позвоню.

Как хорошо, что мы вчера встретились и вживую поговорили с Катей! Точней, помолчали. Иначе бы у меня ни за что не хватило б сил на такой разговор.

Но он все-таки подкараулил нас с псом, когда мы возвращались вечером с прогулки. Рыжий учуял его издали, вырвал у меня из рук поводок, бросился, с разбегу поставил Денису лапы на плечи и начал вылизывать лицо.

Сильный стал, здоровый, как сволочь! И такой ласковый! Только я не люблю, когда мне лапы на плечи. Он знает. Подойдет, положит голову на колени, зажмурится, и ждет, когда я поглажу. Ничего вроде бы не делает, только голова

почему-то становится с каждой минутой тяжелее. Вжимается как будто в меня.

- Ну, здравствуй! Выдающийся украинский педагог, вошедший в четверку специалистов, определивших способ педагогического мышления в двадцатом веке. Девять букв, первая «м», в середине «к».

- Макаренко?!

- Да! Кстати, «Педагогическую поэму» я и вправду читал. Мамина студия по ней ставила спектакль.

Мне показалось, Денис немного похудел за то время, что мы с ним не виделись. Глаза стали больше, скулы заострились.

Может, мама его того, все-таки иногда пользует? Тогда она сука. Или он вырос просто.

Голос определенно стал ниже. И пух на губах... Да нет, какой еще пух; он, похоже, бреется!

Но мне-то какое дело до этого?

- Ну, давай, зайдем хоть в подъезд, а то люди смотрят.

Мы нарочно прошли мимо нашего этажа, и в квартиру я Дениса не пригласила. Еще чего! Стал бы он опять просить чаю, а чайника больше нет.

Остановились у окна, на площадке между нашим и пятым этажом.

Впервые в жизни я не знала, о чем с ним заговорить. Честное слово, я старалась быть осторожной, не поднимать никаких острых и животрепещущих тем. Но что сделать, если от каждого слова, от каждого взгляда его било током?

- Как Люська?

- На даче со своим детским садом.

- Наверняка ей там не нравится.

- Ну, а как? Мать на гастролях. Я же не могу быть с ней все время.

- А отец ее?

- В Америку с концертами усвистал. Творческие люди, куда там. На кривой козе не подъедешь. Я говорил маме, чтоб с собой Люську забрала, у них некоторые актерские семьи так делают, но мама даже слышать не захотела.

Еще бы! Я ее понимаю.

- Ты там один сейчас, да?

- Ага. Слушай! Мы ведь можем пойти ко мне! Можем даже Рыжего с собой взять. Сыграю тебе, наконец, свою песню, а то ты ж ее так никогда и не слышала. И в цирк потом, хорошо? И еще мы можем...

Глаза его сверкнули надеждой. Он коснулся рукой моего плеча. Как нищий на паперти, ей-богу!

Отбросив его руку и отвернувшись к окну, я заговорила быстро-быстро. Пока не успела передумать, не успела еще пожалеть о своих словах.

- Денис, слушай! Может, тебе это покажется глупостью, но это честное-пречестное слово правда. И даже в интернете написано. Понимаешь, есть такие люди - вампиры. Паразитируют, энергию из других тянут. Не нарочно, своей просто нет. Вот я на самом деле такая. У меня пусто внутри, понимаешь? Совсем ничего нет. Одна звенящая, гулкая пустота. И я в нее чужое тепло засасываю, как воронка. От таких, как мы, надо держаться подальше.

Денис молчал.

- Что молчишь? Смеешься? Не веришь? Я, между прочим, никому еще про это не говорила. Хотя некоторые, наверное, сами видят.

- Почему смеюсь? Верю! Только зря ты себя накручиваешь. Думаешь, у кого-нибудь по-другому? Думаешь, у меня самого не так? Да все люди так устроены! Есть энергия – делятся. Нет - сами ищут, где взять. Круговорот живого тепла в природе. Не в банке же его хранить, и не солить про запас.

Он взял меня за плечи и развернул от окна лицом к себе:

- Подумаешь, делов-то! На, пей!

Кончики его усов щекотались.

Неся Зейтман

ТИПАЖИ ИЗ «ДОМА СКОРБИ»

Инбаль

Инбаль - моя соседка еще с первой госпитализации. 40 лет с небольшим, двое взрослых детей, тяжелый развод и последующее общение с уже бывшим. В результате депрессия. Типичная история: ухудшение, апатия, "забыла" пить антидепрессанты, потом как-то неожиданно для себя выпила огромную дозу риталина и еще много чего-то подобного. Дети нашли - и вот она тут. Когда-то Инбаль писала детские книжки. Работала в книжном магазине продавцом-консультантом. Потом резко ушла с работы - и вот напилась таблеток. К ней приходят папа и мама, тихие, грустные ашкеназы. Папа преподает в паре колледжей что-то на стыке юриспруденции и политологии. Раньше преподавал в университетах, но ушел, не выдержав общей либерализации академии. Немного говорит по-русски (выучил в академических целях), тренируется на мне, я не против. Инбаль - стройная женщина среднего роста, европейской средней внешности с умными и до жути грустными глазами, в которых всегда только одно: "Я ничего не хочу, я ни во что не верю, я ничего не жду, оставьте меня в покое". Много спит, много курит. Очень мало и очень тихо говорит. По сравнению с тем, какой она пришла, конечно, она уже живчик. Недавно ей разрешили выходить во двор и питаться в общей столовой за пределами отделения. И даже сменить больничную одежду на обычную. И она уже может сходить в душ (ну, если вы хоть как-то знакомы с депрессией, то знаете, что искупаться в этом состоянии крайне сложно, это сродни подвигу и съедает силы трех дней). Сегодня предложила ей посмотреть «Гордость и предубеждение», сериал классический, есть у меня в

компьютере - и она согласилась! Отношения с бывшим настолько болезненны, что она не готова об этом говорить даже с врачами, физически не может, ее начинает скручивать и она теряет голос. Вначале очень много плакала. Бесконечно и совершенно бесшумно. Потом очень много ела, прямо пожирала еду, почти без разбора, совершенно не чувствуя вкуса. Сейчас плачет поменьше. Ест уже, подбирая вкусы и даже немного получая удовольствие. Начала рисовать и делать объемные фигуры как барельефы, только на бумаге и из картона. Я очень к ней привязалась. Мы с ней провели множество бесед – без слов, молчаливых и насыщенных, сидя в курилке и в комнате. Таких, которые начинаются кивком и заканчиваются вздохом. Она не знает, когда сможет выйти, ее это не интересует. С папой они тоже ведут такие долгие беседы без слов, кивая и вздыхая время от времени. Она все время чудовищно уставшая, настолько, что засыпает со сновидениями. Утром за завтраком я рассказала ей анекдот: "Больной, проснитесь, вам надо принять сновидение," - оказалось, что вчера с ней приключилась именно такая история! Это было впервые, когда я увидела, как она улыбается. И, наверное, это глухое покашливание было на самом деле смехом. И, знаете, - я горжусь этим, я нечеловечески горда тем, что смогла вызвать этот глухой смех и эту тень улыбки.

Шай

О, Шай! Высокий, широкий, тренированный, лысый (что вырастает, обривается, дабы скрыть раннюю лысину, знаете такой прием), спортивный, хотя небольшая обрюзглость и выдает, что последние полгода не тренируется. Но общего впечатления это не портит. У него громкий очень мужской голос, гордая спина и любимая собака. Друг иногда приезжает выгуливать псину, присылает небольшие видео и много фоток. Шай их пересматривает и плачет огромными обильными слезами.

Его привезли с помпой. он вошел в отделение, возвышаясь над целой свитой врачей, медбратьев и санитаров. Вокруг него суетилось болото в униформе, а он гордым эсминцем прошел в курительный дворик и занял его весь. Почему именно наше отделение? А потому что он решил пойти сюда, ибо только у нас есть такая роскошь, как курилка, доступная круглосуточно. Курильщики остальных отделений выходят до 10 вечера курить у входа в здание. А ночью Шай мучительно плачет.

Он говорил громко, агрессивно, срываясь на рык и угрозы. Казалось, что он говорит из-под потолка, снисходя божественной милостью к презренным смертным. Вначале нас всех выгнали из дворика, мол, ну, сами понимаете, давайте все отсюда, от греха подальше. Наша комната самая близкая к курилке, так что я открыла окно и под испуганно-возбужденное кудахтанье соседок по палате наслаждалась раскатами его угроз. Тут было все: и обещание рек крови и переломанных конечностей. «И я за себя не отвечаю, если вы не выполните то, что вы мне тут обещаете. И позовите доктора Козна, я только с ним собираюсь говорить!» Позвали, говорил. И другого затребованного тоже позвали, ну, по телефону вызволили, в полдвенадцатого ночи. Через полчаса я решила, что нафиг: если рек крови не было и конечности не летают до сих пор, - то и не полетят. Вышла курить. во дворике было тихо, Шай сидел, заняв собой одним всю скамейку, рядом с ним дымился черный кофе в больничном стаканчике (значит, сделали в отделении, несмотря на запрет горячих напитков после 11 вечера). курил, устало и скучающе поглядывая по сторонам. Я нагло уселась напротив, нарочито проигнорировав боевую стойку находящегося там персонала. Так и сидели друг напротив друга, курили, разглядывали в упор, почти в гляделки играли. "Они не отвечают на мой вопрос!" - пожаловался Шай. "Ну, есть вопросы, которые надо задавать, а не получать на них ответы. Ответ портит всю историю," - подобные типы склонны философствовать при наличии ума, и в таком случае крайне забавные собеседники. Репутация в

отделении у меня как у тетки умной и уравновешенной, знающей границы безопасности, так что персонал только переступил с ноги на ногу и не вмешивался. "О!" - поднял сигарету Шай, взял чашку с кофе и перебрался на мою скамейку. Персонал подтянулся, но мешать не стал. Проболтали мы с ним полночи. Он категорически отказывался госпитализироваться: показывал фотографии собаки. Когда он резко обрывал пытавшихся с ним заговорить других психов, персонал тихонечко тех уводил в сторону, чтобы не мешали.

Он остался. Его поместили в отдельную палату. Оттуда иногда раздавались крики и ругань. Иногда там кто-то что-то швырял. Персонал тусил рядом с его палатой круглосуточно в количестве по пять-шесть мужиков (обычно там на стульчике перед дверью сидит одинокий скучающий санитар). Иногда обдолбанного Шая выпускали покурить, в сопровождении. Он шел шатаясь, узнавал меня и звал поговорить. Но это у него плохо получалось. Несколько раз его привязывали ремнями. К концу недели он уже появлялся под присмотром одного санитара или медбрата, притихший, слегка сутулившийся. Местная бой-девица, разрушительница всех мужских сердец отделения (способных еще на разрушение), не отходила от него ни на шаг. Но Шай был непреклонен, и бедняга потеряла к нему интерес. Сейчас Шай уже находится на общих основаниях, из отдельной комнаты его всячески пытаются выселить, но он организовал себе там уютное гнездышко, наполнил его всяческой жратвой, вкусняшками и перекусиками, и выезжать не собирается. Мы по-прежнему сидим во дворике, курим, ведем отвлеченно-философские разговоры о всякой фигне. Меня он прозвал "сарат атабаот" – «властительница колец» - за колечко с эльфийской надписью с «Али-экспресса». Потом переименовал в "сарат азшкелот" - это его импровизация на тему "иш эшкелот" - то есть очень умный и талантливый, на высоком иврите, всячески одаренный. Мое имя он запомнить категорически не в состоянии. Меня немного смущает, но чертовски приятно, когда Шай, немного раскачиваясь из-за лекарств,

рассекает по коридорам и орет: "Сарат атабаот! Сарат азшкочот! Пошли курить! А то я щас тут всех убью! Только ты умеешь меня успокоить!" Наверное, именно так я себе всегда представляла Барона Пампу, моего любимейшего персонажа.

У Шая биполярное расстройство, посттравма, сдвиг и еще разное по мелочи. Говорит, врачи обдумывают возможность шизофрении. При этом он занимается кучей всякого интересного. Например, у него есть сайт, полностью посвященный тому, как готовить в мультикукере, который он и продает (да, я уже сделала себе гешефт и получила домой мультикукер на четверть цены дешевле), на сайте более 300 подробно написанных рецептов. Он фитнес-тренер, разрабатывает программы для бодибилдеров. Специалист по всяким биодобавкам для различных целей. Ему под сорок. Он большой красивый сильный мужик, больше всего на свете боящийся нанести кому-то вред и плачущий огромными прекрасными слезами.

Кеас

Он появился вчера. Старикашка внешне неотличим от допившихся до коричневой кожи русских. Сутулый, морщинистый, с отвисшей нижней губой, коричневыми неровными зубами, сметливые блестящие глазки при необходимости тут же туманятся и тупеют. Умудрился пронести травку, к радости части мужского населения отделения. Обслуга бегаает, нюхает, шмонает - но совершенно безрезультатно. Кеас гениально уходит в несознанку, размахивает руками, шлепает что-то невнятное губами и убедительно не понимает, чего от него хотят. Переходить к личному пристальному осмотру никто не решается, и только разводят руками. Кеас, уловив мгновение, типически подмигивает и кривит лицо, на лекарства трава ложится неравномерно, мужчины ходят, сшибая предметы живой и не очень обстановки, валяются со скамеек и счастливы до икоты. Кеас счастливо жмурится и

перетирает волшебный табачок в салфетке, которая таинственным образом исчезает бесследно при появлении неблагонадежных товарищей. Не участвующие в празднике жизни психи не вмешиваются, зато потребление воды заметно возросло среди мужской группы, что тоже настораживает обслугу. Ох, опасаясь я за них, просто в шаге от тревожного расстройства люди находятся с элементами паранойи: не видят они суслика, но точно знают, что он где-то там есть, хотя и сомневаются. Это общее состояние только усугубляет. Я, конечно, болею за команду психов, хотя в целом мне это все не нравится. Я продукт карательной психиатрии. Страх перед ней, похоже, стучит в мое сердце, даже и без непосредственного личного опыта карательного лечения.

Левана

Мое знакомство с Леваной началось не совсем удачно. В отделении я ее, конечно, видела, но не общалась ни разу. Но вот как-то я сидела в кафетерии за столиком и объясняла подруге, как переносить вытачку и стоит ли ее переносить или убирать. Говорили мы, как обычно, на суржике: то на иврите, то на русском, то через слово. Тема увлекательнейшая, говорили по видео, показывая друг другу эскизы, рисунки, одновременно делая наброски, стараясь говорить, рисовать, показывать и смотреть одновременно - в общем, занятие, требующее максимальной сосредоточенности. Поэтому я совершенно не заметила, когда рядом со мной появилась агрессивна настроенная барышня и громко и настойчиво потребовала объяснить, что я против нее имею и почему собираюсь ее убить. Сказать, что я была удивлена - ничего не сказать. Это было слишком неожиданно, чтобы даже удивиться. Совершенно не понимая, о чем речь, но памятуя в том, где я, в общем-то, нахожусь, я постаралась как можно спокойнее и понятнее объяснить, что ничего против нее не имею и никаких страшных планов не строю. Особенно против нее. Она повторила свою претензию с прежней агрессивностью,

добавив, что вот только что слышала, как я несколько раз сказала, что я знаю несколько способов ее убрать. Тут я, стараясь изо всех сил сохранять серьезность (что было сложно, потому что хотелось ржать как конь), постаралась опять же максимально спокойно и доброжелательно объяснить, что речь идет исключительно о выточке, вот, мол, посмотри, вот, я говорю с подругой, вот она, помаши ей ручкой, а вот рисунки, а вот выточка, и я предлагаю убрать ее, ЕЕ, а не тебя, милая барышня, ибо к тебе я вообще ничего не имею, ни плохого, ни хорошего, насколько, что ты мне вообще по барабану. Барышня постояла несколько минут и, ничего не сказав, резко ушла.

Уже когда я вернулась на повторную госпитализацию и оказалась с Леваной в одной комнате, я узнала, что на самом деле это очень нежный, чувствительный и ранимый человечек, не имеющий ни к агрессии, ни к желанию кого-то обидеть никакого отношения. У нее множество диагнозов (включая шизофрению), из-за которых ей требуется некоторое время, чтобы заданный ей вопрос воспринять, разобрать на составляющие, найти внутри себя ответ, собрать его в предложения - и после этого произнести. На это уходит до нескольких минут. И ни в коем случае нельзя переспрашивать или как-то выказывать недовольство или нетерпение: Левана начинает нервничать, новый вопрос или фразу надо ей заново разбирать и понимать, и вся процедура идет заново, при этом ее лицо, на котором сохраняется всегда неприветливое сосредоточенное выражение, становится агрессивным, хотя на самом деле это только означает, что она растеряна и изо всех сил пытается сформулировать ответ, и ей очень неприятно, что она причиняет неудобство. Для израильтян подобное общение – пытка, мы говорливы, обильны и нам физически необходимо заполнить собственным голосом любую тишину. Так что бедной Леване приходится очень сложно. У нее проблема и с физическим контактом. Ей сложно, когда до нее дотрагиваются, сама она крайне редко до кого-то дотрагивается. Но однажды, когда мне было очень-очень-очень плохо, мы сидели в нашем дворике-курилке и больше

никого не было. От отчаяния я попросила у нее, не может ли она меня обнять. Она внимательно долго смотрела на меня, нервно двигая плечами, ногами, руками. "Тебе нужно почувствовать любовь сейчас?" - спросила она меня резко и грубо.- "Угу," - я кивнула, даже уже и не надеясь на объятие, вспомнив, что Левана и обнимашки - несовместимы. Она опять замолчала, поднялась со скамейки, встала передо мной, переступая с ноги на ногу и поводя плечами. "Хорошо", - ответила она и обняла меня нежно-нежно, крепко прижав и поглаживая по спине. Потом отстранилась, посмотрела на меня без тени улыбки: "Ты знаешь, я не в теме обнимашек, я обычно вообще ни до кого не дотрагиваюсь, но тебя я могу сейчас обнять", - и снова обняла меня. Я плакала, она гладила меня. Потом отстранилась, повернулась и ушла. С тех пор прошло несколько дней. Каждый раз, когда я хочу до нее дотронуться (приобнять, погладить по руке, по спине), - я обязательно спрашиваю. И далеко не всегда получаю разрешение.

Левана много спит, немного курит, говорит благословения на еду, соблюдает шабат. Когда приходила ее мама, то я подслушала сквозь сон, как Левана сказала: "А это Неся. Я ее очень люблю. Она тоже религиозная и даже не курит в шабат. И свет не зажигает, как я. И я могу ее трогать. Иногда".

Она не любит больничную одежду. Ходит в джинсах-стреч и футболках. Пристально следит за тем, какие лекарства ей дают. Иногда шутит. У нее хорошо получается, она на самом деле подмечает забавное в ситуациях и даже в себе самой. Очень жалеет, что не может читать, она не может сосредоточиться, и слова разбегаются во все стороны. Поэтому читать она может - если очень надо, но для удовольствия, увы, нет. Поэтому в шабат ей сложно и скучно.

Ей под тридцатник, она тут давно. И, возможно, навсегда. Хотя, вероятно, ее переведут в хостель, если найдут подходящий, но не торопят. И ей тут привычно, и к ней уже привыкли...

Хана

Под шестьдесят, а может, и шестьдесят плюс, довольно ухоженная, короткая, идущая ей стрижка, хорошо покрашенные в черный волосы, очки. Полновата, но вполне сообразно возрасту и социальным стандартам. Резкие черты лица, совиные, движения тоже довольно резкие, но не стремительные. Неприятный, слегка истеричный голос, интонации, типичные для восточных евреек из Тель-Авива. В общем, следит за собой. Но очень громкий голос, и очень резкий, мне постоянно хочется спрятаться под стол и свернуться калачиком, чтобы она меня не заметила. У нее по любому вопросу есть свое мнение, и оно, как водится, единственно верное. Она опекает всех тихеньких, вечно слышно, как Хана кому-то объясняет, когда и как надо ходить в душ, туалет, какие таблетки пить, а от каких отказываться, кто из медперсонала человек, а кто не очень, на врачей льются потоки проклятий. «Я вот уже в душ сходила, прямо с утра, как встала - это очень важно, ты слышишь?» (Да все слышат, господи, семь утра, дай, сука, поспать уже! А ведь орешь-то на расстоянии двух палат от меня!)

«Вот щас все ЭТИ, ну, ты поняла, искупаются, потом душ помойт, хотя как они моют! боже! разве это мыть! вот тогда и пойди, не сейчас!» "Ты чего кока-колу пьешь! ты с ума сошел! это же яд! чистый яд! брось немедленно! (Это уже на улице, черт, а слышно, будто мне в ухо вещает)". "Какие прокладки у тебя? достань, покажи! эти хорошие, да, вот когда мне надо было, а мне уже не надо, да, но когда я пользовалась, только такими, да... что говоришь? у тебя "убегает"?- (Это значит, что ей тихонько пожаловалась эта несчастная просвещаемая, что до туалета не всегда успевает, потому что из-за лекарств заторможенная и медлительная). - Ну так положи подкладку сейчас! мокрые?

сейчас? ну ладно, тогда пойдя все-таки в душ и положи потом прокладку, слышишь?" "Они все ненавидят меня, они хотят убить меня, им только дай шанс, я уж их знаю! пригрела змей! я слишком хороший и добрый человек, вот любая мразь и пользуется!"

Каждый день хотя бы один раз, а обычно больше, она устраивает настоящее представление. Крики, проклятия, бросания на пол, громкий стук в двери. Особенно в тот день, когда врачи в отделении и всех психов вызывают на разговор, это раз в неделю устраивается. Тут Хана прекрасна, если вы любитель мелодрам индийского толка, только вместо танцев - крики. Она жалуется на то, что у нее болят зубы и требует от врачей срочно отправить ее к зубному. Крики продолжаются до четверти часа, после чего Хана спокойна и улыбочива, выходит покурить и провести пару-тройку светских бесед. Поэтому никто так и не знает, болят ли у нее зубы на самом деле. Привезло ее сюда семейство, поэтому жалобы на них постоянны и жестки. Вперемешку со слезами, мольбами, угрозами и шантажом. По телефону она тоже говорит громко и внятно.

Про ее диагнозы мне ничего не известно. Но она меня пугает до жути. Я бы в истории болезни написала наглость, бестактность, высокомерие, дурной характер... но ведь это все может быть и симптомами. Здесь ни в чем нельзя быть уверенным. Каждый из нас, психов, полон боли и ужаса, которые каждый выражает по-своему, кто-то слезами, кто-то апатией, кто-то жалобами, кто-то агрессией, а кто-то как Хана – драматическим театром.

Юда

Пятьдесят с небольшим или под пятьдесят лет. Русскоязычный, но и на иврите говорит свободно лишь с небольшим акцентом, хотя у него настолько ужасная дикция, что это сложно понять. Часто он захлебывается собственными словами, и можно разобрать только начало фразы - окончание превращается в невнятную кашу. Крайне

недружелюбен, даже агрессивен, вечно и всем недоволен: стул стоит не там, солонка не на его части стола, каша слишком горячая или наоборот, жидкая, говорите слишком громко, вообще говорите, вообще вы и тут. Похож на мистера Бина, нарисованного: худые жилистые волосатые ноги, торчащие из коротких спортивных шорт, грузное тело, облаченное в свободную длинную футболку и большая голова с копной густых, почти седых некогда черных волос. Выражение лица мне чудовищно напоминает то, что я наблюдала у вусмерть пьяных и очень агрессивных мужиков, когда агрессия накопилась, но количество употребленного алкоголя уже не оставляет сил ее выплеснуть наружу, и она выходит булькающей словесной кашей, наполненными ненавистью глазами, сдвинутыми кустистыми бровями и повышенной краснотой кожи. И да, сутулость, заторможенные движения, поворот головы всем телом, потому что только глазами смотреть по сторонам уже сложно. Мы с ним уже сталкивались по поводу хлеба, когда он убежал от меня, так и не доев ужин. Второй раз ему повезло меньше: когда все столпились у стола с кофе, он решил начать наводить мосты, мол, а ты замужем? А то я одинок, так почему бы не попробовать, а? В общем, сколько я его ни предупреждала, что дело плохо кончится, он продолжал бурчать и лезть, очень скоро перешел на оскорбления (вес, внешность, возраст, умственное развитие - все как по нотам). В итоге, после множественных предупреждений, получил сигаретой в солнечное сплетение и кофей на грудь, и опять убежал с поля боя, плача и жалуясь на испачканную пижамку.

Я получила желтую карточку и просьбу игнорировать его намертво. Что я и делаю, хотя он и продолжает при каждом удобном случае цепляться. Я честно держу обещание, дышу и абстрагируюсь.

Его тихо недолюбливает весь персонал и большая часть психов. Некоторые из психов недолюбливают его активно, так что стычки то и дело случаются. Что с ним, я не знаю. Утверждают, что это не просто говно-характер. Что это нечто более серьезное и глубокое. Дядьки говорят, что Юда

умен и образован, знает несколько языков, кроме иврита и русского. Я не имею ни малейшего желания выяснять подробности, только очень надеюсь, что ему не удастся снова застать меня врасплох. Конечно, очень хочется с ним подраться, несмотря на вероятность получить сдачи, и сильно, он не выглядит хиляком. Но я сдерживаюсь изо всех сил. Всегда начеку. Увы.

Ноам

Ему где-то между сорока и пятьюдесятью лет. Короткая стрижка и ухоженная щетина красиво седеющих черных волос. Невысокий, поджарый, жилистый. В черных армейских ботинках. Большие умные карие глаза. Красивое умное лицо. Курит. Пьет кофе. Недружелюбен, но и не агрессивен, просто не очень хочет общаться. Возможно, потому что он очень-очень занят своими деловыми переговорами. Говорит он много и вполголоса, внятно, красиво, на отличном иврите, английском и французском. С несколькими собеседниками одновременно, переключаясь от одного к другому. Решает чьи-то проблемы, отвечает на вопросы, очень-очень-очень сосредоточен - и жестами, и мимикой дает понять, что не надо его отвлекать. Отношение персонала говорит о том, что он здесь не первый раз, его тут знают и любят, очень внимательно и даже нежно относятся, проверяют, поел ли он, пил ли чай, воду, есть ли у него сигареты или надо сходить купить...

Вот только нет у Ноама телефона при себе, да. Так что все эти потрясающие разговоры на трех потрясающего качества языках происходят внутри его красивой ухоженной и умной головы...

Рут

Маленькая, сухонькая, слегка согнутая прожитой жизнью старушка. Среднестатистическая бабушка. Насколько я поняла, она устроила сцену в автобусе, вызвали полицию и ее привезли сюда (честно, я не представляю, это ж какую сцену надо устроить в автобусе, это ж с кем и как надо поругаться, чтобы в Израиле полицию вызвали, особенно глядя на Рут... не представляю, и однако все именно так и было). Так как служащие свято берегут личные истории всех нас, психов, то есть ли у нее семья, дети, правнуки, я не знаю. Она спит на кровати рядом, у меня в ногах. Ходит в типичном для религиозных восточных небогатых старушек халатике и шапочке-колпаке, в туфлях, - поэтому ее передвижение всем известно: в отличие от чпок-чпок вьетнамок и кроксов, в которых ходит большинство больных, или шелестения моих голых пяток, она цок-цокает по коридору мелкими суетливыми шажочками. Голос извиняющийся, заискивающий, затухающий. К концу фразы он как будто устаёт говорить и совсем ссыхается. Ей сложно все. Ей сложно одеться. Ей сложно искупаться. Ей сложно спать и сложно не спать. Она забывает, в какой она комнате, и ногами ее цок-цок слышно по всему коридору. Цок-цок - шажочки Рут, вшшшш - звук отъезжающей двери, чик - звук включенного света. Тишина - психи спят, Рут изучает рекогносцировку. Чик - вшшш - цок-цок - Рут идет к следующей двери. И так, пока свет не включится в нашей комнате. Рут вздыхает, что-то бормочет вечное себе под нос, идет к кровати, ложится, потом встает, идет к двери, выключает свет. Задумывается, включает снова, внимательно всматривается в комнату, выключает свет и идет к кровати. Ложится, засыпает, потихоньку ворча и ворочаясь. Через несколько часов все повторяется заново. Она не помнит, ела ли она только что или только должна была пойти поесть. Она не уверена, голодная она или нет. Выражение сморщенного с печеное яблочко лица удивленно-заискивающе-приветливое.

Попросила она позвать ее на вечерний кидуш. Пришла, села, положила себе салат, хлеб, начала есть. и очень хвалить кидуш, ах, какой кидуш хороший был. Спасибо, что позвали. Переглянулись с дядькой, который кидуш собирался читать, покивали головой, решили не отвлекать бабушку от еды. Она внимательно послушала, не отрываясь, покивала головой, да-да-да, хороший кидуш...

Найдя комнату и уже устроившись в кровати, она иногда меняет порядок и просит меня или Левану,- наши кровати ближайšie к двери, выключить свет. В шабат мы обе ей сообщили, что в шабат светом не управляем. «Ну да, ну да, конечно, шабат», - Рут кряхтя вылезает из кровати, цок-цок к двери. Остановилась, задумалась, глядя на выключатель. Посмотрела в коридор, посмотрела в комнату. Убедилась, что это ее комната, улыбнулась победно, выключила свет и направилась к кровати. Уже оттуда спросила, а когда ужинать будем, кидуш же надо. Услышав, что кидуш уже был, не особо удивилась, только поинтересовалась: "Это что же, я теперь уже не голодная?" Ответа не получила, но ей как-то и не очень нужно было.

Так и засыпаю, под монологи Рут: "Ой вавой, помоги мне, мама, как же я устала, устала я очень, мама, ой вавой, все уже тяжело, совсем все тяжело, вот лежу и не знаю, где же я, где я, надо бы поспать, да, надо поспать, кто ж там ходит все, и ходит, и ходит, может, Машиах уже ходит, а мы тут, я вот искупалась, ведь можно мне искупаться, хоть и тяжело, да. Очень тяжело, но мне все тяжело. Мама, устала я очень. И Машиах не приходит. Посплю тогда. Когда ужин дадут, не знаю, ничего не знаю, мама, и где Машиах, тоже не знаю"...

Цок-цок-цок-цок - это Рут ужинать идет. Перебирает маленькими ножками, размахивает сморщенными ручками, облизывает губы и улыбается чему-то. Вот и я пойду, поужинаю...

Анна Немеровская

**И ДАРОВАЛ ВСЕВЫШНИЙ ЧЕЛОВЕКУ
СВОБОДУ ВОЛИ**

Отрывок из романа

“Чуждые народу элементы” высылались из России пароходами, поездами. Надо сказать, что этим людям здорово повезло – они лишились только родины. Оставшиеся же в России выдающиеся люди страны вскоре были лишены жизни. Потом повсюду начались разные революционные беды – конфискация имущества, разорение церквей, аресты.

Савелия долго не трогали, но вот наступил тот страшный день начала лета 1923 года – приехал комиссар с двумя солдатами. Крестьяне стояли вокруг крыльца и хмуро молчали. Они хотели бы защитить своего, как они между собой называли, “святого Савелия”, но не знали как. Его проповеди имели такую силу, что, если бы он захотел, мог бы поднять этих людей на бунт, но он этого не сделал. Он только спросил разрешения у комиссара пойти помолиться в последний раз перед святыми иконами (“пока их не обесчестили” – подумал он про себя). Комиссар вскипел было, но побоялся враждебно молчащих крестьян. “Только быстро!” – скомандовал он.

Савелий предвидел арест – борьба с религией была в разгаре. На всякий случай он заранее приготовил один узелок для себя, другой – для сына и адрес своего друга Афанасия, который жил в городе. В последнее время Савелий много думал о том, как спасти Мишеньку. Все его мысли были только об этом. Но, сколько он ни думал, все сходилось на том, что, кроме как к Афанасию, обратиться не к кому. “Хотя, – размышлял Савелий, – прошло уже довольно много времени, как мы с ним виделись последний раз... Кто знает, как изменила его новая власть? Может, он стал большим начальником или даже комиссаром?.. Нет, – решил он все же, – никогда Афанасий не продаст душу дьяволу. Верит он в Господа или не верит, но порядочнее друга нет”. Савелий

сердцем своим чутким знал, что на друга можно положиться. Поэтому в узелке сына лежал адрес Афанасия. В комнате отец Савелий поцеловал Мишеньку и велел ему бежать к кузнецу Ефроиму – тот спрячет и переправит к Афанасию в город. Перекрестил сыночка и выпустил в окно. Передал узел и спросил, осилит ли он, ведь узел немаленький.

– Конечно, донесу. Своя ноша не тянет – так матушка говорила.

При упоминании матушки в эту горькую минуту у Савелия стал комок в горле, а у Миши выступили слезы. Оба подумали: хорошо, что она не дождала до этого страшного дня. Отец, опасаясь показать сыну свою слабость, махнул напоследок рукой и отошел от окна. У него было всего несколько минут для прощания, на молитву уже не оставалось времени. Он аккуратно снял иконы, поцеловал и, мысленно прося у Господа прощения, завернул в чистую наволочку, потом в мешковину и опять подошел к окну. Он ждал соседку Марию. У них был уговор: если за батюшкой придут, она побежит огородами к его окнам, примет иконы, чтобы спасти их от охальников-большевиков. Савелий перегнулся через подоконник, осторожно спустил мешок с иконами на землю. В это время, запыхавшись, прибежала тетка Мария. Отец Савелий шепнул ей, чтобы завернула иконы в хорошо промасленную тряпку, а потом снял свой большой красивый крест и тоже положил к иконам: "Все равно комиссары отберут". Тетка Мария обещала все сохранить, а когда кончатся эти смутные, грешные времена, обязательно вернуть и иконы, и крест ему или Мишеньке. У отца Савелия было мало надежды, что все это сбудется, но тетка Мария говорила так убежденно... Очень хотелось верить. Он надел свой старый простой деревянный крест, вышел на крыльцо и низко поклонился всем односельчанам:

– Прощайте, не поминайте лихом, простите, если что не так.

Комиссар велел ему молчать, не митинговать. Но отец Савелий уже ничего не боялся. Со своего высокого крыльца он заметил мелькнувшую за избой-читальней тетку Марию с его драгоценным мешком, видел стоящую поодаль испуганную группу еврейских семей. Кузнеца Ефроима среди них не было.

“Это хорошо, – подумал Савелий, – значит, он в кузнице”.

– Живите с Богом, не делайте зла никому, берегите свою душу, – оставил людям свой завет отец Савелий.

Тем временем Миша прибежал в кузницу. Ефроим был там, но не работал по причине субботы. Просто сидел и думал. О многом думал этот еще не старый еврей в нынешнее опасное время...

Увидев поповского сыночка, Ефроим все понял. Привел его в избу и сел со своей Сарой держать военный совет – что делать дальше. Миша объяснил, что ему надо только добраться до города, а там он постарается найти дядю Афанасия.

Военный совет велся на идиш, но мелькали и слова, которые Миша понимал. Когда люди живут рядом, общаются, покупают и продают друг другу, дети вместе играют, вместе учатся в школе, то невольно усваивают самые распространенные слова и фразы соседей. Неудивительно, что и Миша немножко понимал идиш.

Когда шабес кончился, закипела работа. Сара раздела Мишу, отдала белье старшей дочери стирать и решила сначала подстричь его, потом искупать. А чтобы ровно подстричь, в селе был простой способ: на голову надевали глиняный горшок, и все, что виднелось из-под горшка, надо было состричь. Старшая дочка стала возмущенно что-то быстро-быстро говорить матери на идиш, размахивая мокрыми от стирки руками. Тетя Сара отвечала, также эмоционально жестикулируя. Эта "пантомима" значительно облегчала понимание того, о чем шла речь. Миша вспомнил, как Афанасий, когда гостил у них, был весел, с аппетитом поедал матушкино угощение и рассказывал анекдоты.

"Знаю, знаю, Савелий, помню – неприличные анекдоты нельзя, про евреев нельзя, про татар нельзя, про религию тоже нельзя". Но все-таки ему удалось вставить фразу из анекдота о том, как одна еврейка говорит другой: "Я не могу сейчас с тобой разговаривать – у меня руки заняты".

Вот и сейчас, видя их жесты и понимая некоторые слова, Миша уловил общий смысл спора. Дочка тети Сары возражала, чтобы мать надевала горшок "гою"(не еврею) на голову, потому что тогда горшок перестанет быть кошерным. А мать отвечала, что, мол, ничего

страшного – надо потом потереть горшок золой, и все будет как положено. Ведь зола всё очищает.

Миша стеснялся, что стал причиной этой перепалки и просил не беспокоиться из-за него. Но тетя Сара была неумолима, – она лучше всех знала, что и как надо делать. Не прерывая своей работы, она дала какое-то указание Ефроиму, которое он побежал исполнять.

Назавтра был воскресный, следовательно, базарный день. Плотник Захар делал на продажу деревянные ложки, игрушки, скамеечки и, в тесном сотрудничестве с кузнецом, стиральные доски и другую хозяйственную утварь. Вот к нему и пошел Ефроим напроситься назавтра в попутчики, потому что у него, дескать, есть на продажу грабли и лопаты. Сара строго-настрого наказала о Мише не говорить. Захар не возражал – вдвоем вроде и веселее, но предупредил, что выезжает затемно, часа в два ночи, а обратно – не позже полудня:

– А то бандиты нынче грабят тех, кто на ярмарку едет, часов в 6 утра, а тех, кто с ярмарки с деньгами, – часов в пять вечера. Поэтому надо ехать так рано.

Ефроима это вполне устраивало. Сара велела Ефроиму и Мише лечь спать, а сама собралась дежурить и разбудить их вовремя. Но прежде чем идти спать, Мише хотелось на прощанье немного посидеть во дворе на лавочке, посмотреть на родное село.

Сердце щемило – доведется ли еще когда увидеть родные места? Сел с ним и Ефроим. Летняя ночь была необыкновенно хороша. Мерцающие звезды, тонкий серпик луны. Торжественно и тихо было под небесным сводом Божественного храма природы. Миша думал о том, как любил отец смотреть в это бархатное вечернее небо, как часто они вдвоем сидели вечерами на крыльце своего дома... Перехватило горло... Мудрый Ефроим погладил мальчика по голове:

– Помолись, Мойшеле, помолись, не стесняйся. Я тоже буду молиться за отца Савелия.

И они стали молиться – каждый своему Богу. Мальчик просил Всевышнего сохранить и помиловать его отца, вернуть его живым и невредимым. Он стоял на коленях, бил поклоны и истово крестился. А еще не старый, но уже измученный жизнью Ефроим, раскачиваясь, молился своему суровому Богу. Он просил сохранить жизнь и здоровье "служителю культа", "гою", "святому Савелию",

христианскому священнику, спасавшему евреев от погромов – самому благородному и достойному человеку из всех, кого он, Ефроим, знал.

“Уж я, поверь, Господи, многих повидал на своем веку и научился разбираться в людях”.

А Всевышний грустно взирал на творящееся на земле безобразиие... Небо, как всегда, было безразлично к земным делам. Люди на всем белом свете страдали и радовались, любили и ненавидели, рождались и умирали...

В два часа ночи приехал заспанный Захар. Сара и Ефроим погрузили лопаты, грабли, ухваты и прочий товар для продажи. Убедившись, что Захар не оборачивается, Сара жестом показала Мише, чтоб молчал, подсадила его в телегу, заслонив узлом, который собрал ему отец. Там были валенки, тулупчик, свитер, маленький молитвенник, две смены белья, кусок мыла, баночка засахаренного меда и кулек с сухарями. Ехали молча, каждый думал о своем. Умная, несчетное количество раз прошедшая эту дорогу лошадь, знала, куда ехать. Захар, жалея ее, не погонял и, видимо, дремал.

Летние ночи короткие, небо начало светлеть, когда они въехали в город. На подъезде к базарной площади Ефроим дал Мише знак, и мальчик соскочил с телеги, да встал так, чтобы Захар его не видел.

– Слушай, Захар, мне тут надо одного знакомого навестить, я отлучусь, а ты не спи, за товаром следи. Скоро буду.

И Ефроим быстро, чтобы не было расспросов, ушел. Выйдя с базарной площади, они пошли искать заветный адрес. Ефроим получил от Сары не только подробные наставления, но и вкусные гостинцы для Афанасия. Наконец они оказались перед нужным домом. Сели на скамейку на другой стороне улицы и стали ждать рассвета – негоже в воскресный день будить людей в шесть утра. Вот на улице стали появляться редкие прохожие, Ефроим оглядывался по сторонам, будто кого-то выискивал.

– Дядя Ефроим, я думаю, уже можно. Давайте я пойду, я помню даже его квартиру, хоть и маленький был, когда мы с папой к нему приходили.

При слове "папа" у Миши тоскливо сжалось сердце, и он сник.

– Подожди, не торопись, а вдруг он квартиру сменил. Сарочка моя – умная женщина, она сказала, как надо поступить, – остановил его Ефроим, продолжая что-то или кого-то искать глазами.

В это время из подвала дома, за которым они наблюдали, вылез, потягиваясь, беспризорник. Это был мальчик на вид лет десяти, чумазый, рваная одежда на нем болталась. Чье сердце не дрогнуло бы при взгляде на этого ребенка? Но беспризорников было так много, что сердца черствели и не трепетали...

Увидев пацана, Ефроим перестал оглядываться и поманил его пальцем. Беспризорник, не торопясь, вразвалочку, перешел дорогу. Он уже много повидал в своей короткой жизни и даже стал в некотором смысле философом, но такую странную пару – старого еврея с бородой и чистенького русского паренька с грустным лицом – он видел впервые и не мог придумать, кем они друг другу придется.

– Молодой человек, – вежливо начал Ефроим, – во-первых, доброе утро, а во-вторых, так я так думаю, что вареная картошечка в мундире и посоленная сверху вам бы сейчас не помешала.

– Так что я вам должен за эту картошечку? – с деланным равнодушием спросил паренек, но было видно, какие у него голодные глаза.

– Ну, например, вы могли бы выполнить одно мое поручение, но выполнить его надо очень точно. В этом доме, в квартире номер 8, когда-то жил господин, то есть, извините, товарищ Афанасий. Вы должны, вернее, я прошу вас постучать в его квартиру, через дверь ничего не говорить. Только ему лично... Это очень важно, юноша, чтоб только ему лично, а если в комнате кто-то будет, надо сказать так, чтобы слышал только он.

– Да знаю я вашего Афанасия, хороший мужик. Другие норовят подзатыльник дать, а он – никогда. Добрый он, один раз мне булку дал, – перебил пацан. – Так что надо ему сказать?

Он торопился заработать картошечку.

– А сказать надо, что Михаил, сын его друга Савелия, сидит здесь на лавочке и просит разрешения увидеться.

Прошло несколько минут, но обоим они показались такими длинными! Ефроим подумал, что напрасно он сказал про "друга Савелия". Сейчас так опасно с кем-то дружить – дружба может обернуться бедой...

Но вот из подъезда вышел давешний пацан, за ним показался Афанасий. Это было забавное зрелище: маленький, грязный, с хитрыми глазками оборвыш держит за рукав огромного, слегка растерянного мужчину. Афанасий был высокий, габаритный, с гордой осанкой – ну, прямо Портос из "Трех мушкетеров". Но для Ефроима и Миши это было совсем не забавно. Для них это была самая радостная минута. Афанасий крепко обнял Мишу, и тот, не выдержав напряжения последних суток, разрыдался у него на груди. Ефроим жестами показал Афанасию сесть на скамейку и успокоить мальчика, а сам, чтобы не мешать им поговорить, постарался увести любопытного беспризорника.

– Молодой человек, вы исключительно выполнили задание, и я думаю, что вы заслужили две картошечки, но... Тут есть такое "но". Картошечки, которые сварила моя уважаемая супруга, не любят грязных рук, они просто не терпят грязные руки. И, кстати, как вас зовут?

– Федя.

Все это Ефроим говорил, ведя пацана к колонке.

– Давайте здесь оба помоем руки.

– Во, дает! Картошка любит – не любит, терпит – не терпит. – Федя давал понять, что не маленький, сказками голову не заморочишь, но руки все же мыл. Чего не сделаешь ради еды! – У картошки не бывает чувств, – продолжил он и вдруг с воплями бросился к скамейке.

Он заметил крадущегося воришку, которого привлек узелок Ефроима с гостинцами для Афанасия и нехитрой закуской для путешественников, включая вышеупомянутую картошечку.

– Чего вы, раззявы, сидите, не смотрите?! Вас так и разденут, и разуют!

– Молодой человек, вы поступили крайне благородно и поэтому награждаетесь еще и малосольным огурчиком, лучше которых нигде нет, потому что их приготовила моя Сарочка.

Ефроим выдал пацану две картошки и огурец, усадив его на самый край скамейки, чтоб он не слышал их

разговор. Афанасий приглашал их домой, но Ефроим отказался.

– У вас там соседи, не надо привлекать их внимание. Я вам скажу все наши с Сарочкой соображения, а вы, пожалуйста, думайте дальше сами. Миша, конечно, очень грамотный, ученый молодой человек, но к взрослой жизни не приспособленный. Каждый человек, особенно мужчина, должен иметь какую-то профессию в руках: портной, сапожник, а может, доктор или инженер, если есть возможность учиться. Но для Миши пока желательно поступить на завод учеником или в какой-нибудь техникум, если возможно.

Теперь важный момент – документы. Если вы захотите устроить Мишу куда-нибудь учиться или взять его к себе на завод, везде спросят документы. Так для этого случая, – продолжал Ефроим с таинственным видом, – можно устроить такой концерт. Пойдем к городской больнице, и вы, Афанасий, занесете туда мальчика и скажете: “Вот, шел, вижу – паренек лежит без сознания, я и принес его к вам”. А врачи спросят Мишу, как звать, кто такой, откуда? А ты, Миша, только головой мотай, ничего не говори, как будто ничего не помнишь. И тут вы, Афанасий, говорите врачу: “Если ничейный он, так я его заберу себе, приглянулся мне этот паренек”. И просите у доктора бумагу.

– Так, мол, и так, – шептал Ефроим, – напишите, уважаемый доктор, что неизвестный подросток лет 13-14 поступил в больницу такого-то числа, выписан такого-то. Сдан под ответственность гражданина Афанасия. И давайте, доктор, говорите вы, его пока как-нибудь назовем... Например, Михайло. А фамилию ему дадим... ну, скажем, Семенов. Пусть будет похожа на настоящую – Семионов, – сказал Ефроим, довольный своей находчивостью. – А с этой бумажкой вы его куда-нибудь и пристроите. Но ни в коем случае нельзя, чтобы про отца Савелия узнали: говорят, что детей старше 14 тоже забирают, – закончил Ефроим.

– Да, похоже, что это хорошая мысль, – промолвил Афанасий после недолгого обдумывания “сценария” Ефроима. – У нас тут как раз открываются курсы слесарей при заводе, ребят набирают. Они там и учиться будут, и практику на заводе пройдут, и общежитие будет.

– Дяденька, и меня тоже устройте, а? – попросил обалдевший от такой перспективы Федя. Оказывается, он все слышал.

– Не волнуйся, дяденька, – умолял он встревоженного Ефроима, – я ничего никому не расскажу, вот ей-Богу! Что я, злодей какой? Я даже вам пригожусь: скажу, что я сам видел – лежал этот парень на земле без сознания.

Он говорил быстро, убедительно, с просьбой и надеждой в голосе. Ему так не хотелось расставаться с этими людьми, от которых веяло недоступной ему жизнью!

– Так ты еще маленький. Сколько тебе?

– Двенадцать.

– Да ладно врать-то! Тебе, наверное, и десять еще не исполнилось.

– Что вы, дядя Афанасий, мне одиннадцать было в прошлом году. А в этом двенадцать будет.

– Обратите внимание, как он хорошо торгуется, – пошутил Ефроим. – Вы ему десять, а он двенадцать и только чуть-чуть снижает, самую малость.

– Ну, ладно, я попробую, постараюсь, – Афанасий вспомнил детей-сирот, изгнанных из Сергиево-Елизаветинского убежища. Тогда он думал, что если бы была у него семья, усыновил бы одного-двух. И вот, сейчас сама судьба дает ему шанс если не усыновить, то хотя бы помочь парнишке. – А у тебя какие документы есть?

– Так бумаги не проблема – меня два раза в милицию забирали, в детдом отправляли. У них можно документ стребовать.

– Чего ж ты тогда на улице, а не в детдоме?

– Так разве там можно жить? Кормят плохо, считай, почти и не кормят, повара все воруют, старшие пацаны бьют, все отбирают, учителя завсегда пьяные. Зиму там еще можно перетерпеть, а весной все разбегаются. Дядя Афанасий, пожалуйста, я буду очень стараться, я тоже хочу учиться!

Миша тоже стал с мольбой смотреть на дядю Афанасия.

– Ну, ребята, что вы на меня так смотрите, я же не Бог. Сказал: постараюсь. Был бы я Богом, так навел бы на земле порядок, не допустил бы столько горя. – Произнося это, Афанасий, прищурившись, смотрел куда-

то вдаль, как будто там, далеко находился тот, к кому он обращался.— Где справедливость? Как можно допустить, чтобы самые благородные и достойные люди страдали без вины! А ты, старик, тоже молишься, в Бога веруешь, а где он, ваш Бог, почему о вас не печется? Что скажешь, а? – повернулся он к Ефроиму.

На самом деле Афанасий не ждал ответа, вопросы были риторические.

– Поэтому я и ушел из семинарии.

– Неисповедимы пути... – шептал Ефроим, слегка раскачиваясь и закрыв глаза. Он молча молился и просил прощения у своего Бога за то, что слушал речи такого безбожника, просил за этих невинных детей, за самого богохульника, у которого, он видел, было доброе сердце. В глубине души, на самом ее дне неясно шевелилось не то чтобы сомнение, упаси Бог, но, скорее, недоумение: за что же можно наказывать безгрешные детские души или таких людей, как Савелий?

...Господи Боже милосердый! Ведь Ты же Великий, Всемилостивый и Справедливый! Какой же это порядок, что одному Ты даешь все, а другому – ничего? Одному – сдобные булочки, а другому – казни египетские! Однако, с другой стороны, думаю я, ты все-таки очень глуп, Тевье!

Что это значит? Ты берешься указывать Богу, как миром управлять? Уж если Ему так угодно, значит, так и быть должно. Потому что, если бы должно было быть иначе, то и было бы иначе. А на вопрос, почему бы и в самом деле не быть по-иному, есть один только ответ:

"Рабами были мы" – ничего не напишешь! На то мы и евреи на белом свете. А еврей должен жить верой и надеждой: верить в Бога и надеяться на то, что со временем, если будет на то воля Божья, все переменится к лучшему...

(Шолом-Алейхем)

– Ну, ладно, хватит о религии, – прервал эту “дискуссию” Афанасий. – Давайте наш хитрый план выполнять. Вранье, конечно, не одобряется, но наша

ложь – во спасение, так что мы будем следовать ей и добьемся нашей цели.

Афанасий поднял со скамейки маленький, но сплоченный коллектив, и они пошли в больницу.

– Слушай, Ефроим, а ты иди на ярмарку, товар надо продавать, там твой односельчанин как бы чего не заподозрил. В больнице мы сами справимся, после придем к тебе на ярмарку и все расскажем. И не волнуйся за Мишку, теперь я за него в ответе. А тебе огромная благодарность, мы с Мишей тебя вовек не забудем.

– Обязательно приходите, чтоб я все знал и Сарочке мог все подробно доложить. И еще у нас в телеге Мишин узел, надо его забрать.

Миша и Ефроим долго стояли обнявшись и молча прощались. У обоих было тяжело на сердце. Ефроим был добрый и мягкий, и, конечно, он растрогался. А Миша... Кроме признательности, он испытывал множество горестных чувств – прощание с детством, со своим недлинным прошлым, с селом, где прошла вся его маленькая жизнь, с человеком, который знал и уважал его отца. С кем он мог поговорить об отце?.. Отныне это запретная тема. Ефроим вернулся на базар. Торговля уже шла вовсю. Примерно через час появились Афанасий и Федя, которые рассказали, что все в порядке. Ефроим требовал подробности, которых, в общем-то, было немного. В приемной случайно оказался сам главврач больницы, пожилой, седой, с бородкой клинышком – ну, словом, из бывших. Он задал Мише несколько вопросов, пожал плечами и обратился к медсестре:

– Вера Васильевна, определите мальчика в палату. Я ничего серьезного у него не вижу, травм на голове нет, видимо, пережил какое-то потрясение. Накормите, дайте бром с валерьянкой, пусть поспит. В его возрасте сон – лучший лекарь. Я сейчас ухожу, постараюсь вернуться к концу дня, тогда посмотрю мальчика более внимательно. Вы остаетесь за старшую, пока меня нет.

–Слышите, – крикнул он кому-то за дверью, – Вера Васильевна сейчас за главврача.

Афанасий поспешил за доктором.

– Если вы его выпишете, можно я приду и заберу мальчонку, уж очень он мне приглянулся.

– Это очень благородно с вашей стороны, – доктор внимательно посмотрел на Афанасия снизу вверх. – Делайте, что хотите. Может, завтра меня здесь уже не будет...

Последнюю фразу доктора Ефроиму не сказали, чтобы зря не беспокоить.

– Дядя Афанасий, а ты заметил медсестру Веру Васильевну?

– С чего это я должен был ее заметить?

– А я видел, она на тебя глаз положила, ей-Богу. Ты мужчина видный, вот ты ей и понравился! –

Федя был наблюдателен.

– Да перестань, Федор, ерунду молоть, – отмахнулся, смутившись, Афанасий.

Афанасий забрал Мишин узел с вещами, сказал, что отнесет домой, а потом займется вопросами их учебы или чем-то еще, на что у него есть свои соображения. А после всех дел вернется на базар за Федей, чтобы отвести его в баню и отмыть от вшей.

Счастью Феде не было границ. Он стал петь частушки, которые тут же сам и сочинял. Потом от избытка чувств, чтобы вся его энергия не пропадала зря, стал плясать, кувыркаться, привлекая покупателей. Вокруг телеги Захара стал собираться народ. Федя постукивал деревянными ложками, как кастаньетами, танцевал и кружился с лопатой или граблями в руках, будто с партнершей.

– Бабулечка, дорогушечка, посмотри, какая удобная скамеечка! Вечерком, когда сидишь и вяжешь носочки внучику, поставишь свои ноженьки усталые на скамеечку и сразу легче станет, тут и меня, и мои частушечки вспомнишь.

Он уверял женщин, что деревянные ложки волшебные, что обед будет вкуснее, если его помешивать именно этой ложкой. Женщины посмеивались и покупали. Одна очень бойкая сказала, что как-нибудь в воскресенье придет и всем расскажет, действительно ли обед был вкуснее. А если кто-то подходил к товару Ефроима, тут уж изобретательности Феде не было предела, – никто не уходил от телеги без покупки, тем более что Ефроим охотно торговался, а покупателю всегда приятно, если удастся хоть немного снизить цену.

Что больше всего потрясло Савелия после ареста, так это спокойное равнодушие людей, арестовавших и допрашивавших его. Комиссар, который его арестовал, солдаты-конвоиры, потом следователь были презрительно-равнодушны. Они не размышляли, они “выполняли работу”. Если бы отец Савелий увидел в лице следователя идейного противника, он, возможно, попытался бы с ним поспорить или, напротив, доказать свою лояльность и преданность России. Он хотел разглядеть в лицах солдат-конвоиров скрытое сочувствие, сострадание... Ну хоть какие-то эмоции! Глухо...

После изнурительного допроса следователь произнес жесткую резолюцию: "Хорошенько подумай, завтра поговорим. И это будет окончательный разговор, долго тянуть не станем".

В камере, куда его отправили, он впервые за эти дни встретил живых людей с человеческими чувствами. Эти люди – каждый со своей историей, со своим горем и обидой, – пострадали попавшим в беду. Они выделили отцу Савелию хорошее место у окна, поведали о себе, кто что посчитал возможным рассказать. Отец Савелий благословил каждого и помолился за всех.

А когда пришел его черед рассказывать, только руками развел – рассказывать было нечего, взяли только за то, что он священник, то есть за профессию. На вопросы о семье коротко сказал, что вдовец и остался сын, которому скоро 14 лет. Все загрустили, вспоминая своих родных.

– А ты хоть догадался договориться с сыном, чтобы он от тебя отказался?

– ?

– Ты что, не понимаешь? Теперь так надо, чтобы его тоже не арестовали. До 14 всех отправляют в детдом, а после 14 – тоже забирают. Я так своему все объяснил: я честный человек, ни в чем не виноват, пусть в душе меня бережет и детям расскажет, а на людях пусть отреагирует... Лишь бы жив остался...

Историческая справка: *В дальнейшем (8 апреля 1935 года) этот возрастной рубеж был снижен до 12 лет лично самим "другом детей" и "отцом всех народов".*

Колыбельная

*Утром рано, на рассвете корпусной придет.
На поверку встанут дети, солнышко взойдет.
Проберётся лучик тонкий по стене сырой,
К заключённому ребенку, к крошке дорогой.
Но светлее все ж не станет мрачное жильё,
Кто вернёт тебе румянец, солнышко мое?
За решеткой, за замками дни, словно года.
Плачут дети, даже мамы плачут иногда.
Но выращивают смену, закалив сердца.
Ты, дитя, не верь в измену твоего отца.*

(Колыбельная, которую заключенные матери с грудными детьми пели в Бутырке, и слова которой Рахиль Мессерер, сидевшая там, записала через много лет)

Спор о том, отречься или не отречься от родителей, долго не утихал. Эта тема взбудоражила всех, пока не увели на допрос одного из заключенных. В камере повисло тяжелое молчание – все понимали, что это значит. Отец Савелий сразу обратил внимание на этого человека. Сильно заросший – значит, давно сидит, – он пользовался особым уважением остальных, к его мнению прислушивались. Когда его увели на допрос, Савелию рассказали, что тот имеет юридическое образование, и это, по-видимому, чрезвычайно раздражает следователей. "Юриста" приволокли после допроса избитого, полуживого.

Камера его жалела, но молчала – словами делу не поможешь. Это молчание нарушал только один деревенский – он плакал, крестился, у всех спрашивал:

– Как же это? Как так можно, братцы? Что же это они – звери какие?

Его плач и вопросы были для всех, как ковыряние ножом в ране. Пока один не выдержал:

– Закрой рот, не трави душу. Между прочим, эти звери – тоже Божьи создания, церковные, и их жалеют, говорят “заблудшие души”, – ехидно добавил он, глядя прямо на отца Савелия, который горестно понурил голову.

“Что же это творится?! Вразуми, просвети, Господи!”

“Юристу” обмыли раны, и все легли спать. Отец Савелий спать не мог. Он сидел рядом с избитым, поил его водой и молился, потому что больше ничем помочь не мог.

– Может, ты объяснишь, добрый человек, почему же происходит такое? – спросил он “юриста”, потому что Господь не отвечал на этот слишком трудный для него вопрос.

– Мне жаль тебя, батюшка, ты, видно, хороший человек. Плохи твои дела, – шепотом отвечал ему “опытный” товарищ, тяжело дыша после каждого слова.

«Сам такой избитый, а меня жалеет», – подумал Савелий.

– Понимаешь, лозунг они такой придумали: «Религия – опиум для народа». А ты получаешься распространитель опиума. Всех к стенке. А насчет сына ты зря рассказал, – кто знает, и среди здешних могут быть доносчики... Молись, батюшка, чтобы сына кто из родных припрятал, и за себя молись, – может, вместо расстрела в Сибирь пошлют или на каторгу.

На следующий день отца Савелия на допрос не вызывали. Видно, следователи были очень заняты – новеньких в камеру приводили еще и еще. Кто-то кричал, кто-то плакал – люди разные. Отец Савелий каждого старался успокоить. Утешить не мог, только чуть успокоить, чтобы уберечь от истерики. И, конечно, он молился, ничего не ел, – постился и молился. Этой ночью никого на допрос тоже не вызвали. Хотелось спать, но сон не шел...

Он думал, конечно, о Мишеньке, вспоминал Лидию, прожитую жизнь, Афанасия и тот давнишний разговор с ним, о том, почему люди убивают друг друга, почему один человек блюдет Божьи законы, а другой не хочет.

Под утро он забылся коротким сном и – о радость-то какая! – увидел во сне Мишеньку, который самым подробным образом рассказал ему все, что с ним

случилось, – от стрижки и купания у Ефроима и Сары, поездки на ярмарку, о встрече с Афанасием, знакомстве с Федей, про больницу и Веру Васильевну и кончая тем, что завтра они идут учиться на курсы слесарей при заводе, где работает Афанасий. Когда Савелий проснулся, не было человека счастливее его, он возблагодарил Всевышнего за милость. Но когда встал, он забыл свой сон, то есть забыл подробности Мишенькиного рассказа, но помнил общее впечатление от сна, – ощущение благополучия, уверенности, что с Мишей все в порядке, и в дальнейшем все будет хорошо.

А если нужно какое жертвоприношение ради этого, пусть этой жертвой будет он, отец Савелий, за своего сына и за всех детей – и до 14, и после...

Утром железная дверь камеры открылась с устрашающим грохотом и отца Савелия увели на допрос, после которого он в камеру не вернулся. На этом следы его теряются.

Забегая вперед, скажу, что после 1956 года Миша разыскивал хоть какие-то сведения о судьбе отца, посылал запросы, ездил в Москву, добивался доступа к архивам. Но ничего не нашел – не было дела в архиве, никакой папки, никакой бумажки. Кто-то объяснил Михаилу, что дело, видимо, было таким тоненьким – в нем, наверно, была только одна бумажка: родился тогда-то, учился в семинарии, женился, имел приход – вот и все. А одна бумажка даже не стоит того, чтобы на нее папку заводить...

Вот так бесследно мог исчезнуть человек... Жизнь человеческая была дешевле бумажной папки.

Александр Иличевский

ГРУЗДИ И КУЗОВ

*Из сборника рассказов «Точка росы»,
готовящегося к печати*

Однажды оказался я в Витебске в командировке с товарищем, Борькой.

Мы приехали на рабочей машине, со всем оборудованием и инструментами, набрав по дороге у обочины багажник груздей.

Четыре дня мы устанавливали в новой синагоге систему безопасности производства нашей фирмы: видеокамеры, сигнализация, досмотровый сканер.

Раввин Гуревич попросил нас работать в головных уборах.

Я отказался.

Борька послушно нацепил на лысеющий затылок кипу из лотка у входа.

Спали мы в молельном зале на столах.

За все время в синагоге я не видел никого, кроме раввина и его жены, беременной бледной женщины в парике с коляской, которая приносила нам еду и наставляла, как кошерно солить грузди: в подвале имелась небольшая кухня.

Борька пробовал молиться по сидуру, который дал ему Гуревич.

Я вечерами ходил на реку.

В последний день мы решили отпраздновать командировку.

Зашли в пустой ресторан «Орбита» на берегу Двины.

Я раскрыл меню толщиной с "Анну Каренину".

Разнообразие состояло, в основном, из водки и салатов.

Подошла симпатичная официантка, лет сорока.

Борька поправил кипу и спросил:

— У вас есть кошерное?

— Ты спятил, — прошипел я, — сними шапку хотя бы.

Официантка покачала головой.

— Тогда дайте мне не нарезанных огурцов, помидоров и вареных яиц в скорлупе.

Так раввин Гуревич учил Борьку быть евреем в безвыходной ситуации.

Наконец, я добрался до приложения: "Прейскурант на бой посуды" и посмотрел в глаза официантки:

— Два стакана водки, пожалуйста.

— "Пшеничная", "Праздничная", "Столичная"?

— "Житня".

— Закуска?

— Мне большую пива.

— Я обойдусь, — ёрзнул на стуле Борька и снова поправил кипу.

— Люблю евреев, — вдруг сказала официантка.

— Какая связь?

— Тихие вы.

— Когда как, — защитил я Борьку.

— Не станете же посуду бить?

— Как знать, как знать.

— Меню оставить?

— Там скидка на полный сервиз есть?

— Нет.

— Тогда забирайте.

Через полчаса мы расплатились и вышли постоять над рекой.

Когда в первый день мы въехали в город, в нем почти ничего не угадывалось из картин Шагала: сплошь панельные и кирпичные дома советской застройки. Но мы выбрались к реке, и город покотился по ее берегам, вдоль плавной излучины, по изломам оврагов, заросших облетевшими уже, мокрыми липами. И тут я понял, что знаменитые летящие любовники Шагала в точности повторяют изогнутый рекой и оврагами рельеф города. Тела их, сошедшиеся в объятиях, вторят береговой линии. Любовники словно поднялись в высоту из своего отражения во времени-реке.

— Ты когда-нибудь бил посуду? — вдруг я спросил Борьку.

— Только случайно. Какой странный обычай: разбитый стакан — это счастье.

— Ты ей понравился, кстати.

- Кому? — робко поинтересовался Борька.
- Официантке.
- Так считаешь? — Борька потрогал кипу.
- Убей Бог меня из пистолета.
- Борька остановился.
- Думаешь, стоит вернуться?
- Немедленно.
- Интересно, сколько ей лет?
- Тридцать пять. Ну, тридцать семь.
- Да, зря я пиво не взял.

Мы вернулись в ресторан и уселись за тот же столик. Официантка принимала заказ у компании, явившейся в наше отсутствие.

— Скоро же вы соскучились, мальчики, — подошла она к нам и направила карандаш в блокнот.

Как только заказ был принесен, к нам подсел худенький паренек в спортивном костюме.

— Извиняюсь, вы чьи будете?

Борька кисло посмотрел на меня.

— По национальности? — спросил я.

Парень задумался. Кивнул.

— Евреи, — вдруг сказал я.

Паренек пересел обратно.

Раздался громкий шепот.

Борька махнул пиво залпом.

Паренек снова присел.

— Это моя девушка, — он сделал жест в сторону официантки, у барного «гусака» наливавшей пиво.

— Поздравляю, — сказал Борька.

Парень застегнул олимпийку до горла, привстал, развернул стул и оперся локтями на спинку.

— А хули тогда вы ее лапали?

— Мы? — поморщившись, спросил Борька.

— Моя Галка, — парень вытянул из-за уха сигарету и погрозил нам ею.

Он прикурил.

— Значит, с Израиля?

— Нам еще водочки, Галя, по сто пятьдесят, пожалуйста, — сказал я официантке, когда она обеспокоенно приблизилась к нашему столику.

Парень с ухмылкой потянулся приобнять ее за талию.

Женщина отшатнулась и ударила его по голове пивной кружкой, которую только что прибрала с соседнего стола.

Парень упал навзничь, застонал не сразу.

— Серёжа! — бросилась к нему официантка Галя.

Лужица крови, алый ее глянец — казался украшением на плиточном полу.

Компания за соседним столом тоже бросилась ухаживать за раненым.

Мы помогли Гале отвезти Сережу на такси в травмпункт.

Швы накладывал фельдшер, пузатый, небритый, в черной водолазке под халатом.

Хотели уже ехать обратно.

Сережа сидел на койке в шапке из бинтов и ощупывал голову.

Фельдшер закончил писать в журнале, достал из тумбочки бутылку коньяка «Шамиль», стаканчики, разлил.

— За Израиль, — торжественно произнес он.

Мы переглянулись.

Фельдшер выпил.

Галя чокнулась с Борькой, потом со мной, многозначительно взглянув в глаза.

— Уважаю я вашу нацию, — сказал фельдшер, выдохнув и хрустнув яблоком.

— Спасибо, — сказал я.

— Игорь Матвеевич меня звать, — сказал фельдшер и снова разлил. — Как артиста Костолевского, легко запомнить.

— Ну, со свиданьем, что ли, — выдохнула официантка Галя и выпила.

С койки раздался стон.

— Пошел на ..., — отозвалась на выдохе Галя.

Сережа улегся и закрыл лицо руками.

Фельдшер рассказал, как в молодости работал в госпитале в Сирии во время войны с Израилем.

— Так что арабы боялись евреев, как собака палку, — подытожил фельдшер.

— Нас тогда еще на свете было, — вздохнул Борька и переполз со стула на смотровую койку, где прилачился валетом к Сереже.

— Очень уважаю вашу нацию, — покачал головой фельдшер.

— Пойдем, — встала Галя.

Я поднялся, обрел равновесие и кивнул.

Утром я спустил ноги на дощатый пол, который видел впервые.

Крашенные доски пересекала лоскутная дорожка.

Рама окошка была переложена сугробами старой ваты.

За тюлем появлялись и пропадали прохожие.

Галя вошла и протянула две бутылки пива.

Я открыл одну об другую и сорвал пробку второй о спинку кровати.

— Самостоятельно живешь? — спросил я, глотнув и снова чувствуя позыв тошноты.

— А тебе-то что?

— В туалет сходить можно?

Галя презрительно пожала плечом.

Кое-как я нашел в темном коридоре туалет и вернулся.

— Я сейчас умру, — произнес я, допив пиво.

— Да помирай, не жалко, — хохотнула Галя. — Не умеешь — не берись.

— Строгая какая, — пробормотал я.

— Уж какая есть. Тебе замуж меня не брать.

— А собирался? — удивился я с опаской.

Взмаха руки с бутылкой я не заметил.

Просто что-то лопнуло у меня над головой, и я провалился в темноту.

Очнулся на стуле.

Надо мной стоял фельдшер Игорь Матвеевич и дрожащими толстыми пальцами поднимал вверх блестящую нитку.

Борька тревожно заглядывал мне в глаза.

Галя ревела, сидя на кушетке.

Игорь Матвеевич шил молча, похрипывая одышкой.

— Я кипу потерял, — прошептал Борька, когда мы вышли и наобум двинулись по улице. — Нигде нету.

— Я сейчас умру, — тупо сказал я, чувствуя, как темнеет в глазах.

Я взял Борьку под руку, и мы побрели дальше.

Раввин Гуревич стоял на крыльце и менял лампочку.

Он заметил нас и застыл, с закопченной перегоревшей колбой в пальцах.

Мы остановились.

— Вот, Соломон Маркович, — доложил Борька, — привел пострадавшего.

Я смущенно потрогал бинты на голове.

Гуревич прищурился, и, ни слова не говоря, стал довинчивать лампочку.

Наконец, опустив руки, он снова посмотрел на меня и вздохнул:

— Говорил тебе, куда ж ты без шапки?

Михаил Юдсон

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

Всё не просто так!

Почему Аполлон Аполлоныч едет в автобусе именно на Елоховскую улицу? Потому что там (дом 16) жила любовница Петра Первого - Аннушка (Монс), согласно легендам – ведьма и ворожея. И там же, на Разгуляе, на углу – дом колдуна Брюса.

Быков !!
!!!!!!!!!!!!!!!

2-я книга «В лесах» Мельникова-Печерского – там есть куски – это зародыш Леса из «Улитки на склоне» Стругацких – герой ищет город, деревья переходят с места на место, властные женщины, владыки скитов, навьи чары болтающей монашки... молчащий среди них мужчина (ясен перец – Молчун), описание леса, болота, прицепившегося ядовитого «живого» цветка и т.д.

Вперед, двуногое без перьев, поет нам ангел на мосту – там, за рекой, в тени деревьев, под сенью девушек в цвету... Белеет парус одинокий (Марлинский), как гений чистой красоты (Жуковский), сотри случайные черты (Флейерверт (? – И.К.)), и ты узыришь смысл широкий (одинокий).

И тексты-то, мягко говоря, малосамостоятельные, и пишмашинки чисто из канцелярии Маслоцентра... но свистнуто очень средне.

Бендер прикурил у дворника в Старгороде. А потом – бросил, что ли?!!

Он даровит безмерно, мобилен на диво, буйно цветущ.
Почему не пошёл к Путину? Жаль, что не довелось
присутствовать, хотя и камер-юнкером.

Быков сродни снегу – чурается черновиков – его лепная
проза сразу набело нижется.

Так пускай и я погибну, кочевой народ – той же славною
кончиной, что Иосиф Рот (зятельный австрийский
писатель, «Иов» и т.д.). Умер в 1940 г. в Париже от белой
горячки.

* * *

Читал я, что чукчи называют себя «луораветланы»
(буквально – настоящие люди). То есть – «Повесть о
настоящем человеке» – это о чукче, ползущем в снегах. А
мы – какие-то нестоящие. Обленились в тепле.

* * *

Последняя запись в истории болезни Шаламова: «Пытался
укснуть врача».

* * *

Я сам внёс посильный вклад в алкоголизм-закусизмАлии. Но
переводиться и печататься на иврите – зачем? Уже есть
одна Книжка...

* * *

Буриданов выбрал валаамову.

Подаяю признаки жизни.

«Рассказ его не блистал звёздами», как выражался
Всеволод Иванов.

* * *

Написать бы чего-нить оптимистическое, антипотопное,
эстетское – «Антиной». Плюнуть на разлитые Нилы, с
крокодилами...

Как писал замечательный русский писатель Борис Зайцев:
«Тут же, у стока, в час ночной, в смутном громе событий и
пустяков, вот уже основал малый скит на базаре, в
проходной комнате, в уплотнённом логове («Уединение»).

Это уединение.

* * *

Я, малюсенький моллюск, сию в своей норке-норушке и
жалко жалуясь...

* * *

Шармута, травиата беспутная.

* * *

Каждый строчит, как он хочет – онанотехнологии!

* * *

«Тягло одеяла» – тянет на себя.

* * *

Истинный выкrest пьёт горькую, пляшет «русскую»...

* * *

Тины всякие, трахели, гусары у Сары...

* * *

Неустанно пишущий, пашущий Чехов называл себя «литературный тюлень» и писал (в «письмах») о своей лени.

* * *

Как Столярский называл свою музыкальную фабрику вундеркиндов «школа имени мене».

* * *

Золотистого виски струя из бутылки текла. Услада!

* * *

А «кореш» – это контаминация «корень» и «шореш»!

* * *

И возвращается веттер на доннер...

* * *

Придёт какой-нибудь Ионадав, эдакий Козолуп – и кирдык раскидистой Ниневи!

Исчезнут целовальники, вот что жалко. Канут корчмари, прокричит печально козодой.

* * *

На столе, как писал Аверченко, масса всякого съестного дрязгу.

Целовальников начальник и бутылок командир.

Водке – бой.

Бой, виски!

* * *

Перекинуться словом. А потом – хоть потоп, хоть забор подпирай.

* * *

Проза однообразная, как атака каппелевцев на апрельскую капель.

* * *

Я вообще пишу свиным пером, в которое вошли бесы.

* * *

Это тыняновское определение – «качество присутствия» – когда *тын* в прозе исчезает, забор валится – и ты видишь, осязаешь действие.

* * *

Черепашка текста везёт скорпиона надсмисла. Он готов кусать её (ради красного, красного) и утопить роман – ну и хрен с ним! Значит, рок его такой!

* * *

Былое

Русь. Суббота. Снег идёт неслышно.
Я иду из синагоги належке –
ид нарядный... Как бы шо не вышло –
большаки шалют на большаке...
А я прусь в лапсердаке –
Прямо в лапы босоте...
Младшие братцы...

* * *

Пьесопекарня, как выражался Чехов. «Бремя
русского драмописца!»

* * *

Атаман Краснов писал про Бурьянова – Ленинай есть ещё у
него такой фантастический роман «Чертополох»
[правильно: «За чертополохом» – *И.К.*]. Вот сорняки
масонские!

* * *

Я написал роман, где герой всё пытается дозвониться
любимой, но не получается – не прошёл номер! [это,
конечно, «Москва златоглавая» – *И.К.*]

* * *

Дисциплинчатые жители Заплинтусовья – шуршат,
копашатся...

* * *

Животрепещущие души! А что такое, что вас это слово из
трёх букв так волновало? Гематрия, брат! Восьмая, десятая
и пятая буква в кириллице – собрались, соображают на
троих, никого не трогают... Восемь – десять – пять...

* * *

Маразматические мемуары про битвы мамонтовцев с
неандертальцами и денисовцами. [«Денисовский человек»
занимает место между гориллой и неандертальцем – *И.К.*]

* * *

Сибирь постепенно прирастает Китаем – русскоянцзычное
пространство...

* * *

Жиды – комары ноября-декабря.

Дождь не убивает комаров (хотя средняя капля раз в сто тяжелее комара) – потому что они прилипают к капле и летят с ней, избегая удара (а у земли отлипают). Так и евреи – прилипают к идеям, народам.

* * *

Как утверждал Бродский, традиция – есть благородное имя инерции.

* * *

«Скудость мысли порождает легионы единомышленников» (С.Довлатов, «Записные книжки»).

* * *

Арч. Арч., корсар-комбриг, с балыковыми брёвнами под мышкой – это он уносит крест, рыбный символ Иешуа.

* * *

Ох, прав был Чехов – жаль, что Магомету не давали бромистого калия от нервов и не лечили от экстаза!

* * *

«Что-то, шурша, разум тревожит,
Это душа лезет из кожи»

(Владимир Петраков)

* * *

Бейлис умер, но дело его живёт.

* * *

Читая Губермана, я ежелецне вхожу во смешное, попадаю в кафкан абсурдного.

* * *

Тарас Бульба «выжег восемнадцать местечек». Святое число!

* * *

Питеркантропы и Москвапитеки.

* * *

Хорошо сказал Любавичский ребе (Менахем-Мендл Шнеерсон), подходит к сегодняшней России: «Человеку даны ключи от свободы, а он использует их, чтобы запереться».

* * *

И сидят они там, за облаками, и хряпают – и ай да сукин сын славян, и Финнеган, и ныне дикий метеорит, и друг степей Назон...

* * *

Флобер мечтал о романе без фабулы – на словах стоит.

Анатоль Франс говорил, что фразу надо долго ласкать, пока она, наконец, не улыбнётся (отсюда – у Ильфа – «поглаживая по подлежащему»).

* * *

[Несколько листочков посвящены одной теме: замыслу рассказа «Поезд» – И.К.]

– Надо достать билеты, – сказала Маша. – Попроси Бурштейна.

Гриша отмахнулся:

– Это тебе что – в консерваториях, большущий зал? Где Бурштейн и где железная дорога...

– Бурштейн может всё. Он мастак.

<.....>

– А не проще вообще самолётом? – спросила Маша.

– Туда не летают. Вернее, куда-то рядом, да, но там добираться замучаешься. На перекладных.

– Софка сказала, что тётке её в школе обещали через РОНО сделать – для вас, говорят, с вашим стажем и опытом, хоть с детьми отправим.

– Подагрическое педагогическое светило...

– Ты смеёшься, а нет бы у себя на кафедре обратиться. Ты не последний всё-таки, и публикаций больше других, сам говорил.

– Я достану билеты, – Гриша вздохнул, раздражённо хлопнул томик и подошёл к окну. За окном падал снег крупный, хлопьями. Так весь мир занесёт – и не заметишь. А всё пустые хлопоты, дурацкая дальняя дорога, предварительная беготня.

<.....>

Гриша позвонил Фильке, Павлу Петровичу: билетиков бы.

– А-а, Бора – вяло отвечал Филька. – Собрался?

Он всегда называл Гришу почему-то Бора, с усмешечкой. И объяснял ему Гриша, что Бора – это холодный ветер, нет, бессмысленно Фильке втолковывать.

– А штоб тебе, Бора, не поехать на Биру – целину осушать?

– хохотнул П.П. – Или сара не хочет?

– Два билета бы, Павел Петрович.

– Значит, абрам намылился и сара подмылась, – усмехнулся П.П. – Ладно, закину удочки.

– А когда можно перезвонить, П.П.?

– А хрен его знает, как только – так сразу.

[В конце концов, после многих усилий и уловок, герои рассказа всё-таки попадают в столь желанный для них поезд. А он идёт в Освенцим – И.К.]

* * *

Важно!!

Сюжет романа: после 17-го года большевики взяли власть (Троцкий стал всё-таки, а не Сталин) и не атеизм ввели, а – иудаизм. Своеобразная советская Хазария. И ведь пошёл на это терпеливый народ православный.

А действие такое: остались тайные «правоверы» в скитах и лесах, ведут борьбу в катакомбах столицы и на просторах сибирских. А их инквизиция ловит, жилищная инспекция.

Смысл – во время гражданской войны евреи таки создавали первые «концлагеря» и убивали православных – буржуев – офицеров. Люди всегда (если свихнутся) будут убивать людей – почитайте Ветхий Завет, говорит какой-нибудь тайный правовер, за которым гонится инспекция, – это страшное чтение, вырезают целыми городами, народами – и это не время жестокое, а – люди.

Это роман, как евреи сошли с ума.

Иллюстрация Александра Канчика к 8 главе романа Якова Шехтера «Бесы и демоны»

Яков Шехтер

ЧЕЛОВЕК НОВОМЕСЯЧЬЯ

Глава восьмая романа «Бесы и демоны»

Там, где река Курувка делает плавный изгиб, словно готовясь влиться в Вислу, широко и привольно раскинулся искусственный пруд. Из-за большой глубины вода казалась темно-фиолетовой, поэтому пруд походил на огромную чернильницу, поросшую вдоль берегов ивами и камышом. Только на мелководье, где солнечные лучи пробивали воду до самого дна, нежно зеленела молодая тина.

На берегу, поросшем высокой травой и полевыми цветами, всегда сладко и прохладно пахло, и ветерок разносил свежее дыхание водной глади на многие сажени. Не зря арендатор Берко выстроил свой дом на пригорке, с видом на пруд.

На противоположном берегу белела могила старого пана Крашницкого, владельца окрестных земель. Пан с юности питал слабость к шампанскому, с годами перешел на коньяк, и лет десять назад, допившись до чертиков, полез спасаться от них в пруд. На столе в его кабинете обнаружили завещание: хочу лежать здесь, назло всем бесам. Так его и похоронили, недалеко от берега, рядом с плакучей ивой.

В смерти пана Крашницкого был виноват арендатор Берко. Именно он запрудил Курувку и, отведя рукав, затопил лощину, создав злосчастный пруд. Намерения у Берко были самые лучшие – кому могло прийти в голову, будто вместе с прудом сооружают и могилу старому пану?

А пруд получился знатный: от берега до берега почти двести сажений, в длину чуть ли не тысяча, а глубина саже-

ней двадцать. В глубокую, прохладную воду арендатор выпустил зеркальных карпов, и они так расплодились, что по осени обозы с рыбой из поместья Крашницкого стали доходить до самого Люблина. Пан получал от пруда хороший доход, и никто не мог предположить, будто он послужит причиной его преждевременной гибели. Впрочем, знающие люди утверждали, что пан и так бы сгинул от белых чертиков, если не в пруду, так в другом месте.

От пруда всегда веяло прохладой, и Берко, строя дом, так расположил окна, что его продувало насквозь, принося немалое облегчение в жаркие дни. Этот дом вызвал немало нареканий, и среди евреев и у поляков.

– Не дом, а хоромы, – повторяли злые языки, – пану пристало тут жить, а не арендатору!

Но Берко не обращал на пересуды ни малейшего внимания. Он двадцать лет прослужил арендатором у старого Крашницкого и уже десять лет управлял имением от имени молодого пана Тадеуша. Берко так привык командовать и распоряжаться, что иногда ему казалось, будто это его поместье, его угодья, его пруд, его деньги. Окрестные крестьяне за глаза величали его всемогущим арендатором, это прозвище, разумеется, докатилось до его слуха и немало льстило самолюбию.

Он и вправду трясся над панским добром, точно над своим собственным. Поместье Крашницких, когда Берко взялся за него тридцать лет назад, было не из больших и вовсе не из богатых. Возможно, именно поэтому оно и попало в руки молодого арендатора. А Берко, за долгие годы неустанного труда и бесконечных выдумок, превратил его в золотое дно!

Чего он только не придумывал! Вокруг дома посадил липы, выкопал и привез большие деревья, и спустя год пустырь покрылся узорчатой, играющей тенью листвы. Никто не мог понять, зачем Берко понадобилась эта блажь, пока он не завел пасеку. Пчелы стали собирать пыльцу с цветущих лип, и через три года мед разливали уже бочонками. И какой: чистый, пахучий, сладкий, аж скулы сводило! Не мед, а чистое золото! Покатились, застучали

пошлаху колеса телег в Люблин на ярмарку, а обратно потекли в панский карман золотые монеты.

Возвел греблю, на ней соорудил мельницу, сбросил цену за помол, и со всей округи потянулись телеги, полные нагретого солнцем зерна. Мельница работала круглосуточно, и серебряный поток муки, не останавливаясь, струился в мешки.

– Не мука, а чистое серебро, – повторял Берко, подсчитывая выручку.

Вдоль Курувки тянулись заливные луга, поросшие светло-зеленой травой. Пологие холмы Галиции прятали их в своих ладонях, и когда выпадало жаркое лето, гречиха и кашка поднимались выше пояса. Берко построил коровник, завез голландских симменталок, начал косить сено на лугах и заготавливать его впрок. Сытые коровы стали доиться, хоть молоко выливай. Пришлось пристроить маслобойню и варить сыр.

Завел Берко и овец, отгрохал громадную овчарню, и повез на рынок шерсть и парную баранину. Все, к чему бы ни прикоснулись его руки, превращалось в золото.

И дочка у него получилась чистое золото, не зря Златой назвали. Красавица и праведница. С раннего детства мечтала выйти замуж за мудреца Торы и стать табуреткой, на которую он ставит ноги во время учения Талмуда. Вы спрашиваете, как рождаются такие девушки, откуда им на ум приходят подобные мысли? Даже не спрашивайте, существуют вопросы, на которые нет ответа. Иногда спускаются с Небес высокие души, одни воплощаются в мужское тело и становятся праведниками. А другие оказываются в женском

Сам Берко не был большим знатоком учения. Правда, после хейдера он провел три года в ешиве, где учителя хвалили его за светлую голову и прекрасную память, но книжная жизнь ему не понравилась. Берко был человеком действий, а в ешиве поступком считался доскональный разбор сложного комментария. Нет, он ничего не имел против мудрецов Торы и даже соглашался поддерживать их деньгами, в разумных, разумеется, пределах, но зять ему

был нужен иного склада. С дочкой Берко не спорил, а просто пропускал мимо ушей ее мечты.

Злата расцветала с каждым днем. Сваты Курува чуть ли не дрались между собой за право представить Берко претендентов на ее руку. Еще бы, не каждый день попадается богатая невеста, по-настоящему красивая, и без позы праведная. Ждали, пока ей исполнится шестнадцать лет, ведь отец заранее объявил, что расстанется с дочкой не раньше, чем через четыре года после ее бат-мицвы.

Мать Златы умерла очень рано, успев родить только одного ребенка. На похоронах любимой жены Берко поклялся, что в его жизни больше не будет ни одной женщины. И хоть раввины объясняли, что он поступает неверно, и что еврейский закон не поощряет аскетизм, и для благополучия его и Златы, он обязан жениться, причем как можно скорее, Берко сдержал слово. А чтобы большой дом на пригорке возле пруда дом не пустовал, он пригласил свою многодетную вдовую сестру, и Злата выросла в обществе целой оравы двоюродных братиков и сестричек.

Однажды вечером Берко вышел прогуляться на берег пруда. День выдался душным, и набегавшийся с утра арендатор захотел подышать свежим воздухом. От воды шла прохлада, ночной ветерок приятно обдувал лицо. Пользуясь тем, что в темноте его никто не видит, Берко расстегнул рубаху и подставил ветерку вспотевшую грудь.

По наружности арендатор был рослым мужчиной, плотное, полное лицо, обросшее начинавшей седеть бородой часто носило высокомерное выражение. Одевался он дорого и ходил враскачку, слегка выворачивая ноги, как ходят решительные, деятельные люди.

Прогулка доставляла ему необычайное удовольствие, и, сам того не заметив, он обогнул пруд и оказался возле могилы старого пана. Не иначе, как черт его туда заманил.

На могиле сидел теленок, луна сверкала и переливалась в его глазах. Теленок жалобно мычал, пытаясь подняться, его ноги дрожали и подкашивались.

– Зачем ты сбежал из коровника, голубчик? – укоризненно произнес рачительный Берко, поднимая теленка. – Пойдем, дружок, я верну тебя в ясли.

Не успел он и трех шагов ступить, как луна зашла тучу, теленок громко замычал и вдруг произнес человеческим голосом.

– Давай дружить, Берко.

Арендатор от изумления замер, как столб, а теленок продолжил.

– Я выполню все твои желания. Только отпусти меня.

Берко изо всех сил ударил его кулаком по голове и швырнул в пруд. Он уже понял, кого взял на руки, и хотел дать деру, но ноги словно приклеились к земле. А теленок, вместо того, чтобы утонуть, спокойно выбрался на берег и сказал Берко.

– За то, что ты с пренебрежением отнесся к моим словам, ждет тебя большое пренебрежение. А за то, что ударил, получишь удар.

Замычал и скрылся в темноте.

Берко долго не мог прийти в себя. Очнувшись, он решил никому про теленка не рассказывать.

«Люди решат, что я рехнулся, – думал он. – А с сумасшедшим нельзя ни торговать, ни совершать сделки. Если бы мне рассказали такое про одного из моих компаньонов, я бы срочно свернул все общие дела. Поэтому надо молчать. Никто не должен знать о случившемся, ни сестра, ни дочь. Женщины легкомысленны, промолчат сегодня, проболтаются завтра, а слух не поймаешь, не посадишь в клетку. От дурной молвы нет спасения».

Если раньше Берко пропускал мимо ушей разговоры Златы о праведном женихе, то после случая с теленком стал думать по-другому. Мудрец Торы, понимающий в тайном знании, очень бы пригодился в хозяйстве для защиты от происков нечистой силы.

Как торговец, Берко хорошо знал, как устроен рынок. Выбирать хороший товар можно лишь на основе своих знаний и собственного опыта. Если полагаться на

рекомендации продавцов, обязательно попадешь впросак. Поэтому жениха он решил экзаменовать лично.

Первым делом Берко отправился в Краков и провел две недели в обществе весьма уважаемого раввина. Тряхнув стариной, арендатор уселся за книги, словно много лет назад. Сейчас ему было проще, сейчас у него была совершенно определенная цель. Но вот почему уважаемый раввин решился уделить так много времени арендатору, лучше не спрашивать. Возможно, он благополучно разглядел в нем искреннее желание приблизиться к вере, а возможно, поверил в обещание арендатора приблизить его к желанному благополучию.

В поместье Берко вернулся вооруженный всеми необходимыми инструментами, позвал дочь и за каким-то пустячным разговором внимательно ее рассмотрел. Злате шел шестнадцатый год, и на привередливый вкус она была скорее привлекательной, чем красавицей, но грациозность движений, глубокие синие глаза и уложенные на лбу завитки иссиня-черных волос делали ее неотразимой.

«Вполне можно затевать чехарду со сватами, – решил Берко и тем же вечером написал письмо самому старшему из сватов Курува, реб Йослу. И завертелась, закружилась праздничная карусель женихов.

Берко поставил условие: прежде, чем парень будет допущен до встречи со Златой, он должен поговорить с ним. Условие полностью в рамках процесса жениховства, никто не мог предположить, будто под невинной вывеской «поговорить» скрывается многочасовой экзамен.

Увы, ни одному из кандидатов так и не удалось познакомиться со Златой. Все до одного были безжалостно забракованы привередливым Берко.

Никто ведь не знал, что причиной для его дотошных придинок была не вредность характера, а страх перед нечистой силой. Арендатору требовался настоящий мудрец, который сумеет отыскать, как защитить его и семью. Поэтому вопросы были серьезными.

– Сколько раз закон в Талмуде устанавливается по мнению Реш-Лакиша, а не рабби Йоханана? – спрашивал

Берко. И если жених отвечал, что шесть, ему тут же предлагали перечислить эти законы. На этом вопросе заканчивали свое жениховство почти все парни. Тех же, кто мог их перечислить эти законы, Берко валил наземь требованием подробного разбора всех приведенных случаев.

Ребят, которые преодолевали и этот барьер, арендатор спрашивал о 14 законах, установленных совместно школой Шамая и Гилеля. Законы эти давно уже не применяются, и знать их может только подлинный знаток, человек, обладающий феноменальной памятью. Но такие ребята не приходили сватать дочь арендатора, подлинные знатоки хотели жениться на девушке из семьи мудреца Торы.

Сваты, поначалу заискивающие перед богачом, понемногу стали переполняться раздражением, перераставшим в открытый гнев. Дело было даже не в упущенном заработке, а в том, что Берко сделал из них идиотов, людей, не умеющих сладить дело. Один из сватов, человек недалекий и недостойный, в запале решил отомстить заносчивому арендатору.

– Я сделаю так, – пообещал он самому себе, – что эта богатая красотка, эта жеманная праведница, не только не получит мудреца, а вообще не сумеет выйти замуж.

Подлость отличается от доброго поступка тем, что ее куда проще совершить. Осторожно, избегая прямых высказываний, сват сумел пустить слух, будто красавица Злата закрутила роман с молодым Крашницким, и делобудто бы уже дошло до разговоров о крещении и свадьбе в костеле.

Кто-то не верил, а кто-то понимающе хмыкал:

– Ну-ну, не зря Берко давно считает поместье своей собственностью, вот и решил окончательно наложить на него лапу.

Многие возмущались распространению столь оскорбительного и ничем не обоснованного слуха, но чем сильнее они возмущались, тем шире разлеталась весть. Очень быстро во всем Курувском повяте не осталось ушей, в которые не успели бы залить яд клеветы.

И сработало. Предложения от сватов резко пошли на убыль, и вскоре исчезли совсем. И даже если появлялся в Куруве сват из другого города и начинал выяснять, как обстоят дела у первой невесты повята, после многозначительных поднятых бровей и нескольких быстрым шепотом произнесенных фраз, навсегда вычеркивал Злату из своего списка.

С кем только ни говорил Берко, к кому ни обращался! Ребе Михл посвятил Злате целую проповедь, укоряя тех, кто верит беспочвенным слухам, отравляя жизнь невинной девушке. Прихожане сочувственно покивали, но женихи от этого у Златы не появились.

Речь шла, разумеется, о достойных парнях. На богатое приданое, словно мухи на мед, со всей Польши слетались в Курув авантюристы и шарлатаны. Большая часть из них не удостоивалась даже разговора с Берко; окинув очередного проходимца беглым взглядом, арендатор сразу указывал ему на порог.

Прошли годы. И неважно, что ни о каком крещении речь никогда не шла, и что пан Тадеуш давно женился на графине и переехал жить в Варшаву, пятно осталось пятном, и Злата продолжала ждать и молиться.

– Написано в Писании, – часто повторял теперь Берко, – что евреи жестоковыйный народ. Но я и представить себе не мог, насколько. О-хо-хо, не мог даже представить...

В день своего тридцатилетия Злата свалилась в горячке. Берко не сомневался, что причиной болезни является несчастная судьба его любимой дочери. Десять лет ожидания и молитв кого угодно доведут до болезни.

Доктор Красовицкий произвел всестороннее и доскональнейшее обследование и пришел к примерно такому же заключению.

– Обширное воспаление нервной системы. Когда больная поправится, свозите ее в Крыницу. Пусть подышит горным воздухом, попьет минеральной воды, сменит обстановку. А пока рекомендую постельный режим, легкое питание, обильный сон и, главное, всегда открытое окно в комнате.

Разумеется, все указания Красовицкого были выполнены самым тщательным образом, но дни шли за днями, а облегчения не наступало. Кто-то посоветовал Берко пригласить Рамбама, реб Аврума-книжника, знавшего наизусть многотомные труды Маймонида и способного цитировать их с любого места. Рамбамом его прозвали потому, что великий законоучитель был для реб Аврума главным авторитетом во всех областях жизни.

– Мойше бен Маймон был не только мудрецом и философом, – сказали Берко знающие люди, – но знаменитым врачом. Пусть наш Рамбам поищет в его книгах совета, как вылечить твою дочь.

На следующий день Берко отправился в Курув за реб Аврумом. Уговорить его не составило труда, ведь у арендатора были в руках весомые, желтого цвета средства убеждения. По дороге в поместье Берко расчувствовался и рассказал то, о чем молчал много лет.

Густое, мутное небо висело над дорогой. По небу гулял ветер, разгоняя кучерявые, похожие на барашков, облака. Стояли последние дни лета, или первые дни осени, странная пора, когда листья на деревьях уже начинают желтеть, но днем еще жарко, и только пронзительная утренняя свежесть напоминает, что зима не за горами.

– Черти не существуют, – сухо произнес реб Аврум. – Если Рамбам в них не верил, значит, их нет.

– Как такое может быть? – удивился Берко. – Каждая польская старуха видит чертей по три раза в день.

– Нам часто мерещится то, что мы хотим увидеть.

– Но мне то не примерещилось? – вскричал Берко. – И я вовсе не хотел знаться с чертями!

– Давай наведем порядок, – поморщился Рамбам. – Люди часто называют одни и теми же словами совершенно разные явления, а потом успешно запутываются в собственных определениях. Итак, мы говорим о чертях, бесах и демонах, не так ли?

– Так, именно так! – ответил Берко.

– Черти – это нееврейское слово и нееврейское понятие. Что имели в виду иноверцы, сочиняя сказки про рогатых и

хвостатых - я не знаю, сие мне неведомо и неинтересно. Согласно нашей традиции, существуют бесы-рухот и демоны-шейдим. Бесы - это человеческие души, не находящие упокоения за грехи. Они мечутся по миру, отбывая наказание. Демоны – это духовные сущности, созданные Всевышним для испытания рода людского. Так сказать, ангелы со знаком минус, верные слуги Создателя, рьяно исполняющие свою работу. Они во многом похожи на людей, только лишены постоянного физического тела.

– Так то была душа покойного пана Крашницкого? – в изумлении воскликнул Берко.

– Может быть. А может, и нет. Я не знаю. Со всем этим надо как следует разобраться.

– Ну как с этим разобраться, столько лет прошло!

– Время существует только в нашем мире, – ответил Рамбам. – Там, где находятся духовные сущности, твой разговор у могилы произошел только что. Вернее, он длится до сих пор.

– Это демон! – с уверенностью произнес Берко. – Все, что он мне предсказал, сбылось. Обещал большое пренебрежение, и получила его моя девочка и я вместе с ней. Натерпелись позора и пренебрежения со стороны сватов и женихов, больше некуда. А удара я ждал все эти годы, и вот, тоже свершилось.

– Может, да, а может, и нет, – уклончиво произнес Рамбам. – Сперва надо хорошенько разобраться, а пока не спешить с выводами.

– Разве это называется спешить! Десять лет страданий за спиной, целая жизнь, лучшие годы моей дочери!

– Еще несколько часов ничего не изменят, – ответил Рамбам и отвернулся, дав понять, что не намерен продолжить разговор.

«Разобраться за несколько часов? – подумал Берко, озирая проплывающие мимо скошенные поля. – Это самоуверенность или понимание своих возможностей? Ну, дай-то Бог, может, наконец, закончится мой и Златы позор. Ах, почему я не обратился к нему раньше?»

– Прежде, чем ты покажешь мне больную, – предупредил Рамбам, когда на взгорке показались хоромы арендатора, – я хочу осмотреть дом и места, где бывает твоя дочь. Насколько мне известно, в последнее время Злата не покидала поместья?

– И в последнее и не в последнее, – грустно произнес Берко. – Она у меня затворница, вообще никуда отсюда не выезжает. Только на праздники в Курув, молиться в синагоге у ребе Михла. А так все время дома и дома. Разве иногда выйдет из своей комнаты, пройдет по поместью, и обратно. Бедная девочка... за что ей Всевышний послал такую беду?

– Беду или благословение, – повторил Рамбам, – тут надо разобраться.

Дом осмотрели быстро, реб Аврум нигде не задерживался и не задавал вопросов. Вопросы начались, когда Берко принялся показывать поместье и приусадебное хозяйство. Тут Рамбам проявил недюжинный интерес и немалые познания, никак не вяжущиеся с репутацией книжного червя.

– Откуда ты все это знаешь? – удивился Берко, и реб Аврум объяснил:

– Из книг Маймонида. В них весь мир, устройство небес и тайны земли. И, разумеется, правила ухода за животными и обработки угодий.

Особой гордостью Берко был коровник. Он перестраивал его чуть ли не каждый год; от первого здания, походившего на большой сарай, давно не осталось и следа. Многие жители Курува были бы счастливы променять свои убогие жилища на хоромы, в которых симменталки наслаждались теплом, простором, светом и обильным кормом. Не зря ведь молока они давали в три-четыре раза больше, чем телки в польских деревнях.

– Вот это Гандзя, – Берко нежно погладил морду огромной черно-белой симменталки, занимающей стойло, в которое свободно бы поместились две коровы нормальных размеров. – Просто чудо какое-то! Мы не успеваем ее доить.

Корова приподняла голову и басовито замычала. Ее огромные с поволокой глаза смотрели прямо на Берко. Рамбам протянул руку и прикоснулся к блестящей шерсти между рогами.

– Ого, какая гладкая. Вы что, ее вычесываете?

– Гандзю все любят, – ответил Берко. – Любят и балуют. И она отвечает нам благодарностью. Мне иногда кажется, что эта корова понимает больше, чем обыкновенное домашнее животное. Потому и дали ей имя человеческое.

– Может быть, может быть, – задумчиво произнес Рамбам.

Осмотр заканчивали перед самым закатом. Бренча колокольчиками, в поместье возвращалось с выгона большое стадо. Пастух Мотл, с длинным кнутом через плечо и надвинутой на самые глаза шапке, шел позади. Лоснящиеся коровы сами знали дорогу к загону, и выступали не спеша, степенно помахивая хвостами.

– Ого, – бросил Рамбам, – да тут у тебя человек новомесячья!

Берко сразу понял, на что намекает реб Аврум, и кивнул, соглашаясь с его словами. Чувство гордости сладко щекотнуло его самолюбие, но он тут же отогнал его в сторону.

Несколько лет назад в поместье забрел странствующий проповедник, магид. Магиды бродили от местечка к местечку и зарабатывали на пропитание, выступая в синагогах. Они были одним из немногих развлечений, умея говорить, и выбирая острые темы, магиды доводили женщин до слез, а мужчин до раскаяния. С тех пор, как арендатор почти перестал появляться в Куруве, обидевшись на подлые слухи о Злате, магиды стали приходить к нему в поместье, и выступать лично для Берко и его семьи. Тот платил щедро, но требовал только одного: никаких рассказов об ужасах предстоящего наказания за грехи.

О, муки ада были главной темой проповедей у большинства магидов, их коньком, любимой лошадкой. Они так умели расписать мучения души, привести столь животрепещущие подробности, что с женской половиной

синагоги то и дело слышались глухие удары: сраженные красноречием дамы без чувств падали на пол. Но синяки быстро проходили, и те самые дамы, которые в беспамяත්стве валялись на полу, первыми являлись в синагогу на проповедь следующего магида.

Берко считал, что его дочка получает муки ада авансом уже в земной жизни, и поэтому магидам приходилось расседлывать любимого конька и выводить из стойла более спокойных домашних животных.

Несколько месяцев назад один из магидов рассказывал арендатору и его семье про Виленского Гаона. Много удивительных историй об этом праведнике поведал магид, большинство Берко пропустил мимо ушей, но кое-какие запомнил. В одной из них шла речь о еврее, родившемся в рош-ходеш, новомесяче.

– Если душа приходит в мир, когда в нем не светит луна, – утверждал Гаон, – она всю жизнь страдает от ощущения недостачи. Душа объясняет это собственной неполноценностью, и это толкает ее на постоянные поиски. Не понимая, что искать, душа, тем не менее, хочет восполнить недостающее, достигнуть цельности. Поэтому люди, рожденные в новомесяче, маются беспокойством, они все время в движении, в непрестанном поиске непонятно чего.

«Не иначе наш пастух, – решил Берко, – именно такая душа. Неприкаянная заставляет его целыми днями переходить со стадом с места на места. Вся его работа – непрестанное движение – поэтому он ее и выбрал».

Польщенный собственной прозорливостью, умением сходу понять намек такого мудреца, как реб Аврум, Берко с особенной теплотой поздоровался с пастухом Мотлом. Но тот, по своему обыкновению, буркнул что-то неразборчивое, и пошел за стадом.

Наконец пришел черед осмотреть больную. Злата полулежала в глубоком кресле, бледная, с опущенными веками. На звук шагов она приоткрыла глаза, и, увидев Рамбама, попыталась сесть.

– Лежи, лежи дочка, – остановил ее реб Аврум. – Мы на минутку.

Он два раза обошел кресло и, не задавая вопросов, направился к выходу. Удивленный Берко последовал за ним. Он был уверен, что Рамбам начнет расспрашивать Злату о самочувствии, пытаться понять течение болезни, чтобы установить ее причину. Вместо всего этого реб Аврум вышел в другую комнату, сел на стул и приглашающим жестом, будто он тут хозяин, указал Берко на соседний стул.

– Написано в святых псалмах, – начал Рамбам негромким голосом, – великие чудеса совершил для нас Господь, и мы радуемся.

Он окинул собеседника строгим взглядом меламеда в хейдере, спрашивающего дневной урок с бестолкового ученика, и продолжил.

– Скрытая традиция трактует эту фразу иным образом: мы радуемся, и Господь совершает для нас великие чудеса. То есть, человека, пребывающего в радости, Всевышний оделяет своей благосклонностью. Рамбам пишет, что пророки древности, когда хотели удостоиться откровения, принимались играть на музыкальных инструментах и петь. Все понятно?

– Ничего не понятно, – эхом отозвался Берко. – При чем тут пророки и музыкальные инструменты?

Реб Аврум досадливо поморщился, словно сетуя на непонятливость арендатора.

– Я предлагаю следующий способ лечения, – произнес он, медленно выговаривая каждое слово, и Берко действительно ощутил себя мальчишкой в хейдере, опять не выучившим урок, а Рамбама - строгим меламедом, дающего взбучку шаловливому проказнику.

– Когда больной оправляется от тяжелой болезни принято устраивать благодарственную трапезу, не так ли?

– Так, – с облегчением подтвердил Берко. С трапезой, неважно по какому поводу, он всегда был согласен.

– Давай устроим пиршество в честь выздоровления Златы. Пригласим гостей, музыкантов, сделаем много

радости людям. И в заслугу этой радости Всевышний исцелит твою дочь.

Берко согласился в то же мгновение. Что такое благодарственная трапеза? Только деньги, причем не такие уж большие, а он был отдать что угодно на свете, лишь бы его ласточка, его любимая дочь пошла на поправку. Распоряжения он принялся отдавать немедленно, но сама подготовка, разумеется, должна была начаться лишь завтра с утра.

Внезапно пошел крупный дождь. Он весело застучал по оконным стеклам, забарабанил по крыше. Поднялся ветер, зашумели, застонали липы, зашуршали уже пожелтевшие, но еще крепко сидящие на ветках листья. Никто еще не успел понять, что это осень властно вступает в свои права.

Берко проснулся посреди ночи от нахлынувшей на него радости. Он уже знал, что иногда так бывает, когда без всякого повода, от крика сойки или запаха палой листвы, сердце заходится в порыве беспричинного счастья.

– Наверное, Рамбам прав, – тихонько прошептал Берко улыбающимися губами. – Злата выздоровеет, да, обязательно выздоровеет!

Ветер по-прежнему шумел кронами лип, низко висящие над горизонтом зеленые звезды заглядывали в окно, терпеливо дожидаясь зари.

Берко снова заснул, а когда открыл глаза, комнату наполнял желтый свет. Не понимая, что происходит, он быстро омыл руки, вскочил с постели и подошел к окну. Ночной ветер полностью оголил липы, они стояли, покачивая черными ветками, а все вокруг было застелено золотым ковром листвы. От нее исходил теплый и ласковый свет, подобный неяркому сиянию субботних свечей.

После молитвы и завтрака Рамбам уселся в углу гостиной с книгой в руках, а Берко вместе с помощниками стал готовить ее к приему гостей. Предстояло расставить столы во всю длину большой комнаты, а для этого передвинуть мебель. Когда тащили увесистую конторскую стойку из светлого полированного орешника, дверца распахнулась, и бумаги водопадом заструились на пол. Деревянная

шкатулка упала возле ног Рамбама и, раскрывшись от удара, бесстыдно выставила наружу свое содержимое: пожелтевшие от времени документы, напоминавшие застиранное нижнее белье.

Рамбам наклонился, поднял шкатулку и поставил на стол.

– Что это? – спросил он Берко.

– А, ерунда, – махнул рукой арендатор, раздосадованный на то, что тщательно соблюдаемый им порядок в конторке полностью развалился. – От отца досталось. Он тоже был арендатором, тут древние закладные, долговые расписки и прочий тридцатилетней давности хлам. Я их храню как память.

– О, старые бумаги, – уважительно произнес Рамбам. – Я люблю старые бумаги. Можно посмотреть?

– Конечно, смотри, смотри, – буркнул Берко и занялся сбором и сортировкой документов, беспорядочно разлетевшихся по полу.

Трапезу приготовили быстро - хвала Создателю, в поместье всего хватало, и на следующий день Берко отправил в Курув подводу, привезти тех евреев, с которыми он еще поддерживал дружеские отношения. Каждого, кто за прошедшие десять лет позволил себе позлословить насчет Златы и молодого Крашницкого, он просто перестал замечать.

Вторая подвода доставила музыкантов. По роскоши закусок, обилию водок, вина, наливок и громкости музыки трапеза напоминала свадьбу. И гуляли ее, как свадьбу, почти до рассвета. Бледная Злата, смущенно улыбаясь, сидела в кресле во главе стола, а гости, которым было объяснено, в чем причина веселья и для чего оно затеяно, не уставали ее поздравлять с полным выздоровлением.

Трапеза закончилась, разъехались гости, мебель вернули на свои места. Берко упросил Рамбама остаться в поместье еще на несколько дней, поглядеть, как будут разворачиваться события. Но они никак не разворачивались: Злата по-прежнему лежала в своей комнате, то и дело впадая в забытье, Берко хлопотал по хозяйству, его сестра занималась домом. От большого

семейства, когда-то наполнявшего хоромы гомоном и криком, никого не осталось. Племянники и племянницы обзавелись семьями, и благодаря щедрой помощи Берко перебрались в собственные дома: кто в Курув, кто в Пулавы, а кто и в Люблин.

Вечером второго дня после завершения трапезы, усталый Берко сидел в гостиной, перебирая в уме дела на завтра. Рамбам, молчавший эти два дня, вдруг произнес, указавшая на лежавшую перед ним потертую бумагу.

– Гляди, что я обнаружил. Долговая расписка от некоего Боруха, портного из Млынки. Судя по всему, твой отец так и не получил свои деньги. А сумма, между прочим, немалая.

– Ну и что, – пожал плечами Берко. – Разве можно теперь установить, кто этот Борух, жив ли он, остались ли у него наследники? Это долговое обязательство сегодня не стоит ни гроша.

– Неоплаченный долг остается неоплаченным долгом, – заметил Рамбам. – Пока ты его не отменишь, Борух или его наследники твои должники.

– Какие еще наследники, – усмехнулся Берко. – А Борух наверняка в будущем мире и ему нет дела до невыплаченного долга.

– Как знать, как знать, – произнес Рамбам. – Но если ты действительно так считаешь, то почему бы тебе не отменить это долговое обязательство?

Берко удивленно взглянул на Рамбама.

– Ну, если предположить, что в этом есть хоть какой-то смысл, я прощаю этот долг.

– Замечательно! – воскликнул Рамбам. – А теперь, в знак подтверждения своих слов, разорви расписку.

– Ну, если ты так говоришь, – усмехнулся Берко, взял со стола расписку и разорвал ее на три части.

– Будет правильно, – добавил Рамбам, – если ты сожжешь эти клочки.

Он указал на дверцу топившейся печи. Берко опять улыбнулся, собрал клочки, подошел к печке и бросил их в поддувало. Пересушенная бумага вспыхнула в одно мгновение, за секунду превратившись в пепел.

– Спокойной ночи, – сказал Рамбам, встал и ушел в отведенную ему комнату. Берко еще долго сидел, соображая, с какого из срочных дел начать следующий день.

Он встал рано, помолился у себя в комнате и вышел в гостиную, где на столе его уже ждал завтрак. Злата стояла, опершись о конторку, и поджидала его.

– Папа, – сказала она слабым, но совершенно нормальным голосом. – Пойдем, погуляем. Я так люблю бродить по опавшей листве.

Не веря своим ушам Берко, задыхаясь от счастья, подал дочери накидку, и они вместе спустились с крыльца. На последней ступеньке Злата пошатнулась, едва не упав, и Берко был вынужден взять ее под руку.

Он давно перестал прикасаться к дочери. С тех самых пор, когда она из угловатой девочки превратилась в расцветающую юницу. Первое время Берко очень не хватало ее объятий, Злата с разбегу взбиралась на отца, как белка на дерево, крепко обнимала за шею и опускала голову ему на плечо. И не было ничего слаще для отцовского сердца, чем эти маленькие ручки, сжимавшие его шею, и тихонькое сопение маленького носика.

А субботние прогулки вокруг пруда! Злата вкладывала свою мягкую ладошку с тонкими пальчиками в руку Берко, и он рассказывал ей истории из Агады, а потом, когда истории закончились, начал придумывать сам.

Это счастье давно закончилось, ведь с девушкой полагается вести себя по-другому, чем с девочкой, но он потихоньку привык. И вот сейчас, медленно вышагивая по шуршащему золоту, он вспоминал ушедшие годы и снова задышался от счастья.

– Папа, почему ты плачешь? – спросила Злата. – Все уже хорошо, я выздоровела.

– Это от радости, дочка, – ответил Берко, не утирая слез.
– Только от радости.

Они обогнули пруд и двинулись обратно к дому. Стоял осенний галицийский день, еще теплый, но с прохладным ветерком. Солнце светило сквозь промокшие за ночь липы, с гребли на Курuve доносился мерный шум воды. Дикае утки,

осторожно озираясь, выплывали на середину пруда. Свежий, сырой воздух, наполненный пряным ароматом опавшей листвы, бодрил лучше любого лекарства.

Завтракали вместе. Злата клевала понемножку, точно птичка, но эта уже была совершенно нормальная еда, ведь еще вчера ее приходилось кормить с ложечки куриным бульоном.

Счастливым и бодрый, Берко с головой окунулся в привычный мир хозяйственных забот. К сожалению, день начался с неприятной новости, умерла Гандзя. Внезапно, без каких либо предварительных симптомов. Вчера еще она доилась, как обычно, с аппетитом ела, а утром ее нашли мертвой в своем стойле. Но даже это не смогло испортить прекрасного настроения Берко. Конечно, он весьма огорчился, узнав о смерти своей любимицы, но главное, самое главное в жизни, было с ним. Тусклое золото листьев, шуршащих под ногами у него и у Златы, освещало весь его день ровным светом, и от этого света такое же ровное, уверенное счастье наполняло душу теплом и радостью.

Вернувшись на обед, Берко застал Рамбама, собирающего вещи.

– Завтра с утра я тебя отвезу в Курув, – пообещал он. – А сейчас давай пообедаем вместе.

Омыли руки, сели за стол, стали не спеша хлебать наваристый бульон из глубоких мисок.

– Не могут демоны простить выздоровления Златы, – сказал Берко, откладывая в сторону ложку. – Не могут просто так оставить мой дом.

– Почему ты решил, что это демоны? – спросил Рамбам, тоже откладывая ложку.

– Гандзя моя пала. Вчера еще давала три ведра молока, а утром нашли в стойле дохлой.

– Демоны здесь не при чем, – негромко произнес Рамбам.

– А кто же при чем? – вскинулся Берко. – Первый раз у меня корова дохнет без всяких видимых причин!

– Ты прав, причины действительно невидимые. Если хочешь, я могу объяснить, в чем тут дело.

– Еще бы, конечно, хочу!

– Вчера ты разорвал и сжег расписку. Знай же, что душа должника не могла найти упокоения, на небесах ее не хотели никуда продвигать, пока долг не будет оплачен. Детей на земле у этой души не осталось, расплатиться с тобой было некому. Тогда она попыталась поговорить с тобой, вселившись в теленка. Не получилось. Поэтому ей пришлось оказаться в теле огромной коровы, чтобы вернуть долг через необычные удои. Правда, сумма долга весьма велика, и чтобы полностью расплатиться, душе должника надо было маяться в коровьей туше еще много лет. Уничтожив расписку, ты отменил долг, и душа ушла, в качестве благодарности прихватив с собой болезнь Златы.

– Так вот оно что, – пробормотал Берко, мгновенно поверив каждому слову Рамбама. – Но разве болезнь не демоны на мою девочку напустили?

– Думаю, что нет. Не нужно все на свете объяснять с помощью нечистой силы. Злата заболела от горя и отчаяния, ей давно пора замуж, а ты все тянешь и тянешь с выбором жениха.

– Я тяну? – изумился Берко, прикладывая руки к груди. – Да за последние годы у нас не было ни одного достойного предложения! К кому я только не обращался в Куруве и в Кракове, даже писал сватам в Люблин, Варшаву, Познань! Никакого толку, словно какой-то демон заговорил мою дочку.

– Зачем искать так далеко, – пожал плечами Рамбам. – Рядом с вами есть вполне достойный жених. Более, чем достойный.

– Рядом со мной, – выпучил глаза арендатор. – Ни в моем поместье, ни на двадцать верст вокруг нет ни одного человека, изучающего Тору. Кто же он, назови имя?!

– А вот это ты должен сообразить сам, – ответил Рамбам и взялся за ложку, давая понять, что тема исчерпана.

На следующий день, возвращаясь из Курува, Берко перебирал поименно всех евреев, обитателей поместья и живших в окрестных деревнях. Ни один, да-да, ни один даже близко не годился его Злате! Ладно, мечту о молодом ученом, будущем раввине, знатоке Торы, он уже давно сначала заснул в дальний ящик памяти, а потом постарался

вообще выкинуть из головы. Но Злата не сможет жить с невеждой!

После объяснения Рамбама выходило, что и ему не нужен ученый зять, умеющий бороться с демонами. Он сам придумал всю эту галиматью, и вместо того, чтобы обратиться к сведущим людям, нагородил ерунды.

«Это я, – горько корил себя Берко, – да-да, я, своими придирками, своими дурацкими требованиями разогнал женихов, поспорил со сватами и отобрал счастье у любимой дочери!»

И когда вдалеке замаячила высокая крыша его хором, Берко решил:

– Все, хватит, будь, что будет, но первый же нормальный парень, который захочет жениться на Злате, получит мое согласие!

Войдя в дом, он с порога направился к конторке и тут же написал письмо реб Йослу, самому старому из всех курувских сватов.

– Я снимаю все свои предыдущие требования, и обещаю не экзаменовывать кандидата – строчил Берко, нервно разбрызгивая чернила. – Я прошу только об одном, чтобы это был порядочный еврейский парень, хоть немного понимающий в учении. Если он сумеет отличить Раши от Тойсфойс, я немедленно соглашусь на брак!

Письмо он не доверил почте, а отправил со специальным посланцем. Тот вернулся на следующий день и привез ответ. Прочитал его, Берко широко открыл рот и сел на скамью, поглаживая подкосившиеся ноги.

– Уважаемый реб Берко, – значилось в письме. – К сожалению, за последние несколько лет не нашлось ни одного парня, пожелавшего связать судьбу с вашей дочерью. Справедливо это или не справедливо, правильно или неправильно, мы обсуждать не будем. Но я не могу не поставить вас в известность, хотя, вне всяких сомнений, вы и без меня достаточно осведомлены, поскольку обращались и к другим сватам.

Я напоминаю вам про сие печальное обстоятельство не ради того, чтобы доставить лишнее огорчение. Дело в том,

что меня давно одолевает своими просьбами парень, вернее уже тридцатилетний мужчина, которому я, зная ваши требования, отказывал с порога. Но поскольку вы сообщаете, что требования отменились, я хочу его представить. Он вполне достойный человек, и вы с ним хорошо знакомы. Зовут его Мотлом, он уже много лет работает пастухом в поместье.

Я понимаю, что вам трудно даже подумать о таком зяте. Но вспомните рабби Акиву! Вы можете поселить Мотла в своем доме, нанять для него хорошего учителя, и через год-полтора он вполне сумеет поддерживать разговор за субботними трапезами. Не хотел бы вас ввергать в панику и беспокойство, но боюсь, что Мотл – последний шанс вашей дочери создать семью.

«Что же это такое? – думал Берко, поглаживая грудь, в попытке успокоить трепещущее сердце. – Чем я заслужил такое унижение? Где провинился, кого обидел? В самом страшном сне не могло привидеться выдать Злату за пастуха, дикого, неграмотного человека. То-то порадуются курувские лихоимцы, то-то почешут злые языки!»

Берко понадобилось около часа, чтобы прийти в себя. Облегчение наступило лишь после того, как он порвал письмо на мелкие клочки, сжег, а пепел выпустил в форточку.

Но чем бы он не занимался в тот день, о чем бы ни думал, письмо реб Йосла не шло у него из головы. Особенно последняя фраза. Возвращаясь мыслями в прошлое, вспоминая и оценивая множество происшедших с ним и со Златой событий, Берко все яснее и мучительней осознавал, что старый сват прав. И что он, Берко, сам загнал в позорную ловушку любимую дочь и себя вместе с ней.

На счастье нужно жениться, а с бедой достаточно переспать. Утром следующего дня предложение реб Йосла уже не вызывало у Берко трепет отторжения, а после обеда он стал размышлять, как построить разговор со Златой.

Как раз в это время прибыла телега из Курува с полушубками, шапками и рукавицами. Раз в пять-шесть лет

Берко менял всем работникам поместья верхнюю одежду, ведь зимы бывали злыми, а от больного толку куда меньше, чем от здорового.

– Привет от ребе Аврума, – сказал возчик, сгрузив товар.

– И поздравления с приближающимся новомесячем.

– Это все, что он велел передать? – с деланным безразличием поинтересовался Берко.

– Вроде все, – возчик потер затылок и на секунду призадумался. – Да, точно все.

– Ну, Рамбам, – возмущенно повторял Берко, запершись в своем кабинете. – Что за человек, этот Рамбам! Ломай из-за него голову! Слова по-простому не скажет, сплошные намеки да иносказания. Новомесячье было три дня назад! Ладно, если бы он поздравлял с прошедшим, но почему с наступающим? Что он хотел этим сказать, на что намекнуть? Поди, разберись!

Берко нервно вышагивал по комнате, то проводя кончиками пальцев по гладкой поверхности конторки, то прижимаясь лбом к оконному стеклу. А ведь совсем недавно он гордился, что сумел сразу понять намек Рамбама! Да-да, мгновенно увязал его со словами магида, изречением Виленского Гаона. О тех, кто рождается в отсутствие луны....ой-ей-ей!

Берко закутился по комнате, словно ошпаренный. Разгадка лежала прямо на поверхности, послание Рамбама было написано огромными буквами освящения Луны! Реб Аврум явно и четко указывал на Мотла, которого назвал человеком новомесячья. И поздравлял, то есть передавал свое одобрение его браку со Златой. Откуда ему это известно? А откуда ему известно все остальное?

Отбросив в сторону сомнения, Берко поспешил к дочери. Злата выслушала его и покрылась смертельной бледностью.

– Папа, неужели я так много лет молилась ради мужа-пастуха?

– Ты сделаешь из него второго рабби Акиву! – воскликнул Берко. – Уверен, Рамбам намекает именно на это.

– А если нет? – спросила Злата и залилась горячими слезами.

– Доченька, я не настаиваю, – негромко произнес Берко. – Только тебе решать.

Злата плакала всю ночь, плакала и молилась. Утром, побледневшая и осунувшаяся, она вышла к завтраку и сказала отцу всего три слова:

– Папа, я согласна.

Берко позвал Мотла на следующий день. Завел в свой кабинет и постарался завести откровенную беседу на понятные им обоим темы. Начали о хозяйстве. Пастух держался просто, но с достоинством. На вопросы отвечал односложно, словно экономя каждое слово, каждый звук. Берко впервые видел его так близко и впервые разговаривал, до сих пор всех их общение сводилось к указаниям, которые арендатор давал пастуху.

Выяснилось, что у Мотла симпатичные черты лица, приятный тембр голоса и живые, выразительные глаза.

«Да он совсем не пропащий, – думал Берко. – И действительно, может чему-то научиться».

– А почему ты хочешь жениться на моей дочери? – прямо спросил арендатор, когда все хозяйственные темы подошли к концу. Мотл посмотрел ему прямо в глаза и спокойно ответил:

– Потому, что я люблю Злату. Люблю уже много лет.

– Но еврейский брак не строится на чувствах, – возразил Берко. – Наш дом стоит на Торе и заповедях.

– Об этом не беспокойтесь, – коротко ответил Мотл.

– Ты не против немного поучиться после свадьбы? – спросил Берко. – Тебе уже будет незачем ходить целый день за коровами. Я приглашу хорошего меламеда, и вы...

– Нет нужды. Справимся сами. Давайте мне задания и проверяйте выученное.

– Хорошо, – согласился Берко.

Свадьбу назначили после Пейсаха, и так вышло, что из всех возможных дат наиболее удобной оказалось первое ияра, новомесячье. Берко усмотрел в этом еще одно подтверждение слов Рамбама и совсем успокоился. А

Злата... та молилась и постилась, почти не выходя из своей комнаты. Берко пытался ее увещать, мол, нельзя к свадьбе выплакать все глаза, невесте положено выглядеть счастливой, а не бледной и осунувшейся, но та не слушала отца.

– Если Всевышний уготовил мне такое испытание, – отвечала Злата, – оно связано с особенностями моей души, и к внешности не имеет отношения. Радоваться счастливой невесте просто. Мотл говорит, что давно любит меня, вот пусть радуется бледной и осунувшейся.

Справляли скромно. Невелика честь отдавать дочь за неграмотного пастуха. Чем меньше людей будут чесать языки, важно поясняя – я это видел своими глазами – тем спокойнее. Когда Берко сел подсчитывать, кого бы он хотел видеть на торжестве, выяснилось, что речь идет о двух десятках человек. Близкие родственники и редкие друзья, не запятнавшие уст злословием.

Хупу ставил ребе Михл. С началом церемонии тянули дольше обычного, Злата никак не могла выйти из своей комнаты. Когда встревоженный Берко все-таки решился нарушить ее уединение, он обнаружил дочь, залитую слезами.

– Не расстраивайся доченька, – тяжело вздыхая, произнес Берко. – Все обязательно наладится, вот увидишь.

– Только одно прошу я у Бога, – сдавленным голосом ответила Злата. – Если мне не выпало стать женой мудреца, пусть хотя бы мои сыновья удостоятся учиться в ешивах и пойти дорогой Торы.

– Быть по сему! – вскричал Берко. – А сейчас идем, все уже заждались.

Ребе Михл провел церемонию быстро и уверенно, а Берко, стоя рядом с женихом и невестой под балдахином, даже не успел сообразить, что большая часть его жизни навсегда отодвигается в прошлое, и с этого момента все события он будет классифицировать, как случившиеся до свадьбы Златы, или после.

Количество блюд на роскошно сервированном столе существенно превосходило количество гостей. Но молодые почти не прикасались к еде, фаршированная рыба под сладким хреном в тарелке Мотла осталась нетронутой, а Злата не прикоснулась к вазочке с Фаниными тейгеллах.

Ребе Михл окинул взглядом Мотла и Злату, и приказал съесть по тарелке бульона.

– Предсвадебный пост закончился, – объяснил он. – Сейчас вы словно первосвященник в Иерусалимском Храме после завершения Судного дня. Все грехи прощены, начинается новая жизнь. И очень хорошо, что она начинается в новомесячье.

– Почему? – не удержался от вопроса Берко. Он прекрасно знал, что раввин обязан произнести на свадебном пиру небольшую проповедь, дабы освятить застолье словами Торы, и незачем спрашивать, ответ последует сейчас сам собой, но не смог, не сумел сдержать любопытства, и вопрос вылетел изо рта помимо его воли.

– В нашем календаре, – начал ребе Михл, – есть дни, когда святость проявляется открыто. Это субботы и праздники. Есть будни, когда святости нет вообще, дни, заполненные работой и многочисленными хлопотами. И есть новомесячья. С одной стороны, это обыкновенные трудовые дни, но с другой, мы читаем в них те же молитвы, что в праздники, и устраиваем торжественные трапезы, как в субботы. Тут-то и кроется тайна новомесячья: святость присутствует в нем, но в скрытом виде. Эти дни учат нас скромности, подобно им, человеку не пристало выпячивать напоказ свои достоинства.

Слова раввина оставили Берко в некотором недоумении. Спору нет, сказано красиво, но он ожидал разгадки или какого-нибудь объяснения загадочных намеков Рамбама, однако ребе Михл повернул тему другой стороной.

Мотл не захотел поселиться в хоромах арендатора, а попросил отвести им флигелек на краю дома. Когда-то в нем жила сестра Берко, но незадолго до свадьбы племянницы она переехала к старшей дочери, и в трех комнатках и кухне сложили пасхальную посуду. Комнатки освободили, побелили стены и потолки, покрасили полы, расставили мебель, Мотл привез на телеге сундук со своими нехитрыми пожитками, и после завершения свадебного пиршества молодые удалились в свой флигелек.

Берко не спал всю ночь, его одолевали тяжелые мысли. Как сложатся отношения Златы с мужем, найдут ли они общий язык? Эх, какой еще общий язык, о чем может говорить его умная, начитанная дочка с неграмотным пастухом?

Все намеки и обещания Рамбама поглотил ночной мрак, и Берко уже сомневался в правильности своего решения. Утром он все не решался взглянуть в сторону флигеля, и сел пить несладкий чай перед молитвой спиной к окну.

Вдруг отворилась дверь, и на пороге возникла Злата с Мотлом. Берко не поверил своим глазам - куда подевалась его несчастная, заплаканная дочь? Злата сияла, словно солнце на восходе, ее глаза лучились, а с губ не сходила улыбка счастья. Мотл, по-своему обыкновению, был сдержан и молчалив.

– Папа, мой муж хочет выпить чаю перед молитвой. Ты не против, если мы к тебе присоединимся?

Если и был в то утро на всей огромной земле счастливый еврей, его звали Берко.

Прошли три недели. Злата расцвела, как расцветает по весне серебристый ландыш, робкий цветок, источающий тонкий, нежный аромат. Берко наблюдал издали за молодой парой, не вмешиваясь, не задавая вопросов. Он был безмерно рад за дочь, но, положив руку на сердце, в его радости скрывалась горькая нотка разочарования.

«Неужели Злате, на самом деле, был просто нужен мужчина? Неважно какой, умный или глупый, знаток Торы или невежда, но мужчина. Как же просто решаются все сложные проблемы! Или они только кажутся сложными, пока не копнуть чуть глубже...»

О договоре учиться он решил напомнить Мотлу через месяц, когда схлынет первый вал чувственности. Тем временем весна полностью овладела Галицией, поднялась трава, зеленые долины и склоны холмов запестрели яркими пятнами полевых цветов, напоминая платки цыганок.

Первого сивана Берко рано утром подошел к двери флигеля и решительно постучал в дверь.

– Ой, папа, – удивилась Злата. – Что-нибудь случилось?

– Нет-нет, дочка, я пришел напомнить твоему мужу, что пришла пора начать учебу. Через несколько дней Швуес, праздник дарования Торы и сейчас самое время...

– Но Мотла нет дома, – перебила отца Злата. – И он вернется только к вечеру.

– К вечеру? А куда же он ушел?

– Как это куда? На поле вместе со стадом. Разве тебе не передали, он уже несколько дней как вернулся к работе?

Берко обомлел. Его зять, вместо того, чтобы сидеть над книгами или помогать управляться хозяйством, пасет коров? Какой стыд, какое унижение!!!

Злата увидела выражение лица Берко, улыбнулась и попросила:

– Папа, зайти в дом. Я хочу тебе кое-что показать.

– Что ты уже можешь мне показать, – с трудом перевел дыхание арендатор. – Я даже не знаю...

– Папа, – опять перебила его Злата. – Не на улице, зайти, пожалуйста, в дом.

Тяжело ступая, Берко взошел на крыльцо. Каждый шаг давался ему с трудом. От мысли, что говорят о всемогущем арендаторе крестьяне, узнав, что его зять разгуливает с кнутом по пастбищу, сердце начало колотиться, как безумное.

– Посмотри, – Злата подвела отца к книжному шкафу, отперла крохотным ключиком замок и открыла створки. – Посмотри, посмотри.

На полках теснились диковинные книги, о которых Берко доводилось только слышать. Раввинские респонсы, книги по каббале, редкие манускрипты по тайному знанию, переплетенные в толстую кожу, сложные трактаты по хасидизму, тома дискуссий по вопросам выведения закона.

– Откуда это? – удивился Берко. – Неужели ты купила без меня и успела прочитать?

– Нет, конечно, нет, – воскликнула Злата. – Куда мне!

– Еще бы, – согласился Берко, – все-таки я немножко разбираюсь в Учении. Такая библиотека по зубам человеку, много лет просидевшему в ешиве или большому раввину.

– Это книги Мотла, – негромко произнесла Злата.

– Мотла? – вскричал изумленный Берко.

– Да, это библиотека моего мужа. Он тщательно скрывает от всех свои знания, и с меня в день свадьбы взял слово молчать. Лишь тебе разрешил показать этот шкаф, зная, что ты будешь беспокоиться.

– Владыка мира, но что такому мудрецу делать на пастбище?

– Там никто не мешает учиться. Мотл скрытый цадик, папа. Бог услышал молитвы и послал больше, чем я просила или смела мечтать.

Берко стоял, с изумлением переводя глаза с книжного шкафа на дочь и обратно. Только сейчас он начал понимать скрытый смысл проповеди ребе Михл, и то, что имел в виду Рамбам, рассказывая о человеке новомесячья.

ИЗРАИЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ИВРИТЕ СЕГОДНЯ

Рубрику ведёт Александр Крюков

Этгар Керет

КАК В ПРЕДПОСЛЕДНИЙ РАЗ МЕНЯ ВЫСТРЕЛИЛИ ИЗ ПУШКИ

Предпоследний раз, когда меня выстрелили из пушки, был после того, как Оделия ушла от меня, забрав сына. Я тогда работал уборщиком клеток в румынском цирке, который приехал на гастроли. Клетки тигров я убирал за полчаса, да и у медведей также, а вот клетки слонов – это был кошмар. Спина жутко болела, и всё вокруг пропахло дерьмом. Моя жизнь разваливалась, и этому процессу сопутствовал запах дерьма.

Как-то я нашёл себе уголок за клетками и забил косячок, даже руки не помыл перед этим. После нескольких затяжек вдруг слышу за спиной такое деликатное покашливание – это подошёл директор цирка. Звали его Ижо, а цирк он вообще-то выиграл в карты.

Я думал, Ижо начнёт мне выговаривать, что я устроил себе перерыв в середине работы, однако он совсем не сердился.

- Скажи, парень, - продолжал он, - хочешь срубить тыщонку по-легкому?

Я кивнул.

- Я сейчас заходил в вагончик Иштвана, знаешь, этого - «живой снаряд». Так он пьян в стельку, а представление начинается через полчаса...

Рука Ижо описала в воздухе как бы траекторию снаряда, и его толстый короткий указательный палец уперся мне в лоб: «Даю тысячу наличными, если подменишь его...»

- Меня ещё никогда не пуляли из пушки, - ответил я и сделал хорошую затяжку.

- Ещё как пуляли, парень, - продолжал Ижо. – А когда бросила жена? А когда сын сказал, что не хочет видеть тебя, потому что ты несчастный неудачник? А когда сбежал даже твой толстый кот? Так что осознай: чтобы стать «живым снарядом», тебе не нужно быть ни гибким, ни резвым, ни сильным, а только одиноким и несчастным...

...Перед выходом на арену меня обрядили в серебристый комбинезон, но даже в нём я продолжал пахнуть слоновым дерьмом.

Подошёл директор цирка и потрепал меня по плечу:

- Запомни: после того, как тебя выстрелят, ты должен сразу вернуться на арену, улыбнуться и поклониться.

Зрители были совершенно счастливы. Они подбадривали клоунов, которые засовывали меня в ствол пушки. Один длинный клоун, с цветком, из которого била струя воды, спросил меня перед тем, как поджечь фитиль:

- А ты знаешь, что Иштван – наш последний «живой снаряд» - сейчас в больнице с двенадцатью сломанными рёбрами?

- Да нет, - возразил я, - он просто немного пьян, спит в своём вагончике.

- Ну, как скажешь, - вздохнул клоун с цветком-фонтаном и зажёл спичку...

...Теперь, после всего, я должен быть доволен тем, что угол подъема ствола пушки оказался слишком большим, и вместо того, чтобы поразить мишень, я полетел гораздо выше, пробил туго натянутый брезентовый потолок циркового шатра и просквозил дальше, чуть ниже темных облаков. Я летел над открытым кинотеатром drivein, где мы бывали с Оделией, над парком, в котором хозяева собак с привязанными к поводкам шуршащими полиэтиленовыми пакетами выгуливали своих питомцев, над улицей Ха-Яркон и американским посольством, возле мусорных баков

которого я увидел своего толстого кота, который пытался сцапать голубя. Спустя несколько секунд я плюхнулся в море, и стоявшая на берегу группа людей принялась аплодировать мне, а когда я вышел из воды, молодая девушка с пирсингом в носу протянула мне своё полотенце и улыбнулась...

Когда я вернулся,огни были погашены, цирковой шатер пуст, а в центре арены, рядом с пушкой, сидел Ижо и подсчитывал дневную выручку.

- Ты промазал по мишени, - заворчал он, - и не вернулся, чтобы поклониться, как мы договаривались. За это я вычитаю у тебя четыреста шекелей.

Он протянул мне несколько смятых купюр, а когда увидел, что я их не беру, уставился на меня своим суровым восточноевропейским взглядом и проговорил:

- Ну, парень, что ты выбираешь – взять бабки или спорить со мной?

- Да оставь ты эти деньги, Ижо, - подмигнул я ему и подошёл к пушке. – Давай, сделай одолжение – запусти меня ещё раз...

Шира Гэфен

ГЕФИЛЬТЕ

"Я не хочу, чтобы ты слишком напрягалась, мама, может, мы все же найдем на этот вечер филиппинку?"

Майра лежит на кровати и рассматривает свои ладони:

"Никаких филиппинок. Просто приди часа на два пораньше, этого достаточно. Батья принесет большое жаркое, Эстер - салат из баклажанов, а Мира - муджаддару¹, которая у нее всегда вкусно получается. Все и помогут".

Она берет пульт и переключает на канал, где показывают "Красивых и отважных", телефонная трубка чуть отходит от уха, но все-таки можно слышать:

"А гефильте фиш?"

"Гефильте готовлю я, только я умею это делать как нужно".

Начинается музыкальная заставка, затем краткое содержание предыдущих серий, Майра делает звук громче.

"Мама я не хочу, чтобы ты перенапряглась, не забывай, пожалуйста, про свое сердце".

Но сердцем Майра уже с "отважными", она отдаляется от дочери и погружается в мир, полный интриг и драгоценностей. "Тот" изменяет "той" с "ее сестрой", а "та" родила мертвого ребенка. Раньше трагические сцены выжимали у неё слезу, но с тех пор, как она начала принимать "сероксат", ей ни разу не удалось заплакать по-настоящему. Равно как и рассмеяться. Дела на сегодняшний вечер перемешиваются у неё с событиями фильма: вот злодейка входит к нему в гостиную и лжет без зазрения совести, *достать рыбу из холодильника*, он верит лжи, приближается к девушке, чтобы поцеловать, *протереть фарфоровый сервиз и пересчитать ложки*, она выскальзывает из его объятий и направляется к столику с крепкими напитками, *помочь раздвинуть стол нужно*

¹ Муджаддара – восточное блюдо из чечевицы и риса с маслом.

попросить соседа, а он придет домой только после обеда, вливает ему в виски яд. Не забыть принять три таблетки "комадина" для крови, мочегонную "пусида" и "сероксат" от депрессии. Он не выпивает свой виски, может быть, выпьет в следующей серии.

Майра снова включается в разговор с дочерью: "А Аяла сказала, что принесет компот, но ты на всякий случай принеси пирог, и скажи-ка, что с Ялинкой, она решила, куда пойдет?"

Она выключает телевизор.

"Пока нет, хотя его родители пригласили еще два месяца назад".

Майра встала с кровати и направилась в кухню, прижав плечом трубку радиотелефона к щеке. "Скажи ей, чтобы приходила, все очень хотят ее видеть". Открывает холодильник, вынимает две луковицы.

"Я не хочу с ней ссориться, мама".

Она моет лук, очищает от шелухи, но вместе с ней отходят еще слоя три. "Но хотя бы скажи ей, что я делаю гефилте, специально для нее". Закрывает кран. Конец разговора. Нарезает лук, готовит соус, жарит небольшие котлетки и открывает окно проветрить кухню.

В окне напротив Тирца Резник снимает с веревок белье и улыбается: "Что за запахи!"

Майра выпрямляется и легкими движениями рук приводит в порядок волосы: "Вечером вся семья собирается". Включает радио, идет в ванную, снимает обертку с нового куска мыла, которое ей подарили на работе лет пять тому назад. Это была корзиночка с набором косметики для ухода за телом, но за это время Майра почти все раздала: всегда находится какой-нибудь повод - день рождения, совершеннолетие, еще что-то. Так и остался один кусок мыла с ароматом яблока, которое она позволяет себе распечатать по случаю праздника. Смотрится в зеркало. У нее были самые красивые ноги в Гиватаиме. Они и сейчас красивы.

Выходит из ванной благоухающая, как яблоко, вытирается, закутывается в халат с ее именем,

направляется на кухню... Усатая морда расправляется с гефилте на подносе, сероватый хвост стоит трубой, подрагивая от удовольствия. Тощая дворовая кошка, совершенно не замечает ее присутствия. Мира хватается за дверной косяк, чтобы не упасть, замечает открытое окно, закрывает глаза.

Пластмассовый тайваньский клапан, который ей вживили лет десять назад, продолжает мерно и довольно быстро тикать. Майра опускается на стул. Звонит телефон, это дочь:

"Ты слушаешь? Я поговорила с Ялинкой, - она решила, что будет с нами на этот Новый год. И знаешь, что ее убедило?"

В ответ сначала глухое молчание - Майра пытается выровнять дыхание, а потом шепчет: "Г-г-гефилте?..."

Дочь счастливо смеётся: "Ты что, не рада?"

Кошка поднимает голову, Мира смотрит ей в зрачки, которые на свету почти совсем сузились.

"Я... я рада, конечно, но я в процессе... поговорим потом".

Кошка выпрыгивает назад через окно. На подносе ничего не осталось.

Нужно быстро решить эту проблему. Мира вспоминает одну знакомую, они вместе когда-то состояли в ВИЦО, сейчас она готовит на заказ. Мира звонит ей и просит сделать поднос гефилте - сегодня, через час. Одевается - юбка, блузка в тон к ней, шелковый платок, губная помада - и выходит.

По дороге к гефилте приветливо кивает Брахе с розовыми волосами, которой от мужа досталось в наследство полпентхауса, продавцу зелени Герцлю, Бальге из магазина канцтоваров, дочь которой не вылезает из психушки (не приведи, Господи!). Она не встречает только Давида из бакалейной лавки, который обычно сидит на стуле у входа, и всегда говорит ей, как замечательно она выглядит, наверное, он внутри. На обратном пути она зайдет к нему купить яиц.

Майра проходит вдоль всей улицы Вайцмана, запыхавшись, поднимается на третий этаж (лифта нет) к своей поварихе. Сидит у нее недолго, торопливо выпивает стакан воды. Знакомая просит: "Ну, расскажи о внучке, я ведь помню ее еще такой крохой. Приготовить тебе чаю?"

Майра встает и вежливо улыбается: "Нет, у меня еще столько дел. Сегодня у меня собирается вся семья". Расплачивается за гефилте и выходит. Сквозь нейлоновую пленку она видит куски моркови, она никогда не нарезает их такими толстыми, да и фаршировку она тоже готовит более мелкой. Молоки так вообще почти нет. Ну, ладно, нужно быстрее поместить поднос в холодильник, пока желе не растаяло.

На обратном пути она поднималась вверх по улице, неся пакеты с гефилте. Дул хамсин, не характерный для этого времени года. Майра чувствовала, как тает косметика, подчеркивая морщины. Блузка прилипает к спине, Майре пришлось снять душивший ее шейный платок. Мочевой пузырь давит, это из-за "фусида", она забыла, что ей ведь нельзя выходить из дому раньше, чем часа через два после приема. Если бы она не отошла далеко от дома поварихи, она бы вернулась туда, в туалет, но Майра уже проделала половину дороги и теперь шагала, срезая путь, между домами. Поблизости не было даже магазина, куда можно было бы зайти в туалет.

Чтобы не напустить на ходу, Майра пытается думать о других вещах, пересчитывает всех гостей, стулья, сервиз, скатерть, кто что принесет... Ускоряет шаг, громко говорит сама с собой: "Батя приносит много жаркого, Мира - муджаддару, Эстер - салат из баклажанов"... И тут, не в состоянии больше сдерживаться, уже ни о чем не думая, она бежит в кусты, кладет пакеты на землю, поднимает юбку, спускает трусики и как трехлетняя девочка усаживается на корточки... Сильная струя, бьющая в траву, брызгает и на нее саму. Стыд, грязь возле каблуков, нужно отодвинуть пакеты с гефилте от небольшого ручейка, прокладывающего себе путь до пенька от срубленного дерева. Подтереться нечем, ничего не поделаешь, остается

лишь встать и продолжать идти, словно ничего не произошло. Но она не может подняться, ноги не справляются с весом тела, они словно окаменели, самые красивые ноги в Гиватаиме... И вдруг, несмотря на принятую таблетку, Майра начинает плакать, плачет долго, проклиная свой возраст, бессилие и морковь, нарезанную так крупно.

Она может сидеть там час, всю оставшуюся жизнь, семидесятилетняя женщина с ароматом яблока. Вдруг раздаются приближающиеся голоса, только бы ее не увидели в таком виде! Майра собирает все оставшиеся у нее силы, опирается руками в кольца на землю и одним движением встает на ноги. Голоса удаляются. Ничего не произошло. Майра поправляет юбку, мажется помадой, повязывает шейный платок и поднимает пакеты. Она совсем возле дома и заходит в бакалейную лавку купить яиц. Давид смотрит на нее. Она ждет, что он завяжет беседу, но он опускает взгляд... "Вечером вся семья собирается у меня", – говорит она. Давид слабо улыбается: "Счастливого праздника, госпожа Майра".

Шира Гефен – дочь Йонатана Гефена, актриса, сценарист и режиссер, автор многих детских книг. Супруга Этгара Керета.

Перевод Александра Крюкова

Дан Бен-Ишай

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Является ли мистико-психоделический опыт просветлением или галлюцинацией? Проблеском в скрытые измерения существования или искажением единственной существующей реальности? Алан Уотс учит, что это зависит от самого человека: он должен вернуться из транса с чем-то, доказывающем реальность произошедшего. Это всегда так, герой должен вернуться с чем-то из путешествия. Неважно, побывал ли он на краю земли, сколько драконов убил, и даже если встретил Бога в пустыне – если он пришел домой лишь с невразумительной байкой, то как тогда люди узнают, что все так и было? Что еще хуже, откуда это узнает сам герой после своего возвращения? Когда сильные впечатления пройдут и одолеет повседневность, откуда возьмется смелость рассказать циникам о чудесах? Но если, напротив, герою удалось вернуться с чем-то в его руке, с каким-то диковинным посохом, с чем-то драгоценным, особенным и сложным...

Вот уже несколько лет я изучаю философию в надежде приобрести ремесло возвращаться с чем-то: придавать форму смутным идеям, улавливать неуловимое, высказать невысказываемое, но чего на свете дороже нет. И на самом деле я все больше и больше погружаюсь в худшую философию. Потому что многие современные писатели хотят выразиться блестяще, но получается это наивно, дилетантски или неоднозначно. А некоторые континентальные философы вдаются в фундаментальные размышления, но, похоже, что-то пошло не так, как бы «выглянуло и обидно», потому что они говорят на языке, который никто больше не понимает. Я хотел пойти другим путем и, кроме того, что решил пойти далеко, постараться

вернуться с чем-то сложным, но важным. Из монастырей в Южной Азии, через джунгли в Южной Америке, я поступил в аспирантуру по философии в Мюнхене. Здесь я надеюсь получить навык. Здесь я изучаю – с небольшим и неуклюжим талантом, но, надеюсь в конце концов, для хорошего дела – что такое философия с жесткими стандартами точности и ясности.

Но оказывается, что это философия настолько ясная, что мало кто может ее уяснить. Черт. Что случилось? Должно быть, что-то пошло не так, потому что мне давно никому не удается объяснить, что я делаю. И чем сложнее мне объяснять, тем меньше я понимаю то, что понимаю сам. Я читаю книгу настолько абстрактную и техническую, что на каком-то этапе я спрашиваю себя, не что сказано в книге, а сказано ли вообще. Внезапно возвращается старое сомнение: просветление или галлюцинация? Я вышел на дорогу, чтобы научиться мастерству, но механическая обработка имеет свои изъяны. Ибо, как существует вещество без формы, так есть и форма без содержания: напротив непостижимой мистики стоит пустая схоластика. Что я здесь делаю? Что означает этот эзотерический разговор? Имеет ли он смысл вообще?

Итак, следуя Уотсу, это зависит только от меня. Вопрос в том, присоединюсь ли я к небольшой секте экспертов и буду делать все менее и менее понятного и все более и более невероятного для тех, кто еще не прошел этот путь, или смогу каким-то образом вернуться с чем-то ценным в руках. От меня зависит, например, найти способ показать, что когда Казимир Твардовский и Алексиус Мейнонг (но не Бертран Рассел) полагают, что объект ментального акта не является частью ментального содержания, то это не софистика (и даже если так, то софистика концептуальная и просвещающая) – но актуальный и смелый аргумент, закладывающий базовые условия для познания вообще, что в то же время является

чистым парадоксом! Или то, что сопротивление Готтлоба Фреге психологической редукции логики и математики фактически является частью древней борьбы с хаосом. Не исключено, что в моих силах объяснить, почему, по моему мнению, в сухих, скучных книгах происходит что-то очень, очень значительное. А если мне не удастся показать это людям, то, возможно, этого никогда и не было.

Недавно я забыл, как разговаривать с людьми, и без этого умения ничего не предпринимал. Привет, я Дан, и здесь и сейчас постараюсь написать о некоторых вещах, которые считаю важными – с небольшим и неуклюжим талантом, но, надеюсь в конце концов, для хорошего дела.

Сновидения

Жил-был мальчик, который задавался вопросом, почему он не может хорошенько припомнить свои сновидения, и его отец объяснил ему, что трудно удержать то, что подобно морской пене на волнах, ведь сон - это помутнение ума. Но мальчик помнил, что иногда ощущения во сне были четкими, как, например, когда он вскочил с криком, что через мгновение разобьется до смерти. Или как в одно утро на весенних каникулах он проснулся, зная, что влюблен в девочку, которую никогда не видел, и он думал о ней и сохранял ей верность до вечера. Неужели сон, как пена?

Мальчик спросил отца, и тот объяснил ему, что размытому сну удастся убедить сознание потому, что разум некрепок во время сна, но днем возвращаются силы разума, и он освобождается от ига иллюзий. Затем глаза отца загорелись, и он начал горячо говорить о человечности и просвещении, но мальчик уже перестал его слушать. Потому что для ребенка его отец был, как судья в суде, который предпочитает заключения чужих людей свидетельству человека,

побывавшего на месте событий. Ведь человек, проснувшись, находится на некотором расстоянии от сна, так же как свидетель происшествия. И он напрягается, чтобы вспомнить, а это признак того, что его разум слаб сейчас. Во сне же, напротив, человек не нуждается в уме, он осязает что-то своими пальцами, и это «что-то» не мираж. Тогда мальчик пришел к выводу, что размыт не сон, а память о нем. И теперь остается только понять, почему сон и воспоминание так далеки друг от друга, то есть, почему мы быстро забываем захватывающие вещи, как получается, что несколько часов дневного света - это как будто несколько лет после сновидения? Но мальчик не знал, как выразить свои мысли, и когда отец закончил, он решил больше его ни о чем не спрашивать.

Бабушка подслушала их разговор, и когда отец вышел, она подошла к мальчику и шепотом рассказала тайну. Сны, сказала она, это пойманные тобою искры, которые, подобно солнечным, можно увидеть только после заката. Но затем, на рассвете, возвращается ангел, чтобы собрать их, потому что они драгоценны. Мальчик был взволнован открытием, это было гораздо более вероятно. И он решил во что бы то ни стало сохранить искры, раз уж они были так драгоценны. Для этого бабушка посоветовала ему записывать свои сны каждое утро до появления ангела.

Мальчик так и сделал, и написал несколько замечательных историй, но он заметил, что этого недостаточно. Потому что даже когда ему удавалось сохранить сон в письменной форме, что-то терялось в течение дня. Утром он чувствовал, что делал важную заметку, но, когда наступал вечер и он просматривал свой блокнот, ему казалось, что он читает чужой непроницаемый сон. Мальчик обнаружил, что память о сне не только размылась и быстро испарилась, но даже идея сна, хоть и оставалась на бумаге, тем не менее, опустошалась. Мальчик был впечатлен силой ангела, но это огорчило его.

Прошло время, и мальчик получил от отца книгу «Сборник невероятных историй, произошедших на самом деле». Там он прочел о русском человеке, которого царь заточил под землю на сорок лет. В темноте глаза человека стали необыкновенно чувствительны, и когда он наконец вышел на свет, то мог видеть звезды при солнечном свете! Мальчик сразу подумал, что сны подобны звездам, которые не терпят солнечного света. И теперь ему пришла в голову мысль, что можно научиться видеть сны и наяву. Если удастся развить эту способность, то больше ему не придется писать или советоваться со своим умом, он не будет полагаться на память и утешаться только толкованием сна – в его руках будет искры.

С того дня мальчик держал глаза закрытыми, когда мог. Он постиг, что свет - это атрофия зрения, и усердно трудился, чтобы усилить темноту. Сначала долго ничего не происходило. Но как-то раз на мгновение мальчик взглянул на искру дня. Он почувствовал неописуемую победу и решил никогда не сдаваться. Он также потребовал, чтобы шторы над глазами назывались «веки», потому что, когда они закрыты, вечность и бытие смешиваются. К тому времени, когда мальчик вырос, он мог грезить наяву несколько веков подряд.

Затем однажды, в далекой стране, мальчик победил ангела: вошло солнце, и рассвет не наступил.

Логика

Так что, если безумие ночи не находит оправдания в логике дневного света? Обратное тоже верно. Логика также кажется невероятной, когда она оценивается за пределами своих границ, то есть безумием. И логика, и безумие оправдывают сами себя, но вне себя они теряют смысл. Ничья.

Материя

В некотором смысле сон более материален, чем бодрствование, потому что это час слабости идей и определений: ночь разрушает ярмо форм, и опять доминирует первобытная материя.

Замечание

Скептик – это сумасшедший, изучавший философию, или философ, который сошел с ума, и в любом случае существо опасное, как преступник с юридическим образованием.

Поэзия

Было бы полезно понять различие между загадкой и стихом. Загадка может быть переведена, но стихотворение не подлежит переводу, потому что поэзия – это не идея, которую можно реализовать, а реальность, которая рядится в разные идеи. У головоломки есть решение, но «смысла стиха» не существует, и в то же время поэзия значительна.

А сон? На мой взгляд, сон – стих, потому что хоть он и полон смысла, мы никогда не сможем удержать его. Это грех знахаря, который читает стихотворение твоего сна как загадку, он не ищет рифмы, но притворяется, что расшифровывает их. Так же, как в разгаданном сне стих умирает, так и каждое разъясненное стихотворение – это почивший сон.

Тьма

Свет не только освещает, но и скрывает: приближая, он при этом отрицает отдаление. Если б солнце никогда не садилось, мы бы видели землю лучше, но, прозрев, из-за низко зависшего неба над нашими головами мы презрели бы глубину славы творения: мы не знали бы звезд. Таким образом, те, кто наблюдают за миром только в свете разума, близко знакомы со многими вещами, но, возможно, теряют даль, забывая об оптической селективности тьмы. Платон, например, сравнивал людей с арестантами в недрах земли, говоря, что именно Сократу удалось выйти на свет. Конечно, в этом заключается величие Сократа, но разве не было бы еще лучше продолжать путь – и уходить глубже в ночь?

Бенедикция

Небо сверкает в алом мраке, когда Лиор Эльбаз и его шайка с гиканьем преследуют меня, потому что я танцевал с Михаль в убежище. Я пересекаю пустую площадь и, проскользнув между домами, погружаюсь в древние аллеи, пока меня не останавливает бесконечная бетонная стена. Быстро разворачиваюсь, нужно найти лазейку, боевой клич банды приближается, и тут я останавливаюсь и мешкаю: здесь что-то не так. Почему длинный, без проема или окна коридор должен заканчиваться глухим тупиком? И я возвращаюсь к стене, которая не должна была быть возведена, и действительно, стена согласилась не быть! Дорога открыта и переулок ждет продолжения, но

каким образом? Озираясь, осторожно ступаю, поднимаю голову – и понимаю.

Ну, тогда зачем мне убежать? Я усаживаюсь по-турецки прямо здесь и стараюсь сосредоточиться на камешках гравия в моей руке. Я слышу нарастающий визг и раскаты хохота. Улавливаю звук бряцанья железных цепей. И сразу взмах ножа взметает мои волосы, и я поднимаю голову. Широкие улыбки улыбаются с любовью, ведь кое-что они любят в своей ненависти, а именно то, что должно произойти. Но я опускаю взгляд и жду конца сна. И сидя там, в переулке, я лежу в постели, и речи, закупоренные русским языком, тянут меня изо сна до тех пор, пока я не оказываюсь спящим в своей комнате, дома у матери, в пустыне.

Полуденное солнце сервировано ставнями ровными ломтями. Через тонкие стены просачиваются голоса: соседи суданцы ссорятся. Но я прислушиваюсь к беседующим на кухне: с кем это говорит моя мама? Размышляя о темных аллеях, встаю с кровати, и в это время дверь распахивается мне навстречу. На пороге стоит мужчина с обнаженным торсом, сильный и смуглый, как индейский вождь времен войны железных дорог (хотя воткнутая в рот сигарета кажется мне закладкой в большом, ближе к концу, романе). Его палец пригвожден к строфам в Талмуде, он азартно показывает мне что-то, как будто продолжая наш разговор. Но он медлит, его останавливает мой взгляд. Потому что взгляд мой это взгляд ужаса. В его глазах вопрос: что не так? Но я только стою, разинув рот, некашерный для слов, ведь единственно возможные сейчас страшные слова, которые не осмелюсь вымолвить – нет, нет, я не открою ему, что он – мертв. И пока он смотрит на меня с разочарованием, я напрягаю свои мышцы до боли, каждому органу приказываю: немедленно проснись! И в то время, пока я вот так стою перед отцом в своей детской комнате, я

ощущаю себя лежащим навзничь в далекой стране: да, да, я вспомнил, я в мансарде, что на широкой реке, в Богемии.

Звон церковных колоколов бешено бьет степ по моему лицу; обычно он рассказывает, который час, но сейчас это поток, который не разобрать ни за что. Я на желтом диване, который сам принес с улицы и вычистил, но у него остался запах, и сейчас, в эту минуту, я утешаюсь им, ведь это знак, что я вне опасности. Когда я поднимаюсь, чтобы сесть, с моего тела осыпаются исчерканные листы: стихов, которые опубликую незрелыми, и письменных заданий, которые отправлю с опозданием. Пристраиваю голову в ладони, отдохнуть немного от набата, от утихшей только что бури. Но через минуту решаю поторопиться и записать свой сон, потому что сразу после пробуждения нас посещает ангел, чтобы удалить ночные видения, искры, которые он жадно собирает в свою корзину и быстро убирается восвояси.

И тут я понимаю причину забвения сновидений, это бенедикция Хавдалы, благословение рубежа на рассвете. Ведь если б нам приходилось нести весь вес сна в течение дня, мы в итоге разрядили бы бремя бодрствования. Если б на суд рассудка сновидец представил четкий, детальный сон, мы бы измучились разбирать перегородки палат домов умалишенных, не ведая, где закончилась ночь и когда начался день. Ведь сон, пока он нам снится, это не сон, а вселенная, даже если созерцать его как сновидение. Ведь когда ты видишь сон, то сон видит тебя... И кто посмеет объяснить ему, что он только грезит, в то время как мироздание прямо перед его взором? Ведь здесь и сейчас сон нельзя отринуть, как загорелую каменную стену. И он реальный и солидный, как русский роман. И он глубокий и многогранный, буквально, как мерцающее в алом мраке небо, здесь, надо мной.

Благодарность

Я должен поблагодарить...

Того, с кем исследовал запрещенное и стыдное.

Ту, чьи поцелуи были равны филистимлянам, которых она навлекла на меня.

И ту, что украла мой горький поцелуй и навсегда разрушила магию измены.

И ту, которая научила меня, что мечты сбываются. Что такое «первый раз» для юноши, если не этот урок? И она учила меня еще многому до тех пор, пока мне не надоело, и я сбежал, и долгие годы не возвращался к моей учебе.

Я должен поблагодарить многих безымянных, давших мне утешение тогда, ведь возможно, там была благодать.

Я должен поблагодарить ту, с которой опять стал ребенком, ищущим впотьмах опасно и слепо (в то время как кто-то подсуетился подсластить стыд).

И ту, что ошеломила меня, как молния, высветив мою силу, пока я не превратился в гром.

И ту, грустную, показавшую мне радость в моем будущем.

И ту, которая всегда знала, как заставить меня смеяться, и однажды она помогла мне плакать.

И особенно ту, с которой не разделил даже поцелуя, но она учила меня, и учила, пока мне не надоело, и я перестал убежать.

Я благодарю каждую ошибку и каждое заблуждение, ведь все это стоило того исправления, которым явилась моя жена.

Все чаще и чище удается и мне.

Ревность

Когда я был подростком, я встретил девушку, душу которой жаждал, а тело ее обожал. Она была старше меня, высокая и неизвестная. Я никогда не должен был приближаться к ней, но по какой-то причине она попросила мою близость. Мы страстно бранились и благодарно любили. Но у нее был партнер, и мои молитвы не исправили это. Мы сблизились, но я не перешел рубеж, и долгие годы это будет мучить меня.

Когда она рассказала о той ночи, когда ее изнасиловали, я многое почувствовал, но одна вещь чуть не убила меня. Я знал: где-то между всей ненавистью в моих мышцах и страхом в моем сердце прячется ревность. Я знал, что где-то вовне бродит другой человек, которому ведомо то, что я никогда не постигну. Он видел то, что искали в моей постели мои закрытые глаза.

Он поднялся на вершину горы, которую я против воли моей пожелаю, лишь дойдя до тех сказочных далей, что не становятся ближе, сколько не шагай; я – алчный и опасный, как мистик, подглядывающий за Богом.

И к моему ужасу, то, как он достиг этого, не устранило ревности. Я как будто примерил его грубые ботинки и стал похож на того, кто растоптал цветок.

Репатриация

Мы прошли через центр абсорбции, но вряд ли были абсорбированы. Думаю, что мы продолжали парить примерно на уровне второго этажа. Возможно, мы колебались, хотим ли приземлиться здесь, потому что снизу мы слышали ужасные крики. (Соседи на первом этаже постоянно визгливо ругались, угрожая убийством и самоубийством). Впрочем, позволительно дать этому другое объяснение.

Родной язык

Я представляю, как он ухаживает за мной однажды, когда маму задерживают на работе. Он кормит и купает меня без слов. Иврит, который он желает для своего сына, еще не привычен ему. И в любом случае молчать было его натурой. И его мудростью.

Во всех своих исследованиях он не нашел ничего, достойного высказывания, и теперь речь - это ложь, которую он допускает, только считаясь с другими. Тогда как в те дни я еще не был «другим» и ничего не прошу у него. Я просто с любопытством наблюдаю за ним, и он возвращает мне любящий взгляд, и я загнипнотизирован дымом, клубящимся в его улыбке.

Я представляю, как мы молчим вместе часами.

(Позже удалось передать мне иврит, но с некоторым инородным качеством: очевидно, что он мой родной язык, но мой первый язык – тишина).

Текст

Вчера, когда я читал книгу в саду, вышло солнце из-за облаков, и в его лучах неожиданно обнажилась текстура бумаги. Я обнаружил, что лист не совсем гладок, а скорее сделан из смешанных борозд, немного похоже на египетский папирус, и всплеск желтого отблеска усилил это впечатление. И вдруг я увидел шрифт на листе – не в качестве набора букв и знаков препинания, а как изящные цветные пятна поверх шероховатой ткани. Подумать только, ведь это чудо: фокус зрения остался прежним, но то, что я видел, испытало большое изменение.

Это магия словесности, текста, но также и проклятие. Пятна краски на бумаге превращаются в другие миры, это феномен. Но из-за того, что мы

погружены в созданные текстом миры, мы не замечаем еще и чернила, и бумагу, которые в этом мире, и это – трагедия.

Трагедия, потому что событие совершается не только в момент чтения. Возможно, человек хорошенько пеленает свое сознание идеями и символами и, таким образом, становится слепцом по отношению к большой части воплощенной реальности.

Иду

Я иду между вами, взволнован и напуган, как тигр среди овец. Знайте, что нет такого нежного животного, как тигр в кругу овец. Каждый шаг моей поступи – шедевр кротости. Каждый выдох свой я усердно стерегу, чтобы не прорвался голос зверя из моего чрева. Я впиваюсь взглядом под ноги и лавирую между божьими тварями, ведомый чувством, которому трудно дать название.

Я не позволю себе выражения, в котором нет мягкости; грубость – вот единственное преступление в моем мире. Моя мораль проста: мораль деликатности. Как сказал в свою очередь некто: «Не причиняй никакого дискомфорта, чтобы никто из вас не избежал моего лика».

Посмотрите, как каждый жест моего тела является одновременно клятвой: я не сделаю больно мухе. Посмотрите, как я расположил к себе гостей, и любой, кто взглянет на меня, учится: я не сделаю больно мухе. Все мое существо взывает внять мольбе: я не обижу муху. Посмотрите, как я превратил свой мех в белую тряпку, и, помахивая этим флагом, склонив голову, я иду: испуган и взволнован между вами.

Перевод Марины Стратиевской

ПОЭЗИЯ

Ирина Каренина

ЛЮБОВЬ ПРОХОДИТ МИМО

От долгих слез утешиться дорогой
И крепким чаем, и некрепким сном...
И говорить с тобой, а может, с Богом
На железнодорожном и ином,

На быстром, полустаночном, стучащем,
Почти ненастоящем языке –
О бытии, прекрасном и горящем,
О неизбежной встрече вдалеке.

Любовь моя, просты у нас законы:
Чем хочешь, будь, что значишь – то и значь,
Когда плыву, как в лодке похоронной,
На верхней полке под вагонный плач.

Завтра встанем рано-рано,
А пока считай баранов
И овечек, и мышей,
Всех, кто гонит нас взащей,
Палачей считай и катов,
Змей, людей и прочих гадов
И древесных, и морских,
Деревенских, городских,
Богомольных и безбожных,
Всех великих и ничтожных,
Приживалов и царей,
И людских поводырей.

Баю-бай, усни, душонка,
Жалкая, как у мышонка,
У летучего малышки, –
Чем ты хуже птички, мышки,
Палка-палка-огуречик,
Разнесчастный человечек...

Может, и правильно – Он не дает
Этого или того,
Вся-то судьба – недолет, перелет
Гибели над головой.

Может, и правда: хромуше-любви
Нечего делать со мной –
И полуночных моих визави
Снова ведет стороной.

Поговорили – три шага назад,
Мимо бокал пронеси!
И отвожу в полумраке глаза,
И вызываю такси.

... Из поцелованных мной по пьяни
Можно составить город,
Редакцию ежедневной газеты,
Очень толстого журнала или
Андеграундного издательства,
Собрать оркестр и хор мальчиков-зайчиков,
Провести первомайскую демонстрацию,
Мазками широкими выписать батальное полотно
Три на пять метров,
Где каждое лицо, смутное и нечеткое,
Врезается в нетрезвую память
Намертво, навсегда, и не отворачивайся, красавица,
И не смей говорить: «Не люблю» –
И не смейте мне отвечать: «Я тоже».
Потому что, как бы там ни было,

Мы уже обменялись дыханием,
Поделились паром, которым исходит душа из тела,
Паром, который срывается с губ на морозе,
Когда под снегом, на кладбище,
У могилы погибшего слишком рано
Целуешь первого, кто подаст тебе руку,
Чтобы поднять с мерзлой глины,
Первого, кто оботрет твои злые слезы.
Пьяными, мерзлыми, растрескавшимися губами –
Целуешь так, как болит насквозь твое сердце,
Как бродит по жилам спасительный алкоголь,
Безоглядно, отчаянно, цепляясь руками за плечи,
Выдыхая беду и вдыхая чужую боль,
Задыхаясь в тенетах бескрайнего горя – вместе,
Содрогаясь в животном вое,
Обнимая, спасая его и себя.

Стасу Нестерюку

По молодости водку брандахлыстили,
А нынче перешли на коньяки.
Давно забыты прежних споров истины –
Мы стали помолчать не дураки.

Друзья по рюмке, братья-сотоварищи,
Сегодня мы кто по дрова, кто в лес.
Ушла любовь, и залито пожарище,
И, вроде, обошлось без МЧС.

Лишь призраки над прежними скворешнями
Витают, надо мной и над тобой –
Над постаревшими, отяжелевшими,
Над честной и бессмысленной судьбой.

Над бытием, над бытом и бессонницей –
Лишь призраки с лицом твоим-моим,
Две бабочки – крапивницы, лимонницы –
Над уличным кафе, где мы сидим.

...Но мы живы еще – и лукавы,
Роковому безверью должны,
Соискатели смерти и славы
На просторах усталой страны.

Друг щегол мой, дурная порода,
Не умеющий быть подлецом,
Не хватило навек кислорода,
И хрипишь с посиневшим лицом,

И скребешь по бумаге коряво –
Рваный вдох, непутевый глоток,
Золотая, густая отравка,
Обжигающий рот кипятком.

Сидеть с букетами жасмина
И есть, положим, фуа-гра,
А что любовь проходит мимо –
Так ей ни пуха, ни пера.

Мы так устали, шамбертена
Бы нам, Аи, Нью с тобой...
Что наши дни – златая пена
И неба выплеск голубой,

Вращенье легкойбалеринки,
Смешной подснежниковый мед...
А что любовь – на фотоснимке
Замрет, заплачет и уйдет.

Катя Капович

МАРТ

Этою весной, этою весной
воздух замелькает подворотней.
По бутылке пива ледяной –
целый день, как говорят, свободный.

Этою весной земля сыра,
замывают тротуар из кранов,
дождь идет в моем окне с утра,
знаки препинания расставив.

И стоят деревья в тишине,
в зеркале воды идет прохожий
этою весной в сыром окне,
этою весной, мой хороший.

Уходит все, что я любила,
в рассеянную синеву,
как будто парус белокрылый,
со всем прощаясь наяву.

По эту сторону предела
сияет свет на вираже,
а он несется белый-белый
и бледно-розовый уже.

Его толкает в спину ветер,
с волнами борется беглец,
все унося на белом свете,
всех подбирая под конец.

ПИСЬМО ИЗ СТОЛИЦЫ

Ты пишешь из провинции такой,
где дни проходят в тихом разговоре,
где кудри в узел связаны простой,
где много одиночества и моря.

Пусть нет театра, оперы вдали,
простые платья там на горожанах,
но надо богу вознести хвалы,
что нет в глухой провинции тирана.

Подруга милая, подруга юных дней,
вот так и надо жить вдали от мира,
где властвует умами лицедей.
Не дай нам, Боже, сотворить кумира!

*** Нормальное

сердцебиение природы
слушай, сердцевед,
в едином солнечном сплетении.
А счастья не было и нет.

Лишь детское смешное дерево,
игра теней, игра огней,
склонилось молодо и зелено,
и зачирикал воробей.

Пел в белый свет и грудь выпячивал,
неясным чувством одержим,
в обычный мир со всякой-всячиной.
И этот мир был лучше с ним.

Разбуди меня в любимом мире,
свет включи в красивой тишине:
моль летает по сырой квартире,
тараканы ходят по стене.

Стрелки на часах гуляют с ленью,
черные усы нарисовав.
Здравствуй, мир, родной на удивленье,
где рука находит свой рукав.

Наперед заплаченная рента,
одиноким чайник на плите.
Вьется, вьется голубая лента,
эх, пора бы закипеть воде.

Человек живет и выживает
из ума, из мира, из родства,
но до этого он разжимает
губы на любимые слова.

В вокзальном сквере у скамейки
цыган на скрипочке играл,
а позади, поджав коленки,
приезжий на скамье лежал.

Как хорошо под звуки эти
на плечи натянуть пиджак,
и пронесется полстолетья,
лишь это будет ровно так.

Осенний город на рекою,
играет скрипка в стороне.
«На третий поезд в Бологое», –
пронесся голос в вышине.

Музыка ведет на небо нас,
там ни на минуту не смолкает
жизни обстоятельный рассказ
под названьем просторечным – «память».

Век бы с ней ходить по городам,
сочиняя на живую нитку.
Никому тебя я не отдам,
если так ты водишь паразитку.

Ты ж у нас на всех была одна,
как стакан один для лимонада,
детства санитарная палата.
Возвращай плохие времена.

Там отца и маму воскресишь,
пусть там спросят родичи у крохи:
«Где ты шлялась целый век, малыш,
что в миру дела твои так плохи?»

Распакую старый чемодан,
покажу им флейту и гребенку,
пулями пробитый барабан –
хочется ж похвастаться ребенку.

Ирина Маулер

СЛОВО

Оторвалась... оборвалась наша нить-
Нет, не жалость- это жадность рядом быть,
Это жжет и колет жало, это гнет...
Оборвалась, оторвалась - не вернешь.
Это больно, это больше чем удар,
Это слово, что на шее, как удав,
Не назвать его не в силах, не прогнать,
Это слово тяжелее, чем асфальт.
Не поднять его не в силах, не согнуть.
А нести смогу, конечно... чтоб вернуть.

ВРЕМЯ

А от меня все солнце прячется-
Все не смеется мне – не плачется,
За все твои цветные платица
Платится, платится.

Я норовлю монетой мелкою
И море переплыть в тарелке я
Пытаюсь, только скачут стрелки все
Белками, белками.

Да, время от меня все бегаёт,
То босиком, то старой девою,
А я ему обеду завтраки.
Завтра все, завтра все.

Его то крестиком, то ноликом, Его
то Сашею, то Толиком, Сачком и
сетью, шапкой наголо... Набело,
набело.

Его и письмами и песнями,
Его и ласкою и лестью я
оно ж великою державою
Дежавю жалует.

Ему я жалуюсь и требую,
Его я жду, его преследую,
Я камень в гору - белым облаком
По губам молоко.

А от меня все солнца прячутся,
И не смеется, чаще плачется
За все мои цветные платъица
Платится, платится.

НЕ ВРЕМЯ СТИХОВ

Не время стихов, а время обедов,
Обид не прощенных, какие там счеты,
Не время стихов, укоряется, виснет
Секундная стрелка на липах и вишнях.

Стихи не практичны, они недотроги,
Не лезьте им в душу - души отраженье
Они никогда не опустятся в ноги
Тому, кто не верит в их тайну движенья.

Поэзия- кровь голубая с рожденья
Метафор похожих на бальные платъица
Поэзия- неосторожность движений-
Им важно кто строчку под локоть подхватит.

Не время стихов, кто сказал эту глупость,
Разносит кто сплетни по этому дому,
Поэзия это - вся мера и мудрость
И вера, что жизнь можно жить по-другому.

Не верьте, кто скажет - стихи не в почете,
В нечетные дни, да и в четные тоже,
Не верьте, что можно поэзию почтой.
Поэзия это - мурашки по коже.

Не время стихов - время войн и обедов,
Не время стихов - время купли- продажи,
Но если не станет на свете Поэтов,
То кто вам про самое главное скажет,

Про запах черемухи пьяный и душный
Про озера гладко-морозную кожу,
Про то, что без этих желаний воздушных
Гармония выжить минуты не сможет.

Не время стихов и не время букетов
Сказали, я этот вердикт отвергаю
Уверена, точное слово Поэта
Не хуже, а лучше таблетки спасает.

Гнезятся слова, как птенцы, или звуки
На свет осторожно- то ливнем, то градом-
Ты просто с любовью возьми их на руки,
А большего им от тебя и не надо.

ВРЕМЯ – ДОЙНОЙ КОРОВОЙ

Время дойной коровой неровно дает молоко
Надоить самому тебе вряд ли удастся
без взаимной любви, непременно лягаться
оно будет и нервно смотреть в потолок.

Оно будет курить не случайно в квартире твоей
И ходить по паркету не снявши галоши,
Оно будет тебя поджидать у дверей
И захлопнет их, больно ударив по носу.

Будет арии петь, когда ждешь тишины,
То стучать по кастрюлям, то сидеть без движенья,
То стараться взлететь, или влезть в твои сны
Не спросивши на то у тебя разрешенья.

Почему? потому, что взаимной любви
Время ждет от тебя и давно примеряет
Как идете вы с ним на прогулку одни
Свои мысли и чувства друг другу вверяя.

Потому, что коровье его молоко
Наполняет его и морочит и ранит
И с тобою готово идти далеко
Хоть на край, хоть за край
И оно не обманет.

Недостойный, - достойно в глаза посмотри,
И открой перед временем уши и двери,
И тогда оно даст молока - лишь возьми
В благодарность за то, что ему ты поверил.

ТАБЛЕТКА

Таблетка от сыпи, таблетка от соли, От
сахара, злости, депрессии, боли,
Таблетка на завтрак, таблетка на ужин,
И вот, незаметно - таблеткам ты служишь.

А можно иначе и нерасторопней-
Не бегать по кругу измученной лошадыю,
Пытаясь представить себя львом, иль тигром
Которому все по плечу, до обидного.

Но это не так - и морщины у носа,
И смотришь на день, непременно наморщась,
И держишь не так свою спину и шею,
И смотришь в глаза не орлом, а плебеем.

Но держишь фасон, по привычке наутро
Принявши микстуры спасение мутное.
А дальше по плану - работа, работа,
Привычные, ставшие жизнью заботы.

И просто уверен - не сможешь иначе,
Ведь с каждым днем хочешь могуче, богаче.

Но с каждым днем больше таблеток по списку-
Врачи и рецепты, и будто артистом
Рожден ты - играешь заглавные роли
И с жизнью такой ты готов еще спорить.

Но чаще на ужин привычной рукою
Для сна принимаешь таблетку от боли,
Ее запивая таблеткой для счастья
И новый день рвешь ты «как тузика», в части.

Ответь себе честно и глядя, не прячась
В свое отражение - что есть удача?
Победа? ты выиграл это сраженье?
Какого еще ждет душа награжденья?

Любви и покоя у озерной глади.
Наверно, писал ты об этом в тетради,
Которую в юности вел, между прочим,
А дальше забыл, или просто забросил.

Любви и покоя - пиши, не стесняйся,
К себе самому хоть на миг возвращайся,
Вдыхай это небо, и поле, и речку,
И воздух березово-липовой вечности.

Дыши глубоко до причины, до смысла,
От кончиков пальцев ноги и до мысли,
И ты вдруг поймешь, что лекарство любое
В душе у тебя - для любви и от боли.

Нелли Воронель

КЛЮЧИК

Ночь приоткрое ставни и перестелет тучи,
в мире светлее станет, утро достанет ключик
и отопрет шкатулку с чистыми голосами.
В теле пустом и гулком зашелестит лесами,
и растворит земное в непостижимом вышнем
истовом непокое жизни заговорившей.

Слышишь – они проснулись, значит, и нам дарован
в лужах апрельских улиц день без обмана новый.
Каждый мой шаг – навстречу, каждый рассвет –
впервые.
Им восхищаться нечем, просто они – живые,
золотом по холстинке клювики вышивают,
тает на сердце льдинка - значит, и я живая...

ПЛАЦЕБО

Не попадаю ни в струю,
ни в первый ряд у каравая,
не догоняю, не спую,
стремительно устареваю.

Я шаткий стоик без невзгод,
смотритель скважины замочной,
страж койки с правом на уход
в себя без властных полномочий.

Креслопродавец не у дел,
нахлебник языка и неба,
опять жую безвкусный мел –
самоиронии плацебо.

Эквивалент гордыни – стыд
за неудачу и досаду,
мой удаленный доступ в скит,
моя бесславная услада.

Там вольно бродят нагишом
непуганые аониды,
финал еще не предрешён,
жизнь на меня имеет виды.

Везение не знает квот,
мой средний палец – трон стрекозий,
там амфиболия цветёт
и пахнет ландышем в навозе.

ПОКА Я ПОМНЮ

Воркует ночь, хмелеет старый Яффо,
в час звездной манны ненасытно море.
Еще раз расскажи мне про жирафа,
теперь он мой и в радости, и в горе.

С закатным зевом мраморного грота,
с невиданной узорчатою шкурой,
и с той щемящей беззащитной нотой,
судьбы определившей партитуру.

Мы молоды, бесстрашны и порочны,
процеловались ночь, без нас отчалил
ковчег, оставив на песке подстрочник
двадцатилетней будущей печали.

Мы проморгали вечность, не заметив,
как, бросив нас, отчаянно любивших,
все наши неродившиеся дети
ушли к тому, кто нами был обижен.

От звездной сыпи беспокойно море,
библейские ворочаются камни,
твоя земля осознанно близка мне,
невольнице красивых аллегорий.

А мой исход не так уж будет горек,
туманный взгляд не так уж неприкаян,
пока я помню сердцем и руками,
пока мой день до боли стихотворен...

ТОЧКА

Прежде, чем стал сам себе не нужен,
был ей родным и немилым мужем.
Прежде, чем стал он таким немилым,
кажется, думала, что любила,
или, любуясь в окне собой,
видела, как под окном зимой
мерз он часами, не чуя ног.
Плыл сигареты глаз-маячок,
так обжигая сплошную темень,
что мотыльки распускались в теле,
и разлетались по саду ночи
тени их будущих одиночеств.

Прежде, чем думалось и казалось,
детство резцами хищно касалось
тощего горла птичьего писка,
небо висело тяжело и низко,
как потолок в голой хрущевке.
Сирий птенец сброшен со счета
в горьком дыму душных разборок,
дым заползал медленно в поры.
Прежде, чем жизнь не получилась,
майская ночь звездно лучилась,
а над птенцом синеньким самым
выла, склонясь, бедная мама
и без воды жизни проточной
мыла в слезах папину дочку.

Прежде, чем он стал неуютным,
прежде, чем ей стало свободно,
детство ее не отпускало,
мало любви, Господи, мало!
В раме окна – мыльная драма,
а на руках - бедная мама.
Бедная мама, бедный птенец,
бедный бессмысленно жалкий отец.
Линии судеб сходятся в точке –
Больше не будет... папина дочка.

СНИСХОЖДЕНИЕ

Ночное снисхождение воды,
жара с утра попридержала жало,
парная влага пала на сады,
и зажила душа, и задышала.

Дышала мятой, скошенной травой,
к ней припадали флоксы и левкои,
отвесных капель теплый и живой
струился звук, ичистого покоя

в ней отзывался дивный камертон
на дальний рокот сгинувшего грома,
и забывался вымученный сон.
Ей было странно, вольно, невесомо,

и с каждой новой каплей на листве,
напитываясь магией небесной,
она смотрела светлая на свет
и проступала явственно из бездны.

Октябрь уходит, будто извиняясь,
что не додал тепла, не долюбил,
но этот лист летящий у меня есть,
еще лучист и полон новых сил.
Он так легко возносится и гибнет
за головокружительный кураж.
Уходишь...
Все уходит,
и не лги мне,
ты не долюбишь позже, не додашь...

БЕЗОТКАЗНАЯ ГЕРЛА

Кто тверёзый, кто набуханный,
Кто-то добрый, кто-то злой
Приходил на диспут кухонный,
Пополнял культурный слой:
Заседанье еженощное –
«Тайной вечера» под стать:
Было в этом что-то мощное,
Тектоническое, бл-ть!

Он казался нам безжалостным –
Поздний тот советский строй –
И Москва дырой казалась нам,
И Отечество – тюрьмой.
Так и было. Было-не-было,
Жизнь как будто замерла;
Лишь одна за водкой бегала
Безотказная герла.

Много чувств да мало разума,
Незабвенные года:
Словно что-то недосказано,
Что всегда звучит, всегда.
До сих пор – самовлюблёнными,
Обделёнными умом –
Над подземными разломами
И над безднами живём.

Больше трезвых, чем набуханных;
Меньше добрых, больше злых;
Не до споров стало кухонных,
Но, конечно, не без них.
Кто-то умер, кто-то здравствует;
Жизнь практически прошла;
В заседаниях не участвует
Безотказная герла.

Я над школьной фотографией,
Где всем классом – рассуждал:
Кто потом работал мафией,
Кто от мафии страдал,
Посреди того ужасного,
Но свободного житья.
Помнишь? – как там у Некрасова:
– Няня! Дай-ка мне дитя!

Воцарилась первозданная,
Как у Блока, тишина,
И в окне твоём – туманная
Только улица страшна.
Страх и ужас, словно приступы –
Постоянно со страной;
Наши кухонные диспуты
Вряд ли этому виной.

Над подземными разломами
И над безднами живём
Мы с тех пор непримирёнными,
И сплочёнными с трудом.
Непонятной дурью вштырилась
Безотказная герла –
А страна цветёт, расширилась –
Жаль, что ты не дожила.

Помнишь, умер тамагочи?
Хоронили мы его;
Как растёт тревога к ночи
И обида за него.

Азиатская игрушка,
Но досадно, всё равно.
Выпьем с горя; где же кружка?
Тихо, холодно, темно.

В ярком корпусе красивом –
Никогда не позабыть
Как он плакал, как просил он
Перед самой смертью пить.

Снег на крыше, рубероид.
Словно в пушкинских стихах,
Буря мглою небо кроет.
Мы на даче. Мы в гостях.

Прошлый раз, когда здесь были,
Без хозяев, в феврале,
Тамагочи мы забыли
На обеденном столе.

Ты сняла его с цепочки, –
«Подожди, – сказала, – брат».
Мы пришли полить цветочки
(Так обычно говорят).

Обнаружив, пешкодралом
Возвратились с полпути;
Но потом, как захворал он,
Не смогли его спасти.

В эротическом азарте
Не к тому стремились, не к...
В феврале. А позже, в марте,
Мы его зарыли в снег.

И, случившимся подавлен,
Я спросить тебя хотел:
Потому что был оставлен,
Может, он и заболел?

С той поры у нас, короче,
Тоже что-то не того...
Помнишь, умер тамагочи,
Как мы будем без него?

НЕБОЛЬШАЯ ЭЛЕГИЯ СЕРГЕЮ ШНУРОВУ

– Бабу будешь?
– Бабу буду! – Начинается
куплет. Русский рок
подобен чуду,
В зале – мрак, на сцене – свет.

Нам глаза культурой низкой
Не мозолил день-деньской
Мир мужской и шовинистский,
Шовинистский и мужской.

Ты в нём – царь! Забыв о многом,
В пляс пускаются, поют
Вокс-Бурмистрова и Коган –
Те, что после предадут.

Разве молодость остудишь?
Ты – как все, как молодёжь:
Баба есть – ты бабу будешь,
Бабы нет – о ней споёшь!

Нет давно чекистских чисток,
Но за мат опять гнобят,
И на баб у феминисток
Противоположный взгляд.

Не рассмотришь новых в лупу –
Ни музон их, ни видон...
Зря закрыл проект и группу
(«Группировку!» – миль пардон).

«Ленинград» – бесспорно, скрепа! –
Весь народ объединял;
Так зачем его – свирепо –
Раз – и нет?! Я не догнал!

В этой жизни злой и скотской,
Где потеряны края,
«Ленинград» – он как Высоцкий,
Он для всех – от «а» до «я».

Мэджик пипл, супер-вуду! –
В зале – мрак, на сцене – свет;
Русский рок подобен чуду –
Ты ушёл – и чуда нет.

Ты, конечно, в разных шоу:
Где ведущий, где судья,
Только это – гоу-гоу –
Для старпёров и бабья.

Мы же видим! Мы не слепы! –
Как помалу, день за днём,
Ты становишься – из скрепы –
Говорящим пиджаком.

На вопрос – ответ уродский –
Вот он! – может, всех верней:
Как бы вёл себя Высоцкий,
Доживи до наших дней?

То, что было огнём, то теперь – еб-тня
И зависит от звона монет:
Отойди, не гляди – денег нет у меня!
Денег нет.

Не заметили как наступил перелом,
Из троянского вышли коня:
То, что было говном, то теперь – эталон
Красоты уходящего дня.

Много было таких, много было сяких –
Всё, казалось, ещё впереди!
А теперь на любых – нету сил никаких,
Отойди.

Мы попробуем, но лучше этой вот всей
Суеты, лучше этого вот –
Уведи меня в ночь, где течёт Енисей
И сосна до звезды достаёт.

То, что было говном, то не станет огнём!
Уходящему дню вопреки
Мы как будто вдвоём старым садом идём
И жасмин достаёт до руки.

Нас обступит с тобой не цветущий Эдем,
А сожженная степь и кусты;
Мы чужие давно. Мы чужие совсем.
Но касаются локтя цветы,

И для свадьбы собачьей – построен маршрут
На дороге лежащей в огне.
Мне блаженства с тобой не дадут, не дадут,
Не-не-не!

Денег нет у меня. Нету сил никаких.
Но в любой еб-тне и вовне –
Мы с тобой – из таких, мы с тобой – из сяких,
Мы с тобой как в троянском коне.

МИЛОРД

Ещё покажет fuck
Судьба тебе потом.
Детсад. Лицей. Филфак.
С отличием диплом.
И вот – Речной вокзал,
Винтажный ресторан.
Что ни клиент – амбал,
Придурок и мужлан.

Конечно, жизнь не торт,
Возможно – поделом:
Вначале был эскорт,
Потом – интим-салон;
Была простая цель:
Домой попасть живой;
Был дорогой бордель
С ореховской братвой.

Конечно – поделом. Но
был один момент,
Когда в интим-салон
Зашёл какой-то кент.
Сказала – как назло,
Как будто дёрнул чёрт:
– Здесь у меня тепло!
Скорей сюда, милорд!
В холодный зимний день
Могу я рассказать,
Где пишется «надень»
И где «одень» писать.

Та-ра-ра-ра,
Ра-ра!
Та-ра-ра-ра,
Ра-ра!
Та-ра-ра-ра,
Ра! Ра!
Та! Ра-ра,
Та-ра-ра!

Валерий Скобло

ЖИВЯ НА РУСИ

* * *

Я был торговым кораблем,
Я плыл из Мексики в Китай,
Я вез контейнеры с углем...
Ты так и знай, ты это знай.

Я был ажурный углевоз,
Лицо от копоти отмой...
Но я прошу: не надо слез:
Был белоснежен парус мой.

...И две трубы, но белый пар
Валил из белоснежных труб...
Не трогал копоти кошмар
Ни парусов, ни рук, ни губ.

Ты юнгой был на корабле,
И все: от мачтовых снастей
До малых винтиков в котле -
Ты знал, как хруст своих костей.

Нас принял Тихий океан
В свой симметричный небу свод.
Стоял над волнами туман,
И был бесшумен наш уход.

И от безмерной красоты,
Без всяких видимых причин
Я растворился, как и ты,
В бездонной черноте пучин.

Нас поглотил девятый вал,
И разом был разорван круг...
Поскольку в том, чему внимал,
Ни слова правды, милый друг.

**НА ПОСЕЩЕНИЕ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
(Из цикла "Дела писательские")**

А. Т.

Отпусти меня с Богом... Уволь
От присутственных мест и собраний.
Я не раз я испытал эту боль
От дискуссий и голосований.

Коллектив умножает не ум -
Остается лишь жалкая малость,
Монотонный томительный шум
На меня навевает усталость.

Я не знаю, какой кандидат
Большей чести средь прочих достоин?
Говорил же тебе я стократ:
Не боец, не борец я, не воин!

Я еще понимаю улов
Тех, кто выпил и дремлют украдкой,
Под рокочущий шум голосов,
Улыбаясь в прострации сладкой.

В этом смысле - конечно... Но я Не
люблю выпивать в одиночку...
Озлобленья тупого струя
Заползает и в сердце, и в строчку.

В перерыв (от меня что за толк?)
Убежал я, быстрее оленя.
Не исполнил общественный долг...
Даже не получил бюллетеня.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Довольно глупо бояться змей,
Пауков, мышей... и мышей летучих.
А вот ты возьми и попробуй - сумей
Быть умным и бросить хоть слабый лучик

В сумрачный мир фантазии и грес,
Где совсем темно - черт сломает ногу...
Ты думаешь, страхи свои перерос
И умнее других? - вот и попробуй.

* * *

Пока я слушаю Голос Неба,
Диктующий мне стихи и стишки,
Мало завишу от крова, хлеба,
И раны земные не глубоки.

А когда Голос во мне потухнет,
Хлеб и кров не станут нужны совсем,
Так как точно повешусь на кухне
Перед тортиком, на котором крем.

* * *

Не верь никому, опускаясь на дно,
Никого ни о чем не проси.
Ну, а бояться, живя на Руси -
Тут уж, как кому суждено.

Сергей Штильман

ЗА ВСЕХ В ОТВЕТЕ

* * *

А в России – всё рожь, да пшеница
Да всё храмы стоят на крови.
Угораздило здесь нас родиться!
Что же делать?
Теперь вот – живи!

Привыкай к этой шири и дали,
К этой толще прошедших веков,
К нескончаемой бабьей печали
И к похмельной тоске мужиков.

Угораздило сердцем присохнуть,
Приобщиться – Бог весть почему,
Угораздило здесь не издохнуть
Под забором лет двадцать тому.

Что ж? Входи, задевая пороги,
В эти церкви, дома, кабаки...
И опять – дураки и дороги,
А в дороге – опять дураки,

И опять, немоту пересилив,
Звук то песни, то ветра лови.
Эх, Россия, Россия, Россия!
Прикипело. Поди оторви!

* * *

Дым сиреневый ходит кругами,
Облака всё куда-то спешат,
Снова листья у нас под ногами
Обречённо и сухо шуршат.

И небес мимолётная просинь –
Словно точка в последней строке,
И бумажным корабликом осень
Уплывает по тихой реке.

Я люблю этот терпкий напиток,
Эту в зиму открытую дверь
И всё медлю сворачивать свиток
Обретений своих и потерь.

* * *

Нынче в городе ветрено, сухо.
Долог путь в лабиринтах Москвы
От поры тополиного пуха
До эпохи паденья листвы.

От подъёма, полёта до спада
Слишком краток наш век на земле –
От задумчивых дней листопада
До морозных цветов на стекле.

* * *

Дом стоял, тускло глядя во двор,
Век свой долгий и честный отмерив.
Помнишь, как по утрам разговор
Начинали скрипучие двери?

Были дни, были ночи без сна,
Шли дожди, с ног валила усталость.
Принималась канючить одна –
Ей другая тотчас отзывалась.

Словно нравилось ей отвечать
Заунывно, протяжно, несмело.
Нам заставить бы их замолчать:
Петли смазать лишь – плёвое дело!

Нам хотелось всего поскорей,
Подгоняла нас жизнь, торопила.
Нет ни дома теперь, ни дверей,
Только ветер один да крапива;

Только вспышки прозрений во сне
Да утраты одни и потери,
Но порой по ночам в тишине
Слышу: стонут скрипучие двери.

* * *

Скулит бездомный ветер у дверей,
Костром прощальным полыхает роща.
Любовь с годами чище и нежней,
Стихи под старость искренней и проще.

И вновь листва наш устилает путь –
С небес на землю рвущаяся стая,
Всей жизни нашей трепетная суть
И нашей смерти истина простая.

* * *

Может, к счастью, а может, к стыду
Этот век мне совсем не по мерке.
Я отныне – последний в роду –
Крайний справа, стою на поверке.

«Рассчитайтесь на первый-второй!
Не толпитесь! Вперёд проходите!»
Ну какой я, простите, герой
И какой из меня предводитель?

Век – понятно уже и ежу –
Беспощаден и скор на расправу,
Ну а я всё сутулюсь хожу,
Вечно путая лево и право.

А ведь только вчера – хоть убей! –
Закрывать забывал я кавычки,
И бумажных пускал голубей,
И девчонок таскал за косички.
На уме лишь одно баловство,
Все как есть – несмышлёные дети...
Только справа за мной никого.
И выходит – за всех я в ответе.

ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК

из последних записей

*

В распахнутом душевном разговоре
я скрытен в биографии своей:
в моих воспоминаний коридоре
есть много заколоченных дверей.

*

Я вкусно ем любой обед,
курить и пить я сроду призван,
а что на пользу, что во вред—
уже забота организма.

*

Я старый усыхающий еврей,
и горько мне от общего бесстыдства:
к интимной анатомии моей
никто не проявляет любопытства.

*

Живя во время беспокойное
над суетой пустопорожней,
люблю я чтение запойное,
и нет наркотика надёжней.

*

Выдумка, талант и мастерство,
ярая азартность молодая—
в редкое живое существо
вместе попадают, совпадая.

*

Когда порой стишок пишу,
подобно прочим графоманам
я вижу в мареве туманном,
что путь в бессмертие вершу.

*

Стабильно в этой жизни зыбкой
текут печалаящие годы;
блаженны, кто встречал улыбкой
любые новые невзгоды.

*

В застольной пьяной болтовне
отменно знал я толк,
но после скучно стало мне,
и я замолк.

*

Мои года хоть и богатство,
и волноваться ни к чему,
но окружающее блядство
вредит покою моему.

*

Хмельной в себя залил я много влаги,
свой дух вознаграждая за труды,
но бедной терпеливице бумаге
досталось ещё более воды.

*

Во время странствий и разлук
при полной внешней безмятежности
слышней сердечный тонкий звук
любви, участия и нежности.

*

Прожив на свете срок большой,
пришёл я к жизненному устью
с беспечной русской душой
и коренной еврейской грустью.

*

Старюсь я в неге и холе,
грешная лень моя барственна,
память о долгой неволе
тоже во мне благодарственна.

*

На грани сна и пробуждения
царит в нас лёгкая растерянность—
тьень от живого сновидения,
которое уже рассеялось.

*

В душе моей давно уже зима,
повсюду снег лежит разнообразно,
и сани прихотливого ума
в сугробах этих вязнут непролазно.

*

С подлым веком лихое соседство
я легко почитаю судьбой,
а от горечи возраста средство
я во фляге таскаю с собой.

*

Читать ничего не хотелось,
писать и совсем не моглось,
а думать – роскошная смелость,
её у меня не нашлось.

*

Когда в гипотезах рабочих
томятся следственные власти,
вина евреев легче прочих
ложится в корень всех несчастий.

*

Бывают в жизни жуткие часы ,
когда внутри всё пусто и недужно,
и клонятся душевные весы
к тому, что продолжать уже не нужно.

*

Конечно же – судьба, фортуна, рок
над нашими делами полновластны,
однако в каждой жизни есть порог—
и дальше их усилия напрасны.

*

Всё, что знаю, уже старо,
всё былое ушло, как дым,
острым было моё перо,
а теперь я пишу тупым.

*

Цветы ещё многожды зацветут,
заметно станет чище мироздание,
и где-нибудь совсем уже не тут
назначится нам новое свидание.

*

К чему тревожить Божью высь,
моля, чтоб наглый сгинул бес?
Ему сказал я: «От-бись!»,
и он исчез.

*

Остаток лет пустив на доживание
и каждый год ещё старея на год,
одно теперь я пестую желание:
уйти, не причиняя близким тягот.

*

Мне сон дурной приснился этой ночью—
о некоем волшебном хулиганстве:
я занят был любовью, но не кончил—
подружка вдруг растаяла в пространстве.

*

В избытке все века многострадальны,
мы дети изнурительных исходов,
успехи наши яркие и скандальны,
поскольку будят зависть у народов.

*

Незыблемы законы естества:
когда лежит на совести короста
из вечного вранья и воровства,
всё прочее к ней липнет очень просто.

*

В Москве сперва гулял я неприметно,
потом дела приятней обернулись:
прохожие кивали мне приветно,
и даже две собаки улыбнулись.

*

Страна сама собой горда—
огромная и разная, а
позади её горба висит
котомка грязная.

*

В обаянии каждого вечера
полюбил я гастроли недаром,
и с цветов моего красноречия
собирал я пыльцу гонораром.

*

В судьбе такие были полосы,
когда кренился хлипкий плот,
я самого себя за волосы
тащил из жизненных болот.

*

Японских традиций мудрёней,
затейливей секса французского,
тюремного мата ядрёней
загадка терпения русского.

*

Не став ни прозорливей, ни умней,
о людях я подвержен беспокойству:
не зря мы так похожи на свиней
по внутреннему органов устройству.

*

Перспективы возникают очень ясные,
и уютно всем живётся в их преддверии:
инвалиды, старики и несогласные
будут вовсе не нужны большой империи.

*

К торжественным гимнам и маршам
почтения нет ни на грош:
военным становится фаршем
и гибнет под них молодёжь.

*

Пусть потомки из текстовой пыли
восстановят былое, что было:
как евреи Россию любили,
как евреев она не любила.

*

Когда страну объял заметный мрак,
и лучшего уже никто не ждёт,
то это совершил не внешний враг,
а собственный повсюдный идиот.

*

Весьма земной исток у суеты.
Ещё я столь же полон убеждения,
что в нас тоска от вида красоты—
небесного она происхождения.

*

Есть у судьбы забавный завиток,
его увидеть странно и занятно—
когда уже увянувший цветок
вдруг начинает пахнуть ароматно.

*

С отменными друзьями-златоустами,
душой соприкасаясь и плечом,
годами говорили мы без усталы
о чём придётся, чаще — ни о чём.

*

Те, кто заботился об истине
с мечтами, время превозмогшими,
потом годами ждут амнистии
и возвращаются умолкшими.

*

Промчалось бесконечно много дней,
и понял я, потрепан разной бурей,
что я не стал нисколечко умней,
но сделался я опытней и хмурей.

*

Мной по свету немало пройдено,
и проезжено, и проплыто,
и мила мне бывая родина,
и старуха возле корыта.

*

Ни словом, ни жестом, ни мимикой –
а силы в себе я найду –
не выдам я близким, что клиником
уже обречён на беду.

*

Не знающий ни зависти, ни злобы,
я стойко это качество храню;
от них происходящие микробы
съедают организмы на корню.

*

А старость – время очень тусклое,
и странно мне живётся в нём:
окно наружу стало узкое
и всё мутнее день за днём.

*

Уже давно мне стало ясно,
что нам как дар она дана,
что жизнь мучительно прекрасна
при всём обилии гавна.

*

А в личные музеи с неких пор я
не хожу: хозяина там нет, судьбы
уже свершился приговор, а на
хер мне остывший кабинет.

*

На внешность – жуткий образина,
однако же везёт мерзавцам:
он так умён невыразимо,
что дамам кажется красавцем.

*

Я скептик, циник, пессимист,
ещё охальник я в придачу,
почти опавший жёлтый лист...
Но я смотрю кино и плачу.

*

Мои стишки душе не надоели,
я не ищу в них яркой необычности,
поскольку я пишу на самом деле
о мыслях небольшой, но всё же личности.

*

Дряхление меня не поломало,
я к жизни сохраняю обожание,
и формой изменился очень мало,
но сильно оскудело содержание.

*

Исчезает моё поколение,
кому годы в России достались;
позже правнук придёт в изумление
от того, что мы живы остались.

*

Когда оглянешь весь свой путь
с его конца печального,
то камень хочется швырнуть
в кого-нибудь случайного.

*

Я заметил свойство личное
у идущих напрямик:
совесть есть, но эластичная
и забывчивая вмиг.

*

Пускай меня сразит небесный гром,
если мои лукавы оправдания,
но двигало весь век моим пером
единственное чувство – сострадания.

*

Для холуя весьма типична
потуга слыть интеллигентом,
хотя смешно и непрактично
сучить ногами под клиентом.

*

Ко всему на свете толерантен,
я боюсь обид и перебранки,
с дамами к тому же я галантен,
только привередливы засранки.

*

Когда смех колышет зрителей моих,
то колеблются недвижимые своды:
щекотание извилин мозговых
вызывает ощущение свободы.

*

Смотрю на всё вокруг я со спокойствием,
пристойным для души на склоне дней,
о зле пишу с большим я удовольствием,
поскольку мне сейчас оно видней.

ИНТЕРВЬЮ

ЗА ТЕХ, КТО РЯДОМ

Максим Леонидов отвечает на вопросы **Якова Шехтера**

ЯШ Максим, вы помните, как герой «Кондуит и Швамбрания» спрашивал: «...а наша кошка тоже еврейка?»

Помогите разгадать секрет, который мучит меня больше трети века: Сара Барабу тоже наш человек?

МЛ Понятия не имею. Это стихи норвежской поэтессы Синкен Хопп, которые я нашел в сборнике «Норвежские поэты детям». Вообще, Сара, как вам известно, весьма распространенное женское имя и ассоциируется с еврейством не больше, чем, к примеру, Майкл или Джозеф. Но, если вам приятно думать, что и в Тимбукту тоже такие наши люди - я не против.

ЯШ Через все ваши песни проходит образ недостижимой незнакомки-любви. Она на пятом этаже, недоступна, как луна, она прошла мимо, как каравелла, она, то ли девочка, то ли виденье. Вопрос заинтересованного слушателя: в конце концов, вашему лирическому герою удастся с ней познакомиться, или он до седых волос будет «на ты» только с котами?

МЛ Про благополучные счастливые отношения и петь неинтересно, и слушать скучно. Хотя не в песнях я только за гармонию и покой в личной жизни.

ЯШ В ваших песнях часто идет дождь: привет, сегодня дождь и скверно, а мы не виделись наверно сто лет,.... летним ливнем после жаркого дня ... облака постелив плащом, я приду к тебе дождем... вновь грозы и гром смоят дождем грусть о былом, снег превращается в дождь, словно в слезы.

Отложим в сторону примитивное географическое объяснение: мол, автор из Питера, вот у него дождь идет даже в песнях. И сложно-теологическое о Данае и золотом дожде тоже отодвинем на край сознания. Дождь, как слезы о незадавшейся судьбе? Дождь, как плач по утраченному или недостигнутому счастью. Или просто слезы от счастья? Почему ваш лирический герой так часто плачет?

МЛ Смотри ответ на предыдущий вопрос. На то он и лирический, этот герой(подмигивающий смайлик).

ЯШ Еврейские мудрецы говорят, что каждый человек все про себя прекрасно знает, только не хочет давать в этом отчет. Лучше всего мы обманываем самих себя. Но если сесть в пустой комнате, взять чистый лист бумаги и честно написать все, что о себе думаешь, это и будет правда.

Вы замечательный певец, любимец сотен тысяч людей, пример удачи и успеха. Насколько этот портрет совпадает с вашим представлением о себе?

МЛ У меня к себе много претензий. Я вспыльчив, ленив, нелюдим. Много чего...

ЯШ В детстве я частенько слышал от бабушки фразу на идиш: нахэс фун киндер, радости от детей. Меня тогда эта присловье смешило, с годами я перестал смеяться и стал относиться с пониманием к словам бабушки. Сейчас, подбираясь к ее возрасту, я с удивлением открываю для себя, что это чуть ли не главная вещь на свете.

Для творческого человека произведения – его дети. Какая из ваших песен приносит вам самый большой нахэс?

МЛ Нет. Это просто песни. Дети приносят мне много радости. А песни... Есть и такие, которые я пою уже 35 лет. Но публика их ждет - как не спеть?

ЯШ Предположим, Небеса на полном серьезе определили вас на должность, ну не молодого бога, поскольку мы все-таки не язычники, а скажем, молодого демиурга. Чем бы вы занялись, кроме пролития солнечного света на жизнь неудачных пар? Дело,

разумеется, очень нужное и достойное, но захотелось бы вам как-нибудь разнообразить свою деятельность? Или проще: чем бы занимался Максим Леонидов, окажись он на месте Всевышнего?

МЛ Давайте каждый будет заниматься своим делом. И отвечать за благополучие тех людей, что рядом с ним.

ЯШ В Израиле вас помнят и любят. Впрочем, мир сегодня ужался до размеров клавиатуры компьютера, вернее, до сенсорного экрана смартфона, поэтому границы между странами размылись и практически перестали существовать, особенно границы культуры. Все читают всех и слушают всех по всему миру. Наш с вами разговор, ведущийся через Фейсбук и электронную почту, яркое тому подтверждение.

И все-таки, чтобы бы вы хотели пожелать именно израильским читателям нашего журнала?

МЛ Здоровья и мира.

ЯШ И последний, самый главный вопрос: контрамарочки на следующее выступление в Израиле не найдется?

МЛ С этим - к промоутерам (смайлик).

НОН-ФИКШН

Лилия Газизова

... А КАЙСЕРИ УНЕСЁТ ВЕТЕР

Ещё три года назад я ничего не знала о городе с манким названием Кайсери. И о его удивительной и противоречивой трёхтысячелетней истории тоже не ведала. Впрочем, как и почти все мои друзья. Но всё изменилось после президентских выборов 2018-го года, когда меня признали виновной по статье 5.69 КоАП РФ «Вмешательство в осуществление избирательной комиссией полномочий, установленных законодательством о выборах и референдумах, либо создание помех участию избирателей, участников референдума в голосовании». Приглашение турецкого университета Эрджиес по рекомендации одного из известных московских критиков преподавать русскую литературу оказалось едва ли не единственным выходом в той сложившейся для меня ситуации.

Адану унесёт сель, а Кайсери – ветер... Так говорит турецкая пословица. Кайсери – это город ветров и циклонов, а ещё молниеносно меняющейся погоды, из-за которой не всегда можно увидеть потухший две с половиной тысячи лет назад вулкан Эрджиес, у основания которого и расположился город. Облака-тучи порой надёжно прячут его от людских глаз. В течение дня здесь может наблюдать четыре времени года. Местные так и говорят, кивая задумчиво головой, в любом разговоре о погоде: "Это

Кайсери...". И выглядит это немного смешно. Они словно делятся с тобой особой важной новостью.

Кайсери владели ассирийцы и хеты, сельджуки и монголы, римляне и византийцы. До нашей эры город имел несколько названий: Канеш, Карум, Мазака и Евсебия. Тщеславный Римский император Тиберий в 1 веке н.э. переименовал город в Кесарию (в честь Кесаря, то есть себя), отсюда происходит его нынешнее название. Кайсери ещё называют воротами в Каппадокию, дивное место, где остановилось время...

Город находится на высоте 1043 метра, умеренное и целебное высокогорье, которое я никак не ощущаю. Но некоторые проходят через нелегкую акклиматизацию. Главная примечательность города – потухший вулкан Эрджиэс, который дал название университету, где я преподаю. Его высота почти 4000 метров. И, как Эйфелева башня, он виден отовсюду.

...Меня порой изумляет отношение турков ко времени. К своему и чужому. Здесь не торопятся. И торопить турков не стоит. Как здесь всё при этом работает, просто загадка. В юности я приходила на любовные свидания точно ко времени, но, понимая, что девушка должна быть немного ветреной, кружила по соседним улицам, чтобы опоздать хотя бы на пятнадцать минут. Всегда считала опоздание чем-то недостойным для приличного человека. Но оказалось, что к подобному можно привыкнуть и даже начать находить что-то положительное. Если другие не волнуются то, возможно, и мне не стоит. А вот самолёты «Туркиш Эйрлайнс», к счастью, отличаются пунктуальностью. Эта авиакомпания, как «Аэрофлот» в России, такая же государственная и брендовая. Но есть ещё турецкий лоукостер «Пегасус». Каждый его вылет задерживается как минимум на полчаса. К этому надо просто быть готовой. И у меня это стало получаться.

Сообразно своей ментальности турки не склонны драматизировать жизнь, ни свою, ни чужую. При этом они искренни и отзывчивы к чужой беде. Для них дело чести – помочь ближнему. И сделают они это без лишних просьб и

уговоров. Периодически я захопываю дверь своей студии, оставив ключ внутри. И никто из соседей ни разу не отказался помочь открыть дверь. Один даже влез в маленькое окно, потом я долго смотрела на него (окно), пытаюсь понять, как он всё же пролез в него. Коллега с факультета изящных искусств взялся с готовностью починить велосипед, когда из-за какой-то отлетевшей гайки или чего-то другого технического упала с него по дороге из универа. Вначале, правда, он предложил мне чай или кофе, чем несказанно удивил меня. Мы ведь привыкли, что вначале дело, а потом всё остальное. Здесь же - вначале слово (неторопливая беседа) и чай-кофе, а остальное может подождать.

Здесь нет понятия «бабье лето». Но есть «пастирма язы». Переводится как осень пастирмы (так и хочется сказать: осень патриарха, ха-ха). Наверное, это время приготовления пастирмы, которая готовилась в странах, расположенных на территории бывшей Османской империи. Мясо конины помещали под седло лошади, где от тяжести всадника из него выходили лишние соки. При этом мясо пропитывалось потом лошади. Точное происхождение пастирмы неизвестно, в разных источниках называются Турция и Армения. Но именно Кайсери славится правильным рецептом её приготовления. Когда я бываю на центральном базаре, обязательно пробую у разных продавцов это мясо. Правда, не покупаю. Для меня это слишком остро.

Один из самых любимых персонажей турецких студентов – это Обломов. В экзаменационный билет обязательно вписываю вопрос о любимой одежде Обломова, коим является турецкий халат. Одна из самых старательных студенток Шейма, приходящая на каждое занятие в новом красивом хиджабе, не может простить Андрею Штольцу жениться на Ольге Ильинской. Жарко объясняет остальным, что так поступать нельзя. Ведь Ильинскую любил его друг Обломов. Другие вяло соглашаются. Вяло не потому что не согласны (подавляющее большинство турков, в том числе и

студенты, поборники строгой семейной морали), а потому что лень что-то прибавить к этому.

Разбираем сюжет «Бедной Лизы» Карамзина. Читаем отрывки из повести и выдержки из критических статей. Встречается незнакомое для студентов слово «соблазнить». По сюжету в повести Эраст соблазнил Лизу. Студенты спрашивают, что означает слово «соблазнить». Мучительно ищу синонимы. Ни абсолютные, ни стилевые не «прокатят», студенты просто не «догонят» в силу слабого знания языка, бо это первый курс. Ни «совратить», ни «обольстить», естественно, тоже ничего им не говорят. Нужно назвать всё ещё более своими словами. Мнусь, краснею, наконец, выдавливаю из себя: «Это значит, что у них произошёл секс». Далее рассказываю о морали XVIII века в России.

Когда закончился экзамен у второкурсников по русской литературе 19-го века, ко мне подошли студентки Шифа и Шейма с очень взволнованными лицами и спросили, кто же автор стихотворения «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся...» И с надеждой повторяли: «Хоть бы Фет, хоть бы Фет!» В экзаменационном вопросе было четыре варианта ответа: Пушкин, Тютчев, Фет и Тургенев. В итоге они всё равно набрали высокие баллы, поскольку на остальные вопросы ответили правильно.

На четвёртом курсе обсуждаем рассказ Платонова «Юшка». Когда студенты читают и анализируют отрывки, с интересом наблюдаю за ними. Судьба несчастного Юшки очень их трогает. У двоих студентов (не студенток) на глазах выступили слёзы. Сколько по земле бродят Юшек: русских, турецких, да не важно каких! У Юшек нет национальностей. Есть только большое сердце, которое способно любить всех, даже самых злых и диких.

Порой я разыгрываю перед студентами сцены пантомимы, объясняя то или иное слово или понятие. В одной сцене из романа девятнадцатого века барышня после бала снимала мушки с лица, а затем фижмы. Пришлось рисовать на доске эти самые фижмы, (иначе говоря каркас), которые позволяют нижней части платья быть похожей на колокол. Фижмы обычно делали из пластин китового уса. Ни

физм, ни мушек в старинной турецкой жизни, естественно, не существовало.

В одном из современных рассказов действие происходит в коммунальной квартире. Объясняю. Ахмет через какое-то время восклицает: «Это как хостел!» Через паузу удивления и осмысления соглашаюсь: да, немного похоже.

Наши студенты интересно прощаются. Они порой не могут дифференцировать встречу и расставание. Поэтому, прощаясь, говорят: добрый день! Или: добрый вечер. Говорится это на ходу, когда они стремительно выходят из кабинета или аудитории, поэтому даже не успеваю поправить их. А теперь и не поправляю. Мне эти неправильности стали нравиться. Тем более, я веду курс литературы, а не грамматики. Не мой профиль.

Побывала в Каппадокии с Эдит Гильберт, известным филологом и театральным критиком из Венгрии, которая дала несколько лекций в нашем университете. Всё же Каппадокия невероятное место. Там даже и дышится по-другому. Необычные конусообразные образования из туфа напоминают перевёрнутые толстые сосульки или детские формочки из песка. Трудно определить их точный цвет: оттенки коричневого, жёлтого и терракотового, то есть очень земные и тёплые цвета. И очень много неба. Больше, чем везде. А когда много неба, о пустом не думается. И о вечном не думается, об этом давно не думаю. Скорее, просто впитываю лунный пейзаж. Рассматриваю подробности местности, трогаю шершавые камни.

Вся наша прогулка по холмам – это сплошные подъёмы и спуски. Но усталость не наступала. Видимо, в силу особенного состава воздуха и особого настроения. Каппадокия напоминает пчелиные соты. Множество отверстий, лазеек, щелей. Легко представлялось, как в этих скалах прятались ранние христиане или разбойники. Но вначале в скалистых пещерах жили троглодиты (пещерные люди). Много церквей в скалах. Сохранились фрески XI-XI веков, изображающие богов и ангелов. Многие лица замазаны белым. Думаю это произошло значительно позднее, когда в эту местность пришли мусульмане...

Впервые так много говорила по-турецки, который, кажется, изрядно продвинулся. Его почти хватает для бытового общения. В университете говорю преимущественно по-русски. Я – нэтив для студентов. На своих занятиях преподаватели-турки переходят на него, если надо объяснить что-то сложное или совсем непонятное. Я не перехожу.

В Кайсери часто поднимается сильнейший ветер. И кружит последние турецкие листья, собирая их в стаи, как собак. А шорох листьев постепенно становится особенно яростным и даже угрожающим. Такое шуршание с лёгким поскрипыванием издавали бы упавшие на землю маковые коробочки, если бы их ворошил или перемещал с места на место сильный ветер. Когда я возвращалась на велосипеде из универа, ветер поначалу дул в спину, и я перестала крутить педали, доверяясь ветряному двигателю. Но после двух поворотов он стал дуть в лицо. И в какой-то момент я ему проиграла, и пришлось остановиться.

Над моим коттеджем нависает невероятных размеров ива. И сейчас наступило время её освобождения от бранных листьев. День и ночь они сыплются и сыплются. И неизвестно, когда это закончится. Такое ощущение, что там наверху хранится неисчерпаемый запас листьев. Говорят, в нашем билимстеси (место, где живут иностранные преподаватели), убрали ставку садовника.

Бывая в России и Америке, приходится отвечать на вопросы о сегодняшней Турции, в частности и об исламизации, например, на моей встрече с аспирантами Иллинойского университета. Слухи об исламизации имеют под собой основания. Это постепенный, последовательный и неуклонный процесс. Но я бы оспорила этот термин (исламизация). Ничего нового, чего бы здесь не было, сегодня не происходит. Идёт возвращение старых норм и старых ценностей. При этом завоевания республики Ататюрка в основном сохраняются. Для меня очевидно, что Турция всегда была не особенно открытой страной для европейского влияния. И европейские нормы прививались с трудом, поэтому и начинают растворяться под воздействием

исламского фактора. Пока я наблюдаю вокруг себя софт ислам. Хотя живу в Турции глубинной, где вековые традиции, вместе со всеми европейскими нормами, органично и парадоксально продолжают влиять на жизнь обычных граждан. Но слишком непрепрезентативен мой турецкий опыт. Моя университетская жизнь и почти постоянное пребывание в кампусе не позволяют делать обобщающие выводы.

В 2012-м году в Турции отменили запрет на ношение хиджаба для студенток, депутатов и адвокатов. Лично мне разрешение носить хиджам представляется очень разумным, поскольку он неотъемлемая часть турецкой культуры и ислама. И я не вижу никаких ущемлений женских прав касательно этой прекрасной мусульманской одежды. Более того, ущемлением женских прав был запрет на ношение хиджаба!

После того, как кемалисты пришли к власти в 1923-м году, первое, что они сделали, это отделили религию от государства, запретили ношение паранджи, фесок и т.д. Среди турецкого руководства и обычных жителей стала популяризоваться и даже насаждаться европейская одежда. Вот интересная цитата Ататюрка: «Вдеревнях игородах явижу, что лица женщин, наших товарищей, полностью прикрыты. Яуверен, что это доставляет им мучение, особенно в жаркое время. Друзья мои, все это результат нашего эгоизма. Будем честны и внимательны. Наши женщины чувствуют и мыслят, как мы. Пусть они покажут свои лица миру, и сами внимательно смотрят на мир. Нечего бояться». Ататюрк не был против ислама, но считал его тормозом в прогрессе.

На наших занятиях по русской литературе тема ислама обычно не поднимается. Скорее уж, говорим о христианстве, без которого невозможно понимание большинства произведений русской классической литературы. Недавно рассказывала о семи смертных грехах и, в частности, унынии. Насколько я вижу, их вера не мешает моим студентам воспринимать тексты русских писателей, в том

числе современных. И не даёт какого-то иного угла зрения, нежели человеческого.

Но с исламизацией сопряжен ряд непопулярных в Турции вопросов, которые активно обсуждаются как мировой общественностью, так и турецкой. Связаны они, в основном, с действующим ныне президентом страны. Понятно, я не буду касаться их по многим причинам. И в первую очередь по причине того, что не владею достаточной информацией. Не хочу ретранслировать искажённую информацию, которой переполнены как русские, так и мировые новостные сайты.

Побывала на встрече русских жён Кайсери, участников фэйсбучной группы «Русские в Кайсери». Привёл меня туда антропологический интерес к своим соотечественницам, выбравшим в мужья турок и переехавшим на ПМЖ на их родину. Одна девушка пришла на встречу со своей свекровью. Говорит, просто проводила. Но турецкая свекровь, прежде чем пойти по своим делам, грозно оглядела нас, и все приумолкли. Встретились мы у входа у торгового центра «Кайсери форум». Всего их два в нашем городе. Есть ещё «Кайсери Парк». И они не только торговые, но и культурные центры, здесь встречаются, проводят время. Как везде, наверное. На верхнем этаже много разных кафешек, в том числе любимый молодёжью «Макдональдс».

Практически все участницы группы «Русские в Кайсери», которую правильнее было бы назвать «Русские жёны Кайсери», кроме одной, познакомились со своими будущими мужьями в интернете. Их родители – все без исключения – поначалу отнеслись крайне негативно к их будущим мужьям. Девушки подробно рассказывали, как их пугали: будешь пятой женой в гареме, увезёт к себе и сделает шахидкой, погуляет с тобой и бросит, отберёт все деньги, много вариантов, не все запомнила. Почти никто не работает. Занимаются детьми и семьёй. Но хотели бы работать. Просто здесь не так просто найти работу по их специальностям: психология, экономика, менеджмент. Одна из девушек на вопрос, чем занимаетесь, ответила: деградируем. Собирается записаться в фитнес-центр.

Обсуждали, какой лучше. Кто-то здесь уже десять лет, остальные поменьше. Все прекрасно выглядят, и в глазах есть тот огонь, который выдаёт любящую и любимую женщину. Надеюсь, не ошибаюсь.

Я не видела здесь ни разу, как целуются парень с девушкой. Молодые пары могут держаться за руки и смотреть друг на друга влюблёнными глазами. И всё. Вообще, в исконной турецкой культуре мужчины публично ведут себя довольно сдержанно с женщинами. При этом трогательно здороваются друг с другом. Женщины приветствуются сдержанным рукопожатием, а между собой турецкие мужчины обмениваются жаркими объятиями и поцелуями в обе щеки, начиная с правой. Иногда они касаются друг друга лбами и на какое-то время замирают. Всеми этому я бываю ежедневно свидетелем и привыкла к этому.

Иногда замечаю, что пожилые мужчины в Кайсери с неодобрением смотрят на меня. Оказывается, я смотрю им слишком прямо в глаза. Об этом мне сказала моя коллега. А как смотреть не слишком прямо, не уточнила. Но, возможно, моё поведение немного и отличается от общепринятого здесь. Около старой крепости в центре есть небольшой квартал чистильщиков обуви. Их клиенты, естественно, мужчины. Когда же я села на место клиента перед чистильщиком, он долго смотрел на меня и не мог понять, чего я хочу от него. Но ботинки мои почистил. И стоило это 8 лир. Копейки по нашим меркам. Проходящие мимо мужчины чуть шеи не свернули, разглядывая, как я восседаю на высоком стуле.

В новогоднюю неделю в Кайсери было пасмурно. Эрджис почти не проглядывал из-за облаков и туманов. И от этого моя картина мира была неполной. Низкие тучи ограничивали пространство. Город словно оказался в белом плену. Новогодняя иллюминация могла бы украсить Кайсери. Но её не было. Город не встречал Новый год. Он входил сам.

Ни духа Рождества, ни ханукальных свечей, ни запаха Нового года! Ни в кампусе, ни внутри университетских

зданий, ни даже в центре города нет ни одной украшенной ёлочки, никакой иллюминации или чего-нибудь подобного. А что я хотела? Это страна, более девяноста процентов жителей которой исповедуют Ислам. Празднование Нового года не запрещается, но и не поощряется. В курортных городах и Стамбуле, где индустрия развлечений более развита, чем в Кайсери, наверное, что-то новогоднее происходит.

Известие о землетрясении в Турции меня застало в Нью-Йорке. Первым мне написал об этом московский поэт и друг Саша Переверзин, после чего я начала лихорадочно искать в интернете информацию и писать своим друзьям-коллегам, всё ли в порядке дома. Мои американские друзья с большим сочувствием отнеслись к гибели людей при землетрясении и интересовались, не пострадали ли мои близкие. Равно как и друзья из других стран, написавших мне и выразивших соболезнование. Эпицентр подземных толчков находился в уезде Сивридже в провинции Элязыг. Кайсери был назван в списке примерно дюжины городов, где также ощущались подземные толчки, правда, не более 4-5-ти баллов. Моя коллега и соседка по коттеджу не сразу поняла, что происходит. Она подумала, что из-за высокого давления всё вокруг стало немного размываться и дрожать. Она же припомнила моё стихотворение, написанное за неделю до землетрясения, в котором Кайсери унесёт ветер...

Вообще, Турция в 2020-м по прогнозу специалистов обещает быть сейсмически непредсказуемым районом. Обновлено карта сейсмической активности, в которой обозначены самые опасные места предполагаемых земных толчков. Надеюсь, обойдётся без жертв... Вот и новое сообщение о новом землетрясении: 28 января 2020-го в районе Кыркагач турецкой провинции Маниса произошло землетрясение магнитудой 4,8. Пишут, что очаг землетрясения залегал на глубине около семи километров. Не знаю, о чём это говорит. Не разбираюсь. Надеюсь, и не придётся.

В одно из возвращений в Кайсери, перед моим приземлением самолёт из Медины с паломниками и

паломницами, совершившими хадж в Мекку. И все они отличались от других людей в зале какими-то особенно одухотворенными лицами. Мои предки по отцу были мусульманами... На багажной ленте, к которой невозможно было близко подойти из-за огромного числа этих паломников, было много прямоугольных свёртков разного размера, запакованных в белую бумагу. Поначалу я думала, что там Кораны или религиозные прокламации. Потом моя подруга и коллега Чулпан Сетин из Карского университета объяснила, что там священная вода, которую дают в дар паломникам.

Когда я только приехала в Кайсери, у меня были опасения, что жизнь в отдалении от литературных столиц станет изоляцией от всего русско-литературного. Но ничего подобного не произошло. Мне пишется. И новые реалии неизбежно появляются в моих стихотворениях и эссе. Вот-вот выйдет в журнале «Иностранная литература» эссе «Мои турецкие университеты». Несколько месяцев назад меня приняли в весьма почитаемую мной молодую организацию ПЭН-Москва, в которой состоят очень авторитетные и одарённые люди.

В один из февральских дней 2020-го в нашем университете отменили занятия. «Из-за ожидания экстремально холодной погоды и угрозы обледенения», как было написано на сайте университета. Про ветры отдельно не написали, но и так понятно для посвящённых, что их скорость зашкаливала. При мне здесь такое впервые. Надеюсь, Кайсери не унесёт ветер, и я талантливо, хочется верить, проживу среди вулканов, ветров и моих прекрасных студентов, неожиданно для меня выбравших для постижения русскую литературу.

Александр Крюков

НА ЗОНЕ...

(Рассказ написан в 2000 году)

Был я в очередной раз в стране Израиля. Время там сейчас беспокойное, вторая интифада, шахиды и шахидки. Жена не на шутку волновалась:

- Нельзя ли, - говорит, - не сейчас поехать, а когда поспокойнее будет?

- Нехорошо, - говорю я русской женщине, - меня израильское посольство сейчас пригласило, а я испугался что ли? Что я скажу культурнейшему атташе господину Дану Орьяну: вы там сначала со своими сводными братьями разберитесь, а уж потом я поеду с вашими писателями встречаться? Вроде, как я боюсь, вроде как я на китайской границе не служил, да в Москве вечером по окраинам не ходил. Да и вообще - когда у них там спокойно-то было за последние пятьдесят лет? А потом: шахидки эти теперь и у нас есть.

Поехал... И, как всегда, словно в первый раз, много любопытного увидел, и вот была история.

После всех встреч с писателями и разными интересными людьми (Амос Оз, Орли Кастель-Блюм, Этгар Кэрет, Меир Шалев, Йорам Канюк, Натива Бен-Ехуда, Гила Альмагор и др.), о чем особый разговор будет, хочу поведать о другом, что до сих пор удивляет.

Сделав свои дела в центре страны, я поехал поведать своего давнишнего приятеля, с которым мы еще в 80-е годы развивали советско-израильскую дружбу. Он был активистом Движения «Израиль-СССР» под эгидой Компартии Израиля, а я – членом Союза советских обществ дружбы. Живет мой товарищ в Западной Галилее недалеко от Акко, он врач, как бы участковый, к тому же заведующий

поликлиникой «Купат холим», работы у него много, и на жизнь он не жалуется.

И вот сижу я у него дома, отдыхаю, поскольку вроде все уже видел – от Табы в Эйлате до лыжного курорта на Хермоне, даже как-то в Ницану меня занесло, если кто знает, где это), смотрю канал европейской моды по спутниковому телевидению «Yes» – нравятся мне высокие хорошо одетые девушки.

Приятель говорит: поедем, на машине покатаемся, я заодно к пациентам заеду. Поехали, к пациентам...

Подъезжаем – бетонный забор 11 (одиннадцать) метров высотой. В металлических воротах открывается маленькое окошечко, доктора узнали, ворота немного отъезжают, и мы вошли.

Ба! - Зона! Я честно не знал, что у него и тут «пациенты», хотя почему бы и нет – везде люди, (вспоминается картина художника-передвижника Николая Ярошенко «Всюду жизнь»), а пока живые - болеют. Бекицер: колония для несовершеннолетних. Тут уж мне стало интересно, я давай все выспрашивать, а хозяевам тоже развлечение – не каждый день, видно, к ним иностранные гости захаживают.

Внутри бетонного забора административная территория и небольшая стоянка для автомобилей, на которой стоял только старенький «пontiак» директора колонии. Основная территория окружена белым 4-х метровым забором из сетки типа «рабица», чтобы было понятно. Из охраны – всего один (1) человек (без оружия), он нам и открыл ворота. Никаких вышек, автоматчиков и овчарок. Заходим.

В центре территории - отличная баскетбольная площадка, в нашей московской в школе такой не было. На кольцах – белые сеточки (на нашем школьном дворе их почему-то всегда срезали), площадка хорошо размечена, покрашена – все, как надо. Понимаю: баскетбол в Израиле – спорт номер один, «Макаби» (Тель-Авив), Мики Беркович, Лу Сильвер, Дорон Джамчи. Когда-то они ведь становились чемпионами Европы среди клубов, в феврале 1977 года даже могучий ЦСКА с устрашающим Володей Ткаченко (224 см) обыграли.

Кстати, тогда-то и прозвучала так любимая израильянами фраза «Мы на карте», которую произнес капитан «Макаби» Таль Броди. Только парень-то был в недалеком прошлом американский, с ивритом не в ладах, поэтому на самом деле он сказал с тяжелым американским акцентом: «Анахну бе-мапа» («Мы в карте»). Ну, это не так и важно, да и вообще, кто сейчас в Израиле говорит на правильном иврите? А если кто и говорит, так все больше бывшие наши люди – Барух Подольский, Абрам Соломоник, Йосеф Гури, Вольф Москович, Леонид Зелигер и многие другие. А Элизер Бен-Ехуда откуда был, помните? Правильно, из городка Лужки...

Ладно, «Макаби» действительно обыгрывал ЦСКА. Вот страна – и на зоне у них спорт номер 1 в почете. Может, тут истоки их побед?

Пока мой приятель пошел осматривать своих пациентов, мне все показывают. Контингент - 24 человека, ребята от 12 до 16 лет. Ходят все в спортивных штанах и футболках, в шортах почему-то никого нет... Персонал колонии – 22 человека (есть даже прачка, которая стирает белье «воспитанников», так их здесь называют). Спальные помещения – чистенькие комнатки на двоих, никаких решеток на окнах. Компьютерный класс. Идем в столовую, готовит – женщина-повариха, пахнет неплохо, но пробовать не стали. В холле – таблица турнира по настольному теннису, список каких-то лекций. «Регулярно приезжает психолог, - рассказывает мне гид, один из воспитателей, - приходят учителя и проводят занятия по программе средней школы».

Главный принцип – чтобы ребята, то бишь воспитанники, а прямо говоря – малолетние правонарушители - не были предоставлены сами себе, от этого заводятся дурные мысли (прямо как у нас было в армии). Поэтому день от подъема до отбоя они всегда чем-то заняты: уборка территории, учеба, спорт, лекции, беседы. Изредка полагается короткая увольнительная-отпуск в семье. Все возвращаются. Побегов было всего два, наказание строгое – сразу переводят в настоящую тюрьму уже со взрослыми...

При мне два подростка понесли ведра с отходами из столовой за территорию – охранник открыл ворота, и они втроем вышли наружу, дошли до контейнеров метрах в тридцати, высыпали в них мусор и вернулись назад. Я почувствовал, что это не событие для них – выйти за территорию.

Живой уголок. Оставшимся от обеда хлебом ребята кормят гусей, кур, у них тут также козы, овцы и ослик. Видно, что мальчишкам нравится ухаживать за животными. Плантация клубники, ягоды еще зеленые, но многие уже сорваны. «Ребятам хочется кисленького», - со значением поясняет гид. Главный запрет в колонии – наркотики, поэтому многие пытаются компенсировать, чем могут...

Спросив разрешения у сопровождающего, заговариваю с одним из подростков. Первый вопрос, естественно, - «За что присел?»

- Пырнул «русского», – парень отвечает неохотно, отводит глаза.

- За что?

- Да-а-а, так, он мне что-то сказал...

Вообще ребята все симпатичные, выглядят нормально, по-домашнему, только показалось мне, что они какие-то как бы сонные, заторможенные, наверное, ждут другой жизни... Когда мы уже выходили, у ворот нам встретилась молодая интеллигентная женщина в модных очках, – наверное, психолог.

В целом, неплохо в Израиле живут малолетние преступники, одно давит - высоченный серый забор, за которым ничего не видно, смотреть можно только на небо, а другую жизнь - представлять.

Да, забыл сказать, что колония эта, то есть, исправительно-трудовое учреждение, - для арабских подростков, но расположена она в большом друзском поселке Йирка в Западной Галилее. Назван он в честь Хушая ха-Арки – одного из соратников царя Давида, и живут друзья здесь с XI века. А приятель мой – коренной израильтянин, но не «сабра», а араб-христианин, который любил Советский Союз, а теперь любит Россию, поэтому и

свою младшую дочь назвал Наташа. Семья живёт в собственном трехэтажном доме из девяти комнат в большом арабском поселке Кфар-Ясиф. Поселок стоит на месте древнего еврейского поселения, основанного еще во времена Мишны и Талмуда. Евреи здесь жили до 1841 г., а потом перебрались в Акко. Поселение было названо в честь Йосефа Бен-Маттитьягу, который был евреем-генералом и командующим еврейскими войсками в Галилее, но потом сдался римлянам и получил от них наименование Иосиф Флавий... Вот ведь как все перемешалось в стране Израиля, который был Яков.

Хотя, с другой стороны, все люди - братья, сыновья и дочери одного отца, так ведь?

Михаил Сидоров

«ВЕСЁЛАЯ НАУКА» И ГРУСТНАЯ ФАНТАСТИКА

«...Г.А. сказал: «Ницше. Это был большой поэт. Однако ему весьма не повезло с поклонниками».

*Братья Стругацкие, Отягощённые злом,
или Сорок лет спустя»*

Сказав это, Георгий Анатольевич Носов будет во многом прав. Ещё во время Первой мировой войны Н.А.Бердяев в своей статье «Ницше и современная Германия» (февраль 1915) отмечал, что «судьба Ницше после смерти ещё более трагична и несчастна, чем при жизни». Из него уже тогда пытались сделать «отца» германского завоевательного милитаризма, для чего, казалось бы, имелись веские основания: «Ницше, – писал Бердяев, – проповедовал волю к власти, учил о сверхчеловеке, который должен стоять по ту сторону добра и зла и быть жестоким. Ницше восхвалял дух войны». (Наверное, не зря кайзеровским солдатам вручался томик «Так говорил Заратустра».) Разве этого мало?! На это сам же Бердяев и отвечал: «На поверхности истории кажется, что великий человек, творческая индивидуальность порождает какое-нибудь массовое историческое явление. Но в глубине жизни, в подлинной действительности ничего подобного нет. Св. Франциск не творил францисканства, Лютер – лютеранства, Толстой – толстовства, Ницше – ницшеанства. И то, что на поверхности истории называют христианством, то никогда не творилось Иисусом Христом».

В целом можно было бы принять подобную «линию защиты» такого бесспорно выдающегося мыслителя, каким был Фридрих Ницше, если бы через три с половиной года, уже после Октябрьской революции, тот же Н.А.Бердяев не написал бы об упомянутом им ранее Л.Н.Толстом следующее: «Поистине Толстой имеет не меньшее значение

для русской революции, чем Руссо имел для революции французской. Правда, насилие и кровопролития ужаснули бы Толстого... Но ведь и Руссо ужаснули бы деяния Робеспьера и революционный террор. Но Руссо так же несёт ответственность за революцию французскую, как Толстой за революцию русскую. Я даже думаю, что учение Толстого было более разрушительным, чем учение Руссо. [...] Преодоление толстовства есть духовное оздоровление России...» (статья «Духи русской революции» в сборнике «Из глубины», 1918. – Кстати, в этой же статье Бердяев замечает, что «мораль Ницше бесконечно выше, духовнее морали Толстого».) Как же быть с глубиной жизни и подлинной действительностью в этом случае?

Да и трагизм посмертной судьбы Ницше был усугублён позднее его нацистскими «поклонниками», чья «историческая практика» дала в руки критиков немецкого мыслителя «молот» потяжелее того, о котором говорил он сам, а до него – Мартин Лютер. И выходило, что Фридрих Ницше – «крайне реакционный немецкий философ-идеалист, откровенный апологет буржуазной эксплуатации и агрессии, прямой предшественник фашистских «идеологов» («Краткий философский словарь». М., 1951). И уж если «ответственных» за революции в своих странах Руссо и Толстого, как писал Бердяев, ужаснули бы террор, насилие и кровопролития, то что говорить о Ницше! Он бы, наверное, вторично лишился разума, если бы узнал о том, что наделали в Европе его соотечественники, большинство из которых были людьми, которых он как радикальный аристократ глубоко и искренне презирал, и которым взбрело в головы, затуманенные баварским пивом, что это именно они – те самые «свехчеловеки», которых воспевал ницшевский Заратустра.

«Сразу же признаем, что для нас всегда останется немислимым отождествление Ницше и Розенберга. Мы должны быть адвокатами Ницше», – эти слова Альбера Камю, пожалуй, отражают наиболее трезвый подход к вопросу о «вине» немецкого философа в нацистской бесовщине. Разве германский национал-социализм не вырос бы без Ницше, резко выступавшего против юдофобии, власти государства и немецкого национализма?

Автором «расовой теории» был вовсе не Ницше; философ не имел никакого отношения ни к немецким антисемитским партиям, появившимся в 70-е годы XIX века, ни к индустриальному подъёму Германии, стимулировавшему агрессивность прусского милитаризма... Но «оправдательный приговор» не означает решения проблемы ответственности мыслителя за результаты его умственного труда. А Камю видел ответственность Ницше «в том, что, по высшим соображениям метода, он в расцвете своего дарования узаконил, пусть даже на мгновение, то право на бесчестие, о котором уже говорил Достоевский: можно быть уверенным в том, что если предоставить это право людям, они ринутся его осуществлять» («Бунтующий человек»). Понимал ли Ницше потенциальную опасность своей философии? Вторая часть «Заратустры» открывается фрагментом «Ребёнок с зеркалом», который можно охарактеризовать как предчувствие: «Посмотрев в зеркало, я вскрикнул, и сердце мое содрогнулось: ибо не себя увидел я в нём, а рожу дьявола и язвительную усмешку его.

Поистине, слишком хорошо понимаю я значение снов и предостережение их: моё *учение* в опасности, сорная трава хочет называться пшеницею!

Мои враги стали сильны и исказили образ моего учения, так что мои возлюбленные должны стыдиться даров, что дал я им».

Профессор К.А.Свасьян, современный переводчик и комментатор Ф.Ницше, говоря о противоречивости его философии, характеризует её как «самую неприкрытую, самую бесцеремонную и вызывающую противоречивость, какую только знала история европейской духовности». Причём противоречивость эта усиливалась ещё и «маскарадом». Вот пример из «По ту сторону добра и зла»: «Всё глубокое любит маску... Бывают события такого нежного свойства, что их полезно засыпать грубостью и делать неузнаваемыми; бывают деяния любви и непомерного великодушия, после которых ничего не может быть лучше, как взять палку и отколотить очевидца: это омрачит его память» (фрагмент 40). Была охота у нацистских «поклонников» Ницше, сделавших его учение

своим «знаменем», вникать в глубины мысли философа, разбираться в тонкостях чувств поэта! А «взять палку и отколотить» легче было и безо всяких деяний любви и великодушия. Потом палку заменил автомат...

Нельзя не сказать несколько слов о влиянии Ницше на русскую мысль. При этом уместно начать с того факта, что самого Ницше во многом буквально предугадал Ф.М.Достоевский. К.А.Свасьян по этому поводу высказался так: «Тема “Достоевский и Ницше” ещё с работ Мережковского и Шестова прочно вошла в тематический план ницшеведения; отмечены поразительные (до буквального совпадения) параллели у обоих писателей. Впечатление нередко таково, что в последних произведениях Ницше философствуют разные герои Достоевского, от Раскольникова до Ставрогина...» В самом же Ницше некоторые авторы находят черты Ивана Карамазова. Всё это, конечно, не означает, что немецкий философ был эпигоном; он познакомился с произведениями Достоевского в 1887 году, всего за год до своей духовной катастрофы, и открыто признавал гений русского писателя, считая его непревзойдённым психологом, у которого ему было чему поучиться. Оригинальность же идей самого Ницше не вызывает сомнений. Так, предложенное им в его раннем произведении «Рождение трагедии из духа музыки» противопоставление «дионисийского» и «аполлоновского» начал в искусстве широко обсуждалось в России в начале XX века и заняло своё место в культурологии; ему же принадлежит и первая разработанная психология мифических представлений (См.: Курт Хюбнер, «Истина мифа», 1996). Ницше также обосновал концепцию «музыкального прогресса как растущей психологизации» (Теодор Адорно, «Философия новой музыки»)...

Увлечение ницшеанством захватило многих русских символистов, в том числе Вяч. Иванова и Андрея Белого, писателей Л.Андреева, М.Горького, Д.Мережковского и других. В то же время с осторожностью, а иногда и негативно относились к Ницше философы С.Л.Франк и М.О.Гершензон, Лев Толстой. Владимир Соловьёв в целом отрицательно отзывался об учении «сверх-филолога», но наряду с критикой заблуждений Ницше, он также отметил и

замечательные особенности его учения: «Различие между истиною и заблуждением, – отмечал Соловьёв, – не имеет здесь для себя даже двух отдельных слов. Одно и то же слово совмещает в себе и ложь, и правду этой удивительной доктрины».

Н.Ф.Фёдоров давал двойственную оценку ницшевской идее сверхчеловека: «Сверхчеловечество может быть и величайшим пороком, и величайшей добродетелью. Оно безусловный порок сатанинского происхождения, когда состоит в превозношении одного или нескольких лиц над себе подобными...

Но сверхчеловечество есть и величайшая добродетель, когда оно состоит в исполнении естественного долга разумных существ в их совокупности, в обращении слепой, неразумной силы природы, стихийно рождающей и умертвляющей, в управляемую миром».

Ницше провозгласил себя «первым совершенным нигилистом Европы», и это была не простая похвальба, поскольку нигилизм означает то, что *«высшие ценности теряют свою ценность»*, а «проект» немецкого философа заключался именно в переоценке всех ценностей. Но цель Ницше этим не ограничивалась: он хотел довести нигилизм до предела и тем самым «остановить» его. Насколько удалась эта затея?

Обратимся снова к Н.А.Бердяеву. Уже в 1946 году в своей книге «Русская идея» он подчеркивал: «Явление Ницше имеет огромное значение для судьбы человека. Он хотел пережить божественное, когда Бога нет, Бог убит, пережить экстаз, когда мир так низок, пережить подъём на высоту, когда мир плоский и нет вершин. Свою, в конце концов религиозную, тему он выразил в идее сверхчеловека, в котором человек прекращает своё существование. [...] Происходит разрыв с христианской и гуманистической моралью. Гуманизм переходит в антигуманизм».

Можно сказать, что достойные люди оценили Фридриха Ницше по достоинству, а вот с его «поклонниками» ни самому философу и поэту, ни всему человечеству, действительно, не повезло.

Философско-этические изыскания Ф.Ницше осуществлялись в эпоху, когда набирал силу биологизм – разновидность редуccionизма, основанная на идее, что лишь с помощью «философии жизни», ориентирующейся на биологию и дарвинизм, можно прийти к подлинно научному мировоззрению.

Генрих Риккерт (1863–1936) в своей книге «Философия жизни. Изложение и критика модных течений философии нашего времени» (1920) показал, что все опирающиеся на эволюционный биологизм социально-политические направления, приветствуя естественный отбор и приспособление особей в человеческом обществе, находятся в непримиримой вражде между собой. Таких направлений Риккерт выделил четыре: индивидуалистически-демократическое (либерализм), социалистически-демократическое (марксизм), социал-аристократическое и наконец индивидуалистически-аристократическое, которое и представлял Фридрих Ницше. Г.Риккерт продемонстрировал, а история подтвердила, насколько взаимоисключающими могут быть жизненные идеалы, построенные на понятиях биологической науки.

В самом деле, читая Ницше, нельзя не заметить, как биологизм, дарвинизм «смотрит в окна» всех основных его концептов: воли к власти, вечного возвращения и тем более – сверхчеловека. Недаром О.Шпенглер называл Ницше учеником Дарвина, хотя и «бессознательным», а Н.Ф.Фёдоров писал: «Меня своих идолов, Ницше оставался верен Дарвину, хотя не сознавался в этом и даже считал Дарвина посредственностью». И правда, в «Сумерках идолов» есть фрагмент под названием «Анти-Дарвин», в котором говорится: «Что касается знаменитой борьбы за *существование*, то она кажется мне, однако, более плодом утверждения, нежели доказательства. Она происходит, но как исключение; общий вид жизни есть не нужда, не голод, а, напротив, богатство, изобилие, даже абсурдная расточительность, – где борются, там борются за *власть*... Не следует смешивать Мальтусу с природой».

Была у Ницше причина относиться к Дарвину «свысока»! Эволюция – это бесцельное и бессмысленное

развитие. Прогресс же, как отмечал С.Н.Булгаков, – это эволюция «телеологическая, в которой причинность и постепенное раскрытие цели этой эволюции совпадают до полного отождествления...» («Основные проблемы теории прогресса», 1902). Биологическая эволюция сама собою, даже путём «скачка», не в состоянии породить сверхчеловека; последний явится лишь как результат управляемого, целенаправленного развития. Ницше называл сверхчеловека существом другого вида: «Я пишу для человеческого рода, какого ещё нет на свете: для “хозяев Земли“». И он, как замечает Малкольм Булл в своей книге «Анти-Ницше» (2015), выражался не метафорически: «Он надеялся, – поясняет оксфордский профессор, – что новый вид можно будет создать за счёт селекционного разведения, и отмечал возможность «международных племенных союзов, которые поставили бы себе задачу по выведению господствующей расы, будущих “хозяев Земли“». Налицо, таким образом, евгенический прожект, который мечтали реализовать фюреры «третьего рейха». К слову, забегаая вперёд, о мечтах и мечтателях. У Стругацких в «Отягощённых злом...» Сергей Манохин наставляет пришедших к Демиургу с проектом «О лишении человечества страха» студентов – «юнца» и «юницу»: «Конечно же, мечтать надо. Надо мечтать. Но далеко не всем и отнюдь не каждому. Есть люди, которым мечтать прямо-таки противопоказано. В особенности – о мирах». Здесь один из героев и «авторов» романа имеет в виду как раз окончившееся весьма плачевно посещение мира своей мечты доморощенным почитателем «святого Адольфа» Мареком Парасюхиным...

Каким же будет он, человек достаточно отдалённого будущего? Об этом задумывались и учёные, и писатели. Ницше устами своего Заратустры вещал: «Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором» (Заратустра был Фаустом Ницше, как выразился К.Г.Юнг). Ф.М.Достоевский не хотел давать внешне эффектные «научные» или визионерские прогнозы. Тем не менее, он был убеждён, что человек должен «переродиться

по законам природы окончательно в другую натуру..., которая не женится и не посягает». Да и сам Ницше за пределами своего «евангелия» («Так говорил Заратустра») предсказывал биологическую трансформацию человека и говорил, что сверхчеловеку нужно «новое тело».

Многие персонажи А.П.Чехова задумывались о том, какую станет будущая жизнь; в драме «Три сестры» подполковник Вершинин убеждённо говорит: «Через двести, триста лет жизнь на земле будет прекрасной, изумительной». Не все, однако, разделяют подобный оптимизм артиллериста. Барон Тузенбах высказывает иное мнение: «Не то что через двести или триста, но и через миллион лет жизнь останется такою же, как и была; она не меняется, остаётся постоянною, следуя своим собственным законам, до которых вам нет дела или по крайней мере которых вы никогда не узнаете». Ницшеанские мотивы улавливаются в рассуждениях зоолога фон Корена («Дуэль») и в видениях магистра философии Коврина («Чёрный монах»). Чеховские герои не спорят о том, как изменится сам человек будущего. Врач Астров в «Дяде Ване» ограничивается лишь общей, ставшей хрестоматийной, сентенцией: «В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Зато в «Машине времени» Г.Уэллса нарисована ужасающая картина деградировавшего человечества, разделившегося на два подвида, каждый из которых по-своему страшен... В общем, люди любят пофантазировать на такую щекочущую нервы тему, как будущее вида homo sapiens. Тем более что в XX веке наука дала для этого немало поводов. И литература ими воспользовалась в достаточной мере.

Интересно, что и самого Ницше посещали мысли, которые мы теперь привычно относим к фантастике. В «Весёлой науке» (фраг. 374) он пишет о желании человека «узнать, какие ещё *могли бы* быть иные интеллекты и перспективы: например, способны ли какие-нибудь существа воспринимать время вспять или попеременно вперёд и вспять (чем было бы дано иное направление жизни и иное понятие причины и следствия)». Кто читал «Понедельник начинается в субботу», сразу же поймёт, что в этом фрагменте – зародыш идеи «контрамоции» – движения по

времени в обратную сторону, которая так блестяще развернута Стругацкими на страницах повести-сказки «для научных работников младшего возраста». «Мозговой штурм», предпринятый молодыми сотрудниками НИИЧАВО, «объяснил» читателям не только судьбу директора института Януса Полуэктовича Невструева и его любимца – попугая Фотона, но и смысл «Тунгусского дива». Разве можно после этого придумать что-нибудь ещё более дерзкое и остроумное?! Попутно отметим: наши заметки не претендуют на раскрытие «влияния» Ницше на братьев Стругацких, которого, возможно, и вовсе не было (ведь если какой-то писатель употребил в своём романе слово «сверхчеловек», то это отнюдь не значит, что он находится под влиянием Ницше). Мы лишь попытались отыскать некоторые общие моменты, похожие темы, «параллели» в произведениях немецкого философа и великих фантастов, которые могут быть и простым совпадением идей.

Борис Стругацкий в своих «Комментариях к пройденному» писал: «... Идея человечества, нечувствительно и постепенно порождающего внутри себя Человека Нового (хомо супер, хомоновус, хомолуденс), волновала и привлекала нас издавна, ещё со времён «Гадких лебедей», которые изначально как раз и задумывались как встреча поручика пограничных войск Виктора Банева с первыми сверхчеловеками – мокрецами».

В написанных Стругацкими «Гадких лебедях» новый человек является в двух ипостасях: мокрецов и детей, находящихся под их влиянием. Мокрецы страдают незаразной генетической «очковой болезнью»; они живут за городом, в «лепрозории», за колючей проволокой и под вооружённой охраной, но имеют право выходить в город и общаться с детьми. Среди последних мокрецы пользуются непререкаемым авторитетом, искренней симпатией, любовью и уважением (чем не могут похвастать их родители). Из-за общения с мокрецами дети не по годам умны, в чём смог убедиться известный писатель Виктор Банев во время встречи в гимназии с десяти-четырнадцатилетними школьниками, своими вопросами и рассуждениями заведшими его в тупик.

«Пророк» Юл Голем, главный врач «лепрозория», рассказывает писателю о новых людях, которые живут уже как бы в будущем и которых считают больными: «Они умны, – проговорил он с нежностью. – Они чертовски умны – в отличие от большинства людей. Они все как на подбор талантливы, Виктор. У них странные желания и полностью отсутствуют желания обыкновенные. [Помните: «не женится и не посягает»?]

– Обыкновенные желания – это, например, женщины...

– В каком-то смысле – да.

– Водка, зрелища?

– Безусловно.

– Страшная болезнь, – сказал Виктор. – Не хочу...»

Можно ли упрекать Банева за этот ироничный скептицизм? Он симпатичный, умный и честный парень с чувством юмора, любит выпить, не пренебрегает женским обществом. Радикальная ломка образа жизни, психологии, физиологии и проч. – не для него. (К тому же, он и не страдает «очковой болезнью»!) И всё же разговор с Юлом Големом не оставил его равнодушным, натолкнул на раздумья: «А вообще интересно было бы себе представить, как в наши дни рождается хомо супер. Хороший сюжет... куда уж мне... Это вообще невозможно. Шимпанзе не может написать о людях. Как я могу написать роман о человеке, у которого никаких потребностей, кроме духовных?» Шимпанзе – это как будто прямо из «Заратустры»...

Но в повести Стругацких и в помине нет уничижительного отношения к человеку как таковому, а вот выпады в адрес «сверхчеловеков» встречаются. Так, подруга Виктора Диана объясняет писателю, почему ей не нравится санитарный инспектор ПаворСумман (оказавшийся агентом охраны): «Морда у него мерзкая... Белокурая бестия. Знаю я эту породу. Настоящие мужчины. Без чести, без совести, повелители дураков». И женское чутьё не обмануло! Позднее, за выпивкой в мужской компании, Павор заговорил о «высоких материях», неся при этом «лютую банальщину», и предложил решение всех проблем человеческой цивилизации: уничтожить девяносто процентов населения Земли («В принципе Гитлер был прав...»).

«Мельчите, Павор! – сказал в ответ на это Банев, которому санинспектор уже надоел. – И ведь всегда так с вами, со сверхчеловеками. Собираетесь перепахать мир, меньше чем на три миллиарда трупов не согласны, а тем временем то беспокоитесь о чинах, то от триппера лечитесь...» Разумеется, и «белокурая бестия», и «сверхчеловек» в контексте повести – прежде всего реминисценции событий недавнего прошлого («Гитлер был прав...»). Но, к сожалению, Павор мог бы тут апеллировать и к авторитету Ницше, фундаментальный элитизм которого привёл философа к выводу о том, что «большинство людей не имеет права на существование» («Воля к власти»).

В дискуссиях иного калибра поднимаются другие вопросы. Тот же Юл Голем предсказывает: «Конечно, человек овладеет вселенной, но это будет не краснощёкий богатырь с мышцами, и, конечно, человек справится с самим собой, но только сначала он изменит себя...» Изменения уже затронули мокрецов, и они коснулись не только их духовных потребностей, как думал Виктор Банев. Во время встречи с одним из самых авторитетных мокрецов, философом и писателем Павлом Зурзмансором – бывшим мужем Дианы, Виктор узнаёт, что станет лауреатом литературной премии «лепрозория», вручать которую ему будут там же, в цитадели мокрецов...

«– Лечебный корпус, – повторил Виктор. – И кого же у вас там лечат?»

– Людей, – сказал Зурзмансор со странной интонацией. Он усмехнулся, и вдруг что-то страшное произошло с его лицом. Правый глаз опустел и съехал к подбородку, рот стал треугольным, а левая щека вместе с ухом отделилась от черепа и повисла. Это длилось одно мгновение».

Мокрец на секунду теряет свой человеческий облик – случайно или нарочно. Старик гаттаухокамбомон в похожей ситуации тут же схватил большой никелированный револьвер и наставил его прямо на Льва Абалкина, у которого во время контакта с обитателями планеты Надежда при проведении операции «Мёртвый мир» внезапно заработал неисправный мимикридный комбинезон, и он стал почти невидимым, так что старик принял его за

Странника. А Странники, по слухам, вообще не имеют формы – как вода или пар («Жук в муравейнике»).

Итак, овладение Вселенной – не дело краснощёкого богатыря, это понимали и Достоевский, и Ницше, и Юл Голем. Но расстаться со столь доступным и привлекательным образом было нелегко, поэтому физические возможности обычных двадцатилетних ребят из Группы свободного поиска, живущих в XXII веке и прошедших ещё в материнской утробе биоблокаду (она же – Токийская процедура, а точнее – фукамизация), с обыденной, комиксной точки зрения кажутся нам вполне «сверхчеловеческими». Один из них, Максим Каммерер, случайно очутившийся на «неблагополучной» планете Саракш, проснувшись утром, мечтает: «Сейчас бы принять ионный душ... да выскочить нагишом в сад... где-нибудь под Гладбахом, на берегу серебристого Нирса, да пробежать вокруг озера километров пятнадцать во весь опор, во всю силу, да переплыть озеро, а потом минут двадцать походить по дну, чтобы поупражнять лёгкие, полазить среди скользких подводных валунов...» Позднее, когда прогрессор поневоле М.Каммерер окажется среди «террористов» – борцов против тирании Огненосных Творцов, и на него заведут «дело», выяснится, что он, Мак Сим, получил четыре смертельных ранения, но выжил; что он видит в полной темноте, обладает очень чувствительным нюхом и вкусом, ориентируется по сторонам света без компаса, определяет время без часов, нечувствителен к высоким дозам радиации. И все эти качества, как понимает читатель, он приобрёл благодаря биоблокаде!

Повесть «Обитаемый остров» была написана Стругацкими в 1968 году. А теперь на минутку перенесёмся на полвека из прошлого и лет на сто сорок из будущего – в наше время. В ноябре 2018 года китайский биохимик Хэ Цзянькуй сообщил, что группе учёных под его руководством удалось создать первых генетически модифицированных людей, двух девочек-близнецов. В результате использования технологии CRISPR – методов «редактирования» генома – на стадии эмбриона девочки обрели иммунитет к ВИЧ. Эксперимент по генетической модификации детей проводился в тайне. Эта весть вызвала

международный скандал. Ряд известных учёных, среди которых и разработчики упомянутой технологии, и руководители программы «Геном человека», и нобелевский лауреат, призвали ввести мораторий на редактирование наследуемой ДНК человека сроком на пять лет, чтобы всесторонне обсудить научные, медицинские, социальные и этические проблемы, связанные с генетическим модифицированием людей. Учёные опасаются, что «генетическое совершенствование» одних детей, в том числе и искусственное улучшение их умственных способностей, может привести к дискриминации обладателей «обычных» генов, а в перспективе – даже к разделению людей на два подвида. За свои генетические эксперименты, проводившиеся с использованием технологий, не гарантирующих ни безопасности, ни эффективности, а также за нарушение этических принципов и китайского законодательства профессор Хэ был приговорён в конце 2019 года судом города Шэньчжэнь к трём годам тюрьмы и штрафу в 430 тыс. долларов... Впрочем, история с фукамизацией тоже не так проста, если прочитать «Волны гасят ветер»; к тому же биоблокада не была связана с геной инженерией – далее мы ещё скажем об этом.

О том, что человек вида *homo sapiens sapiens* к середине XXII века достиг максимального технического могущества и вместе с тем – предела своих физических и интеллектуальных возможностей, свидетельствует ряд «сигналов» в повестях Стругацких. Персонаж «Далёкой Радуги» Камилл – существо вида «*homo sapiens sapiens...*», находящееся на «планете нуль-физиков», – был уже способен, по-видимому, взирать «сверху» на тот лабиринт науки и абстрактных философских категорий, по которому обычные люди бредут, видя только «стены». Талантливейший физик Этьен Ламондуа признаётся, что «рядом с Камиллом он чувствует себя глупым внуком умного деда». Через много лет после катастрофы на Радуге Камилл, последний из «Чёртовой Дюжины», оказавшийся в полном одиночестве среди людей, покончил с собой...

Другой сигнал – трагедия в Арканаре, феодальном государстве, куда сотрудники Института экспериментальной

истории пришли с целью «спрямления» нелёгкого пути средневековья, осложнённого ещё и фашистскими тенденциями. Антон, он же Румата Эсторский, по сравнению с обитателями подопытной планеты – «сверхчеловек». Но руки его – связаны. Он, принимаемый за бога вечным бунтовщиком, главарём мятежников Аратой, не может, не имеет права помочь тому «молниями», чтобы уничтожить невежественную «золочёную сволоочь», в то время как последняя занимается не только грабежом простого народа, но и целенаправленным и безнаказанным истреблением «грамотеев»: учёных, врачей, поэтов и писателей – этого «дворянства духа». Трудно быть богом, и Румате остаётся утешаться лишь пошлым: «не ведают, что творят». Так сильный и гордый человек оказывается в неестественном и немыслимом для землянина XXIIвека – «коммунара!» – состоянии ressentimentа (одно из ключевых понятий ницшевской психологии). Это реактивное чувство возбуждает в человеке злобу и мстительность, а невозможность осуществления мести лишь усиливает его. «Восстание рабов в морали начинается с того, – писал Ницше, – что ressentiment сам становится творческим и порождает ценности:ressentimentтаких существ, которые не способны к действительной реакции, реакции, выразившейся бы в поступках, и которые вознаграждают себя воображаемой мезтью» («К генеалогии морали»). И вот о чём мечтает Румата во время обеда у короля: «Взять Рэбу за ухо, подумал он сладостно. Притащить его в застенки. Сказать палачам: «Вот ируканский шпион, переодетый нашим славным министром, король велел выпытать у него, где настоящий министр, делайте своё дело, и горе вам, если он умрёт раньше чем через неделю...» Он даже прикрылся рукой, чтобы никто не видел его лица. Что за страшная штука ненависть...»

«Это Эксперимент надо мной, а не над ними», – говорит перед самой развязкой измученный Румата в полузабытьи по-русски любимой девушке Кире. В конце концов гибель Киры срывает путы, Румата обнажает мечи, но уже не для привычной, «спортивной» демонстрации искусства владения этим оружием, а по прямому его назначению, и направляется туда, «где сердце спрута»...

Идея о «вечном возвращении того же самого» – одна из ключевых в философии Ницше; её он называл «самой крайней формой нигилизма». В «Весёлой науке» (фраг. 341) мысль эта подаётся в зловещей форме, как «Величайшая тяжесть»: «Что, если бы днём или ночью подкрался к тебе в твоё уединённейшее одиночество некий демон и сказал бы тебе: “Эту жизнь, как ты её теперь живёшь и жил, должен будешь ты прожить ещё раз и ещё бесчисленное количество раз; и ничего в ней не будет нового, но каждая боль и каждое удовольствие, каждая мысль и каждый вздох и всё несказанно малое и великое в твоей жизни должно будет наново вернуться к тебе, и всё в том же порядке и той же последовательности, – также и этот паук и этот лунный свет между деревьями, также и это вот мгновение и я сам. Вечные песочные часы бытия переворачиваются всё снова и снова – и ты вместе с ними, песчинка из песка!” – Разве ты не бросился бы навзничь, скрежеща зубами и проклиная говорящего так демона?»

Мысль о вечном возвращении пришла в голову Ницше в начале августа 1881 года и привела его в состояние волнения и восхищения, а вместе с тем – и страха. Даниэль Галеви, биограф Ницше, писал: «Несчастный, раненый жизнью человек с невыразимым ужасом смотрел в глаза «Вечному возврату» («Жизнь Фридриха Ницше», 1911). Примерно в таком же духе выдержана и короткая повесть С.Ярославцева (псевдоним публиковавшегося «в одиночку» Аркадия Стругацкого) «Подробности жизни Никиты Воронцова».

Следователь городской прокуратуры Варахасий Щ. во время «холостяцкого междусобойчика» делится со своим другом, писателем Алексеем Т., некоторыми деталями одного уголовного дела – «умертвия» на проспекте Грановского пятидесятичетырёхлетнего мужчины, произошедшего июньским вечером 1977 года. Это было не «неосторожное убийство» в результате уличного конфликта с великовозрастными оболтусами, как предполагалось в начале расследования, – смерть Никиты Воронцова наступила в результате внезапной остановки сердца за несколько секунд до того, как он упал от толчка и ударился головой о тротуар. Дневник же умершего, оказавшийся в

руках Варахасия Щ., поставил следователя перед тайной, которой он решил поделиться с другом-писателем, а заодно и обсудить с ним ситуацию и попытаться хоть как-то осмыслить и решить невероятную загадку.

Из рассуждений Варахасия Щ. следует, что Никита Воронцов прожил одну и ту же жизнь (с некоторыми вариациями) неисчислимо много раз, и выглядело это так: «Воронцов благополучно доживает до 8 июня семьдесят седьмого года. В 23 часа 15 минут московского времени некая сила останавливает его сердце, а сознание мгновенно переносит на сорок лет назад, в ночь на 7 января тридцать седьмого года, где оно внедряется в мозг Воронцова-подростка, причём внедряется со всем опытом, со всей информацией, накопленными за прожитые сорок лет. [...] Далее, Воронцов снова благополучно доживает до вечера 8 июня семьдесят седьмого года, и снова та же самая неведомая сила убивает его тело и переносит его сознание, обогащённое, кстати, опытом и информацией новых сорока лет... и так далее...» Версия впечатляющая, что и говорить!

Молодая любовница Никиты – Валентина, дочь женщины, которая в прошлой жизни Воронцова была его женой, в беседе со следователем рассказала: «... Недели за две до смерти он вдруг сказал мне ни с того ни с сего, ночью, я уже задремала... Громко и отчётливо сказал: «Скоро нам расставаться», а я спросила сквозь дремоту: «Почему?» И он ответил: «Потому что тебе дальше, а мне обратно, Нэко-тян...» (Нэко-тян по-японски – «кошечка»; в прошлой жизни Воронцов называл так мать «нынешней» Валентины – Веру Самохину-Воронцову.)

Рассказанное следователем вызывает у читателя ряд вопросов:

1) можно ли с уверенностью утверждать, что Никита Воронцов уникален? Может быть, среди нас, ныне живущих, есть и другие, подобные ему, «путешественники по времени», только они просто не заявляют о себе, помалкивают, как помалкивал и сам Никита, пока не завёл дневник, оказавшийся в конце концов у Варахасия Щ. Заподозрить их в том, что они – «скитальцы по времени», можно, наверное, лишь заглянув им в глаза: они у них, как у

Воронцова, со слов Веры Самохиной, страшные, мудрые и тоскливые;

2) раз Воронцов возвращается по времени назад и проживает очередной свой цикл среди тех же людей – родственников, друзей, одноклассников, политических деятелей, учителей («Ай-яй-яй, Галина Родионовна!») – участников тех же самых исторических событий, – значит, и они тоже вернулись обратно, только не обременёнными памятью о прожитых прежде жизнях (хотя опять же – как знать!);

3) как полагает следователь, вечером 8 июня 1977 года «некая сила останавливает» сердце Н.Воронцова, «а сознание мгновенно переносит на сорок лет назад...» «Мгновенно» и «на сорок лет назад» здесь не следует понимать буквально, так как неизвестно, сколько на самом деле времени – если здесь вообще имеет смысл говорить о времени – проходит между смертью и очередным возрождением Никиты Воронцова (а значит, и всех остальных участников исторической драмы, то есть всего нашего мира) – миллиарды лет? Триллионы? С точки зрения вечности, и это – сущий пустяк, миг, и такую версию можно увязать не только с ницшевской идеей вечного возвращения того же самого, но и с космологической моделью «пульсирующей Вселенной».

Но если речь идёт о «параллельных мирах», тогда – другое дело. Тогда в одном из этих миров девятиклассник Никита Воронцов, завершивший в «нашем», недавно минувшем 2017 году очередной свой жизненный цикл, сегодня пребывает «там» в 1939 году и знает, что через два года начнётся Отечественная война, «и многие на ней голову сложат».

А в последней повести Аркадия Стругацкого «Дьявол среди людей» есть жутковатая сцена с благополучным концом, также написанная как бы в подтверждение наблюдений Ницше, который заметил, что при слушании музыки человек испытывает на себе стихийную одержимость: «...Ритм есть принуждение; он вызывает неодолимую тягу к податливости, соучастию; не только ноги, но и сама душа начинает идти в такт, – предполагалось, что и душа богов!» В музыке, продолжал философ, увидели

«силу разряжать аффекты, очищать душу», смягчать ярость души. «Когда утрачивалась нормальная напряжённость и гармония души, – читаем далее, – приходилось танцевать под такт певца – таков был рецепт этого врачевания. Им Терпандр утихомирив бунт, Эмпедокл унял бесноватого, Дамон очистил любострастного юношу...» («Весёлая наука», фраг. 84).

Коротко: два врача Ташлинской горбольницы – патологоанатом Моисей Наумович и терапевт Алексей Андреевич, смертельно рискуя, решают всё-таки нанести визит Киму Волошину (не то беглецу из ада, не то адскому слуге) с целью уговорить его уехать из города вместе с женой и дочерью и не творить больше ужасных дел, которых он натворил уже предостаточно (не по своей, впрочем, инициативе). Своим кредо, выведенным из кошмарного личного жизненного опыта, Ким как-то поделился с бывшим другом: «Любовь, доброта, великодушие – они жестоко наказываются, Лёшка. Жестоко и неизбежно».

Разговор, происходивший в доме Волошина, получился тяжёлым и нервным. Алексей пошёл «вразнос»; лицо Кима наливалось сине-багровой кровью, что предшествовало обычно какому-то психо-энергетическому удару, смертельно опасному для оппонента. Алексей уже чувствовал приближение гибели. И вдруг...

«И вдруг Моисей Наумович сорвался с места.

– Одну минуточку, одну минуточку!– завопил он пронзительным фальцетом. – Ким Сергеевич! Алексей Андреевич! Ну, погорячились, и будет! [...] Давайте я вас развлекаю немного.

Он сбросил свою шубёнку, засунул большие пальцы костлявых рук под мышки и запел, приплясывая:

Авраам, Авраам, дедушек ты наш!

Ицок, Ицок, старушек ты наш!

Иаков, Иаков, отец ты наш!

Хаиме, Хаиме, пастушок ты наш!

Чому ж вы не просите, чому ж вы не просите,

Чому ж вы не просите пана Бога за нас?»

Ким Волошин, раскрыв рот и выпучив свой единственный глаз, «слушал и смотрел, как пляшет старик, высоко вскидывая ноги в поношенных брючках и

старомодных суконных ботах». И Алексей ощутил, как смерть отдалилась и пропала. Атмосфера разрядилась. «И тогда Ким загоготал... Минут пять гоготал он... Отгоготавшись, он произнёс:

– Силён. Тут ты меня сократил, Мойша, спасибо тебе. Сам догадался? Или интуиция? Ведь ещё чуть-чуть...»

Ярость души Кима Волошина была смягчена, и на следующий день он с семьёй покинул Ташлинск навсегда.

* * *

Говоря о сугубом эстетизме «аристократического радикализма» Ницше, Томас Манн в своей известной статье «Философия Ницше в свете нашего опыта» (1947) указывал, что знаменитый философ всю свою сознательную жизнь проклинал пресловутого «теоретического человека», хотя сам являлся чистейшим образцом этого самого теоретического человека. «Его мышление, – писал Т.Манн, – есть мышление гения; предельно апрагматичное, чуждое какому бы то ни было представлению об ответственности за внушаемые людям идеи, глубоко аполитичное, оно в действительности не стоит ни в каком отношении к жизни...» Ведь Ницше, продолжал Манн, «ни разу даже не дал себе труда подумать над тем, что получилось бы, если бы его проповеди были претворены в жизнь и стали политической реальностью!» Поэтому, подводил итог немецкий писатель, «Ницше, в сущности чуждый политике, не может нести моральной ответственности за фашизм...»

Еще раньше Андрей Белый иронизировал: «Приводить Ницше к идеологии столь же благодарное занятие, как отыскивать смысл великой идеологии Канта в заржавленном переплете, которым были написаны последние страницы его «Критики», или в нюхательном табаке, которым мог пользоваться старик» («Символизм и философия культуры»).

И сам Ницше признавал: «Легко говорить о всякого рода аморальных поступках, но найдутся ли силы вынести их? Например, я не смог бы перенести, если бы я нарушил слово и убил: не знаю, как долго бы я мучился, но в конце концов умер бы от этого. Такова была бы моя участь».

Обратимся теперь к Стругацким: возьмём упомянутую выше книгу «Отягощённые злом, или Сорок лет спустя» – последнюю, написанную братьями вместе. Половина этого романа – рукопись «ОЗ» – представляет собой Третье литературное пришествие Христа (после Евангелий и «Легенды о Великом Инквизиторе»). Новопришелец не имеет ничего общего с первыми двумя (поэтому люди его не узнают и пугаются) и называется то Кузнецом, то Гончаром, то Птахом, то Ильмариненом и т.п., но преимущественно – Демиургом. Он всемогущ, но всемогущ ограниченно: всё, что создаётся им доброго, отягощено злом (точнее сказать, сопровождается злом – как правое левым, северный магнитный полюс – южным, аверс – реверсом и т.д.). Ему трудно, ибо он пребывает сразу во всех восьмидесяти с лишним измерениях нашего пространства, во всех четырнадцати параллельных мирах и во всех девяти извергателях судеб. Причём в этих иных реальностях здравствуют и действуют некоторые уже отжившие свой век в нашем мире персонажи (например, художник А.Шикльгруббер); а иные даже прорываются в нашу реальность (как один молодой человек – тощий, жалкий, услужливый, исполнительный... и проклинаемый как предатель вот уже две тысячи лет).

Цель появления Демиурга в перестроечном Советском Союзе не совсем ясна со стороны: не то подготовка Страшного суда, не то избавление мира от зла... Майору КГБ Михаилу Смирнову во время импровизированного «допроса» Демиург показал, что ищет Человека с большой буквы. Но об этом позже.

Демиург экспериментирует, в чём ему содействуют не только достойный своего шефа Агасфер Лукич Прудков – в миру агент госстраха, но и вполне «посюсторонний» помощник – кандидат (без пяти минут доктор) физико-математических наук, астроном Сергей Корнеевич Манохин, автор рукописи «ОЗ». Кроме этих двоих, в квартире ещё не заселённого дома, превращённой в «коммуналку», обитают и другие участники эксперимента, подобранные Демиургом по собственному произволу, – люди, мягко говоря, разные (в том числе и «перлы мироздания»), но имеющие свои мечты и планы улучшения нашего мира. Они принимают

посетителей, пишут меморандумы, докладные, наставления, рекомендации, замечания и представления. Плюрализм – полнейший. Зачем Демиургу понадобился этот бюрократический теремок? Дело в том, что время, в котором живёт астроном С.К.Манохин – это ещё «эпоха могущественных организаций», а Демиург, по его словам, «по старинке» всё возится «с отдельными фигурами».

Среди них есть и Матвей Матвеевич Гершкович (он же – Мордехай Мордехаевич Гершензон), ходатай за обиженных. «Он теоретик, – сообщает автор рукописи «ОЗ». – Он великий моралист-теоретик. В теории он беспощаден, жесток, непреклонен и мстителен безгранично. [...] Казалось бы, дай ему волю, и полмира насилья ляжет в дымящихся развалинах. Но не хватает целеустремлённости... Мешает природная незлобивость, а также врождённая убеждённость, что два взрослых человека всегда могут договориться между собой. Поэтому перехода от теории к практике не происходит у Матвея Матвеевича никогда. Если бы Матвею Матвеевичу хоть раз в жизни привелось бы воплотить в реальность хоть один из своих страшных лозунгов, я думаю, он перепугался бы до икоты, а может быть, и совсем бы умер от огорчения, что так нехорошо получилось». Почти как Фридрих Ницше! А его критическое отношение к христианству? Матвей Матвеевич убеждён: «Христианство исказило естественное течение человеческих отношений. Учение Христа о том, что надлежит любить врага своего и подставлять ему всё новую и новую щёку, это учение поставило человечество на грань катастрофы». Да это – почти цитата из «Антихристианина»! И всё же... Персонаж Стругацких – «моралист-теоретик», но его морализаторство в самом жёстком своём виде не выходит за рамки талиона («око за око, зуб за зуб»), а фантазии насчёт дымящихся развалин касаются всё же мира насилья. У Ницше – иное.

Вряд ли можно сомневаться в том, что лично сам философ и не пережил бы гипотетическое убийство им другого человека. Но, как указывал С.Л.Франк, в «формуле» Ницше: «человек есть нечто, что должно быть преодолено» содержится понимание того, что «истинно в человеке его высшее, «сверхчеловеческое» ... существо и что в этом

смысле природно-человеческое начало действительно должно быть преодолено и просветлено». И вот эта «правильная по существу тенденция напомнить человеку об его высшем, аристократическом, «сверхчеловеческом» происхождении и назначении, – продолжал Франк, – противоестественно оборачивается прославлением сверхчеловека как *животного высшей породы* или расы, причём мериллом высоты породы оказывается момент власти, жестокости, высокомерного аморализма; воплощением сверхчеловека становится не то ренессансный злодей Цезарь Борджиа, не то древний германец – «белокурая бестия». Так в мире идей совершается роковое, страшное событие: преодоление профанного гуманизма оказывается провозглашением *бестиализма*» («С нами Бог. Три размышления», 1941).

И когда читаешь панегирик во славу «сверхчеловека», который «после всех своих варварских подвигов гордо и с лёгкой совестью, точно после студенческой проделки, возвращается домой, даже не вспоминая, как он резал, жёг, пытал, насиловал», и сознаёшь, что писал это не начальник «эйнзатцгруппы D» Отто Олендорф, а большой поэт и мыслитель Фридрих Ницше, становится не по себе... Нельзя относиться к произведениям Ницше чрезмерно «облегчённо»: либо как к изошрённой софистике, либо как к собранию афоризмов на манер Козьмы Пруткова. Думается, нет ничего удивительного в «антиницшеанском повороте», начавшемся, как отмечает М.Булл, в 90-е годы XX века, когда в сборнике «Почему мы не ницшеанцы», вышедшем во Франции под редакцией Люка Ферри и Алена Ренана, было выдвинуто требование: «Мы должны перестать *интерпретировать* Ницше и начать ловить его на слове».

Отдавая должное сим намерениям, хочется, однако, заметить, что роль праведных антиницшеанцев сегодняшним «новым левым» вряд ли подходит, и непонятно, как и на чём они собираются «поймать» немецкого мыслителя. Как говорит доктор исторических наук Н.А.Нарочницкая, в Европе сейчас непозволительно даже говорить о ценностях – это неполиткорректно, и «вас немедленно зачислят в какие-то отступники, с которыми

нельзя иметь дело...» То, что происходит на Западе – это «кризис постмодернистской европейской идеи, – продолжает Наталия Нарочницкая, – выродившейся в историю безнравственного целеполагания», когда вместо демократии «происходит манипуляция элитами и обществом». В общем, не повезло Ницше как с поклонниками, так и с критиками. Сдаётся, причина этого в том, что, как писал К.Г.Юнг, «Ницше говорил наивно и неосторожно о том, о чём говорить не должно, говорил так, будто это было обычной вещью» («Воспоминания, сновидения, размышления»). От себя добавим, что немецкий философ, возможно, не столько проповедовал эзотерические и эпатажные идеи, сколько предчувствовал, предвидел и предсказывал (как и Достоевский!) события, перемены и потрясения, которым суждено произойти в будущем.

Нечасто персонажи Стругацких вспоминают Ницше. Причём цитирует и высоко его оценивает, как мы уже видели, Г.А.Носов, светило и гордость педагогики ХХI века (из другой, «параллельной» части романа – дневника Игоря Мытарина, его ученика: вполне откровенная аллюзия на булгаковского Иешуа Га-Ноцри и мытаря Левия Матвея при нём), а вот неважного мнения о немецком мыслителе и других «социальных дарвинистах» – адепт «философии неоптимизма» доктор Опир («Хищные вещи века»). Этот «прогрессивный философ» за обедом в ресторане делится своими взглядами с бывшим космонавтом Иваном Жилиным: «Я оглядываюсь назад и с горечью вижу, как слепы они были – потрясатели душ и властители умов недалёкого прошлого. Сознание их было омрачено беспрерывным ужасом... И Ницше... Может быть, он годился для голодных рабов фараоновых времён со своей зловещей проповедью расы господ, со своими сверхчеловеками по ту сторону добра и зла... Кому сейчас нужно быть по ту сторону? Неплохо и по эту, как вы полагаете?» Как-то топорно... В тонком понимании Ницше сытый «неоптимизм» доктора Опира не заподозришь.

Так какого же Человека ищет Демиург в провинциальном Ташлинске, и зачем он ему? После визита одного из

«докладчиков» со своими предложениями «Демиург произнёс не оборачиваясь:

– Все они хирурги или костоправы. Нет из них ни одного терапевта».

Итак, человеческая цивилизация зашла в тупик. Значит, она развивалась по неправильному пути. Европейская культура «больна». Это остро чувствовал и об этом писал Ницше. М.О.Гершензону, к примеру, он был «не по душе»: «Ницше силён только в криках боли да в описаниях культурной болезни, изнуряющей человечество, – делился он мыслями с Вяч. Ивановым. – Он, сам больной, нашёл возможность поставить прогноз болезни культуры, и на основании этого прогноза – законодательствовать грядущему» («Переписка из двух углов», 1920). В одном из своих эссе А. Кёстлер выдвинул гипотезу, согласно которой в какой-то момент биологической эволюции «что-то пошло не так», в процесс вкралась «инженерная ошибка», приведшая к тому, что последующая история человечества стала «параноидальной»; досадная ошибка влечёт человека к саморазрушению. Важнейший симптом болезни человека – разрыв между его разумом и эмоциями (В.В.Дудкин, «Достоевский – Ницше (Проблема человека)», 1994). Не в этом ли причина того, что Странники около сорока тысяч лет назад соорудили на одной планете в системе ЕН 9173 «саркофаг-инкубатор», в который были помещены тринадцать оплодотворённых яйцеклеток вида *хомо сапиенс* в латентном состоянии («Жук в муравейнике»)? Надо полагать, Странники заметили или предвидели «инженерную ошибку» и планировали использовать «подкидышей» для её исправления в далёком будущем. Они не подумали, что этой же проблемой, уже «на месте», будет заниматься сам Демиург; а может, просто забыли... Однако, мы отвлеклись.

Ницше не только объявил, что человек – это «болезнь земли»; он «отыскал» и неустанно обличал главного виновника болезни: «Нет ничего менее здорового во всей нашей нездоровой современности, чем христианское сострадание. *Тут-то* послужить врачом, неуступчивым, со скальпелем в руках, – *наша* обязанность, *наш* способ любить людей...» («Антихристианин», фраг. 7).

У Стругацких совсем не так: Демиургу нужен именно терапевт, а вовсе не хирург «со скальпелем в руках». И сострадание. – «Братья мои, подумал Румата. Я ваш, мы плоть от плоти вашей! С огромной силой он вдруг почувствовал, что никакой он не бог, ограждающий в ладонях светлячков разума, а брат, помогающий брату, сын, спасающий отца». Правда, в конце концов Румата взялся даже не за скальпель, а за меч – но опять же из сострадания к братьям, мордуемым «костоправами» дона Рэбы.

Демиург увидел Человека с большой буквы и «терапевта» в Георгии Анатольевиче Носове, руководителе Ташлинского педагогического лицея. Но дело в том, что Носов живёт уже в 2033 году, а Демиург со своими присными находится где-то году в 1989-м. И у Г.А.Носова к тому же – своих проблем несть числа: он – выдающийся, заслуженный, известный на всю страну педагог, готовящий в своём лицее учительскую элиту, народный депутат – вступил в конфликт с обществом. Странное это общество: какой-то перезрелый социализм, где есть демократия и правящая компартия, «неформальные» молодёжные объединения и комсомол, советская власть и наркомафия. Ему бы пора уже превратиться в долгожданный коммунизм, но для этого чего-то не хватает – наверное, как обычно, «сознательности» граждан. «Перестройка» затянулась, а до ХХIIвека с его Полуднем – ещё далеко. И вот это общество оказалось некоторым образом подчинено ницшеанской «социологии»...

Изложив народу своё «учение о сверхчеловеке», Заратустра предупредил аудиторию и о том, что приближается время «последнего человека» – нежелательной, невозможной альтернативы сверхчеловеку. Последние люди убеждены, что они нашли своё счастье. В чём же оно? Все равны, нет «ни бедных, ни богатых: то и другое слишком хлопотно». Некому и управлять: «Нет пастуха, одно лишь стадо!» И тут Заратустру «прервали крик и радость толпы. “Дай нам этого последнего человека, о Заратустра, – так восклицали они, – сделай нас похожими на этих последних людей! Тогда не нужен нам твой сверхчеловек!”»

В «Воле к власти» отмечается, что «стадо» противится возникновению как исключительно сильных, так и исключительно слабых: «Инстинкт стада *видит в середине и среднем* нечто высшее и наиболее ценное... ощущает *исключение*, стоящее как над ним, так и под ним, как нечто враждебное и вредное». «Стадо», таким образом, старается защитить себя и от тех, кто сверху, и от «вырождающихся (преступников и т.д.)».

...Вот почему «общественность» Ташлинска резко негативно и даже агрессивно настроилась как против Г.А.Носова и его лица («дворянского гнезда»), так и – особенно! – против так называемой Флоры – сообщества совершенно свободных, беззаботных и безработных, безалаберных молодых людей, обитающих где-то за городом и ведущих какой-то растительный образ жизни. Носов в городской газете пытается как-то объяснить феномен этих новых «хиппи» и успокоить общественность: «Флора – разновидность преступного мира? Вздор. Ничего общего, – убеждает он в своей статье. – Преступный мир паразитирует на нашей цивилизации, а Флора образует... свою собственную. Преступники вообще ближе к нам, чем Флора, – и по системе материальных ценностей, и по иерархии внешнего престижа. Дух цивилизации Флоры совершенно иной. Наши ценности для них – ноль. Их ценности для нас – за пределами нашего понимания, как кошачий язык». (Вот и пример радикальной «переоценки всех ценностей».) «Флора – это боль наша, наше страдание, – заклинает сограждан Г.А.Носов. – Может быть, это болезнь. Может быть, это гноящаяся рана. Но тогда нужен врач, профессионал, носитель знания и милосердия». И здесь нужен врач! А что же сам Георгий Анатольевич?! Дело осложнено тем, что «нуси» – предводитель «флюверов», их гуру – не кто иной, как сын Г.А.Носова. А врачи, как правило, избегают пользоваться родственников. «Часто уже сын оказывается предателем своего отца: этот последний понимает себя самого лучше, с тех пор как у него есть сын» («Весёлая наука», фраг. 9). Может быть, эта мысль Ницше «работает» в случае Носова и «нуси»?

Развязка двух историй, сведённых Стругацкими в одном романе, покрыта тайной, и нам приходится самим строить

домыслы. Куда же девался Г.А.Носов?[1] Был убит толпой «флорофобов» и ненавистников «дворянского гнезда». Судя по тому, что Игорь Мытарин – автор дневника, который должен был лечь в основу его отчёт-экзамена по теме «Учитель двадцать первого века», – в «Необходимых пояснениях» в самом начале романа дважды упоминает о «том страшном лете», для него самого и для других учеников Г.А.Носова конец истории 21 июля 2033 года был именно таким, трагическим. И хотя в «Необходимом заключении» тот же Игорь Мытарин рассказывает о появлении у костра утром 21 июля «чудаковатого и неуместного типа» (первая встреча «агента госстраха» с Носовым состоялась 17 июля, в лицее), Агасфер Лукич для него, по вполне «естественным» причинам, остался личностью совершенно не установленной: толстеньким, лысоватым, «в дурацком костюмчике с дурацким разбухшим портфелем под мышкой». Мытарин пишет в дневнике: «Они поговорили о чём-то. Коротко и невнятно». Запомнились Игорю лишь последние слова Носова: «Да перестаньте вы, в самом деле. Ну какой я вам терапевт? Я самый обыкновенный пациент...»

И в этом пункте происходит соединение двух сюжетных линий романа. Теперь уже в рукописи «ОЗ» (29) С.К.Манохин подхватывает тему: «А совсем уже к вечеру объявился Агасфер Лукич, и не один.

«Эссе хомо!» – провозгласил он, обнимая гостя за плечи и легонько подталкивая его ко мне. [...]

– Прошу любить и жаловать, – произнёс Агасфер Лукич весело. – Георгий Ана...» На этом рукопись «ОЗ» обрывается, и возникают вопросы, самый естественный из которых: как эта рукопись, которую Г.А.Носов передал И.Мытарину для облегчения его работы над отчёт-экзаменом, оказалась у самого Носова? На этот вопрос нет вразумительного ответа, а предложенное самим Георгием Анатольевичем объяснение (рукопись была найдена при сносе старого здания гостиницы-общежития) – нельзя считать убедительным и даже серьёзным, если заранее исключить «петлю времени» и прочую заумь.

Сама собою напрашивается версия [2]: Г.А.Носов избежал расправы; он был перенесён Агасфером Лукичом в

распоряжение Демиурга «в прошлое» и, возможно, изменил свою природу. Зачем в научной фантастике перемещаются из будущего в прошлое? Чтобы «скорректировать» настоящее! Ведь говорится же в «Необходимых пояснениях», что имя Г.А.Носова «словно бы взорвалось вдруг, сделавшись в одночасье едва ли не первым в списке носителей идей нашего века...» Это значит, что Г.А.Носов оказался не забыт, и что хотя его самого в это время (70-е годы ХХIвека) уже нет, есть его «имя» (при этом за «сорок лет» Учитель мог бы просто умереть и естественной смертью). Его повзрослевшие ученики с изумлением обнаруживают, что идеи их учителя спустя десятилетия оказались востребованными, они стали ведущими в педагогике и претворены в жизнь. Но самого Учителя в их настоящем давно уж нет, поскольку он был «унесён» в прошлое (то есть, для них – всё равно что умер) и остался там, как «генератор» этих идей.

А вот учитель Тенин будет применять педагогические методы Г.А.Носова в своей работе с обитателями 18-й комнаты Аньюдинской школы уже во второй декаде ХХIIвека («Возвращение. Злоумышленники»). И если бы Г.А.Носов не оказался в распоряжении Демиурга, не перенёсся бы из мутноватого 2033 года в смутный 1989-й, не было бы «Полудня», не было бы и того ХХIIвека, к которому мы так привыкли! Кстати, «Эссе хомо!» Агасфера Лукича напоминает нам «Ессе homo» Фридриха Ницше и подталкивает к проведению некоторых неоднозначных аналогий... 20 июля 2033 года визит первого секретаря Ташлинского горкома партии к Г.А.Носову закончился безрезультатно: хотя встреча в лицее прошла вполне корректно, «Первый» отказался поддержать Носова, сославшись на волю всего города, позицию первичных парторганизаций, комсомола и другие веские причины. И когда Первый и его референт покидали лицей, провожавший их Мытарин не выдержал – он назвал визитёров предателями, наговорил им дерзостей. Когда же один из «предателей» с искренним удивлением спросил Игоря: «Так ты что же – веришь во все эти его фантазии?», последовал честный ответ студента: «... К сожалению, нет. Умишка у меня не хватает в это поверить. Но я одно знаю: пусть это

фантазии, пусть это он даже ошибается, но его ошибка в сто раз грандиознее и выше, чем все ваши правильные решения. И в сто раз нужнее всем нам»...

Между прочим, в рукописи «ОЗ» С.К.Манохин допустил одну хронологическую неточность. Рассказывая о своих приятельских отношениях с водителем Гриней Быкиным, он утверждает, что сложились они с начала 60-х годов, «когда я был начальником, а он шофёром экспедиции, занимавшейся в Туркестане поисками места для установки Большого Телескопа». Из других записей известно, что С.Манохин родился в 40-е годы, и можно даже довольно точно установить, когда это произошло. Описывая своё рабочее место в Приёмной Демиурга, он сообщает, что нашёл в шкафу «табель ученика пятого «А» класса 328-й школы Манохина Сергея с оценками за первую четверть 1958 года...» Если это не его тёзка и однофамилец, что вряд ли, то С.К.Манохин родился в 1947 году, поэтому в начале 60-х годов быть начальником экспедиции он никак не мог ввиду своего несовершеннолетия; скорее всего, было это уже в начале 70-х. Эта мелкая ошибка, описка – несущественна и, разумеется, не может служить поводом для сомнений в достоверности рукописи «ОЗ» в целом.

* * *

«Кто умеет повелевать, кто должен повиноваться – *это испытывается там!* Ах, каким долгим исканием, удачей и неудачей, изучением и новыми попытками!

Человеческое общество: это попытка, так учу я, – долгое искание; но оно ищет повелевающего! –

– попытка, о братья мои! Но *не «договор»!* («Так говорил Заратустра»).

А теперь – «Град обреченный». Снова эксперимент над людьми. Разноязыких участников Эксперимента «выдёргивают» из критических ситуаций их реальной жизни в разные времена XX века и вынуждают участвовать в ролевой игре – иной жизни. И хотя в повести подробнейшим образом описан труд и быт мусорщиков и представителей других непрестижных профессий, хотя высказываются самые разные предположения о природе Наставников и о целях самого Эксперимента, всё повествование

пронизывает «философия власти», хотя, как считает Андрей Воронин, «лучше о бабах думать, чем об этой ерунде» Но это уже, скорее, позиция авторов повести...

Эксперимент есть Эксперимент, и цель его, как полагал Андрей Воронин, когда был ещё мусорщиком, – «продолжать дело Сталина в совершенно других условиях, в необычных, в непредусмотренных никакой теорией...» Оказалось же, что Эксперимент – это прежде всего отбор!

«– Нам ведь нужны не всякие люди. Нам нужны люди особого типа», – сказал Наставник следователю Воронину.

– Какого? – спросил Андрей.

– Вот этого-то мы и не знаем, – сказал Наставник с тихим сожалением. – Мы знаем только, какие люди нам не нужны». Оказалось, не нужны такие, как Иосиф Кацман... От самого же Андрея требуется вовсе не понимание, а нечто совсем иное.

«– Что?!

– Если бызнуть...» («Ну и ответы», – подумал бы на месте следователя Воронина дон Румата!)

«– Но ведь всё это во имя большинства? – спросил Андрей почти с отчаянием.

– Конечно, – сказал Наставник. – Во имя тёмного, забитого, ни в чём не виноватого, невежественного большинства...

– Которое надо поднять, – подхватил Андрей, – просветить, сделать хозяином земли! Да-да, это я понимаю. Ради этого можно на многое пойти...»

В общем, Наставник остался доволен Андреем: «Не ошибается только тот, кто ничего не делает, – сказал он. – Не ошибки опасны – опасна пассивность, ложная чистоплотность опасна, приверженность к ветхим заповедям! Куда могут вести ветхие заповеди? Только в ветхий мир».

Выходит, мусорщик Воронин был прав! Какой уж там «договор»? «Отбор», о котором тянул речь Наставник, есть не что иное, как «кадровая политика», а невнятные порой ответы на вопросы следователя Воронина объясняются тем, что Наставник вынужден лавировать между ницшеанством и большевизмом. Известно, что Ницше, с его индивидуалистическим и радикально-аристократическим

идеалом сверхчеловека, был страстным врагом демократов и социалистов. Это не помешало, однако, последним оказаться под его влиянием, и недаром Г.В.Плеханов называл В.И.Ленина и его сторонников ницшеанцами и сверхчеловеками. А в разговор следователя Воронина с Наставником можно было бы вставить в виде реплики едкое замечание Ницше в адрес социалистов: «Если хотят цели, то должны хотеть и средств: если хотят рабов, то надо быть дураками, чтобы воспитывать их для господства» («Сумерки идолов»).

Уже став «господином советником» и возглавив операцию «Зигзаг», экспедицию по поиску Антигорода, рассуждая о «философии власти», Воронин убеждает сам себя: «Право на власть имеет тот, кто имеет власть. А ещё точнее, если угодно, – право на власть имеет тот, кто эту власть осуществляет. Умеешь подчинять – имеешь право на власть. Не умеешь – извини!..»

В финале операции «Зигзаг» участвуют двое – Андрей Воронин и его приятель, «ненужный» Изя Кацман. Они спорят о значении элиты, или «творческого меньшинства», как у А.Тойнби. «История большинства имеет конец, – говорит «элитарист» Изя, – а вот история меньшинства закончится только вместе со Вселенной». Эгалитарист Андрей считает, что «всякая элита – это гнусно».

«...Ну, извини! – возразил Изя. – Вот если бы ты сказал: «всякая элита, владеющая судьбами и жизнями других людей, – это гнусно», – вот тут бы я с тобой согласился. А элита в себе, элита для себя самой – кому она мешает? Она раздражает – до бешенства, до неистовства! – это другое дело, но ведь раздражать – это одна из её функций... А полное равенство – это же болото, застой. Спасибо надо сказать матушке-природе, что такого быть не может – полного равенства...»

Ницше решительно выступал против всех форм равенства; иерархия была для него высшим законом самой жизни. В «Антихристианине» (фраг. 57) философ заявлял: «...Неравенство прав – первое условие для того, чтобы существовали права... Право – значит преимущественное право, привилегия. У всякого своё бытие – и свои преимущественные права. Не будем недооценивать права

посредственностей». Иерархия, по Ницше, должна пронизывать как антропологическую, так и социальную сферы: «Высокая культура, – писал он, – всегда строится как пирамида: основание широко, предпосылка целого – консолидированная, крепкая и здоровая посредственность. [...] Для посредственности быть посредственностью счастье. [...] Совершенно недостойно сколько-нибудь глубокого ума видеть в посредственности, как таковой, некий упрёк. Посредственность сама по себе есть *первое* условие того, чтобы существовали исключения, – посредственностью обусловлена культура в её высоком развитии».

Ну, а если посредственности – избыток? Президент Гейгер встревожен состоянием литературы и искусства: «В городе миллион человек. Больше тысячи числятся литераторами. И все бездары. [...] Писателей выдающихся нет... Художников – нет. Композиторов – нет...» Скульпторов, архитекторов и киношников – тоже нет. «Я слышал, – продолжает Гейгер, – что в каждом порядочном обществе всё это есть. А раз у нас этого нет, значит, что-то не в порядке». Опять же, можно сослаться и на Ницше, который полагал, что «существование мира может быть *оправдано* только как эстетический феномен» («Рождение трагедии...»). Но, с другой стороны, зачем нужны лишние хлопоты? – сеет зерно сомнения Изя Кацман (это было ещё до операции «Зигзаг»): «Ну, появятся у тебя талантливые писатели, ну, начнут они тебя костерить в своих гениальных произведениях... И пойдут у тебя самые неприятные неприятности. Сначала ты будешь их уговаривать, потом начнёшь грозить, потом придётся тебе их сажать...»

Но президент не сдаётся: «Да почему это они будут меня обязательно костерить? – возмутился Гейгер. – А может быть, наоборот, – воспевать?» Однако Кацман безжалостен: «Нет, – сказал Изя. – Воспевать они не станут... великие писатели... всегда брюзжат. Это их нормальное состояние, потому что они – это больная совесть общества, о которой само общество, может быть, даже и не подозревает». Последняя попытка Гейгера спасти игру: «На то он и писатель, чтобы врачевать язвы...» – «Сроду писатели не врачевали никаких язв, – возразил Изя. – Больная совесть просто болит, и всё...» И правда, какое там врачевание,

если сам «Ницше выбрасывает из себя запёкшиеся куски крови и жёлчи, раскрывает свою истерзанную душу...», как писал С.Н.Булгаков («Размышления о национальности», 1910).

Вернёмся, однако, к участниками экспедиции, Воронину и Кацману. Они спорят о храме культуры. «Всё лучшее, что придумало человечество за сто тысяч лет, всё главное, что оно поняло и до чего додумалось, идёт на этот храм», – говорит Изя. Храм этот и напоминает ницшевскую «пирамиду», и отличается от неё. Он неотделим от «стада самоедных свиней» и «немыслим без него». А разве сами строители этого храма, язвительно спрашивает Изя, – не свиньи? – «Господи, да ещё какие свиньи иногда!..» Но для нас сейчас – не это главное, а те символические объекты, которые встречаются героям повести на их пути. Это, прежде всего, Хрустальный Дворец. Известно, что как «хрустальный дворец» представлял социалистическое общество Достоевский. Именно в Хрустальном Дворце Изя написал «Путеводитель по бредовому миру» и размножил его на диковинном копировальном автомате. Позднее Андрей размышлял: «Нормальный человек, как до Хрустального Дворца дойдёт, так там на всю жизнь и останется... Как в Хрустальном Дворце, я никогда ещё не жил и жить больше не буду... Ну хорошо – Изя... А если бы не было со мной Изи – ушёл бы я оттуда или остался? Вопрос!..»

А потом Изя решает соорудить «малый храм»: над конвертом, в котором, как послание потомкам, запечатаны несколько экземпляров «Путеводителя по бредовому миру», друзья воздвигают пирамиду высотой метра полтора. Её Изя в довершение дела полил ядовито-красной краской. Многозначительная символика!..

Вяч. Иванов писал М.О.Гешензону из своего «угла»: «Ницше... лишний раз засвидетельствовал, что путь освобождения личности есть путь ввысь и вглубь, движение по вертикали. Опять обелиск, опять пирамида!» У Стругацких же появляется новый замысел сверхчеловека – в духе идеи «вертикального прогресса», которую, судя по всему, развивал член Всемирного Совета Геннадий Комов,

бывший когда-то одним из обитателей 18-й комнаты Аньюдинской школы.

В центре повести «Волны гасят ветер» – Тойво Глумов, инспектор КОМКОНа-2, сам бывший прогрессор, сын Майи Глумовой (помните трагедию Льва Абалкина?), женатый на Асе Стасовой. Под пристальным наблюдением начальника отдела ЧП, пожилого уже Максима Каммерера, Т.Глумов в течение нескольких лет искал на родной планете таинственных и неуловимых Странников, которые, по его глубокому убеждению, выполняют на Земле примерно ту же работу, что и прогрессоры-земляне на «отсталых» планетах Галактики.

Уверенность Тойво ещё более окрепла после его ознакомления с Меморандумом доктора Айзека П. Бромберга о планируемой и управляемой эволюции разума по пути к Монокосму. Каждый новый индивид Монокосма, говорится в Меморандуме Бромберга, «возникает как произведение синкретического искусства: его творят и физиологи, и генетики, и инженеры, и психологи, эстетика, педагоги и философы Монокосма». (У Ницше была внешне схожая идея – в духе его, ставшего одиозным, плана выведения расы господ: новая «аристократия, в которой воле философов насилия и тиранов-художников будет дана закалка на тысячелетия», возьмёт «судьбы Земли в свои руки, чтобы над самым созданием «человек» поработать, как художник над произведением искусства». Но эта «песня» оказалась фальшивой: «Раса невежественных господ, невразумительно бормочущих что-то о воле к власти, в конце концов приписала ему «антисемитское безобразие», которое Ницше всегда презирал», – как заметил А.Камю. Напомним, что Ницше считал полезным и справедливым «выгнать из страны антисемитических крикунов». – «По ту сторону добра и зла», фраг. 251.) Бромберг так мотивировал вероятный интерес Странников к земной цивилизации: «Мы движемся, а следовательно – мы можем ошибиться в выборе направления движения». В этом случае Странники вмешаются и подкорректируют наше движение, с тем чтобы можно было выделить и приобщить созревших для этого индивидов к Монокосму, то есть Космическому Разуму.

Одержимость Тойво Глумова в поисках и «разоблачении» агентов Странников на Земле становится сродни «синдрому Сикорски», видевшего в «подкидышах» лишь опасные для человечества «автоматы Странников». Даже любимая жена его Ася не может понять, почему это плохо, если Странники вмешиваются в жизнь землян:

«... – Почему, когда ТЫ спрямлял историю других миров – это было хорошо, а когда некто берётся спрямлять ТВОЮ историю... Ведь сегодня любой ребёнок знает, что сверхразум – это обязательно добро!

– Сверхразум – это сверхдобро, – сказал Тойво.

– Ну? Тем более!

– Нет, – сказал Тойво. – Никаких «тем более». Что такое добро – мы знаем, да и то не очень твёрдо. А вот что такое сверхдобро... [...] Мы боимся, что они начнут творить здесь добро, как ОНИ его понимают! [...] Странники пришли без спроса, это раз. Они пришли тайно, это два. А раз так, то подразумевается, что они лучше нас знают, что нам надо, – это раз, и они заведомо уверены, что мы либо не поймём, либо не примем их целей, – это два. И я не знаю, как ты, а я не хочу этого». (Такая постановка проблемы – добро и сверхдобро – заинтересовала бы, наверное, самого Ницше.) Запомним эту позицию Тойво Глумова! Она – свидетельство того, как много значат для человека его суверенитет и свобода выбора.

На деле же оказалось, что представителей сверхцивилизации Странников на Земле нет (как и предполагал Максим Каммерер), зато есть «аборигены»-чужаки, окопавшиеся в Харькове, в так называемом Институте Чудаков – филиале Института метапсихических исследований. Они-то и занимались (тайно!), используя иногда аморальные и даже жестокие приёмы, отбором «своих» – обладателей «третьей импульсной системы» – и доведением их до состояния метагома, или «людена». Одним из «акушеров» новой «расы» был давний приятель Каммерера – Даниил Логовенко. Кстати, людены добились отмены закона об обязательной биоблокаде под предлогом того, что она может оказывать неконтролируемое влияние на генотип человека. Это была уловка, так как на деле метагомам мешал лишь второй этап фукамизации –

растормаживание гипоталамуса, которое приводило к разрушению третьей импульсной системы.

Когда Каммереру посредством тонкой контрразведывательной операции удалось «разоблачить» деятельность зарождающейся в недрах процветающего и ничего не подозревающего человечества новой цивилизации метагомов (по сути, сверхлюдей), произошло Большое Откровение – встреча и разговор начистоту («собеседование») членов Всемирного Совета Л.А.Горбовского и Г.Ю.Комова с замдиректора Института Чудаков Д.А.Логовенко, состоявшаяся 14 мая 2199 года в «Доме Леонида» (Краслава, Латвия). Вот краткое содержание Большого Откровения:

- людены – не люди, хотя и «рождены людьми и от людей». Людены – не результат биологической революции, они появились потому, что человечество достигло определённого уровня социотехнологической организации (Логовенко);

- третья импульсная система, активизация которой ведёт к превращению человека в лудена, обнаруживается с вероятностью не более одной сотысячной (Логовенко);

- отличие лудена от обыкновенного человека огромно. Один из «уровней» лудена – человеческий (когда отличие его от людей – только в сознании, что он не такой, как они). На других уровнях всё другое – другое сознание, другая физиология, другой облик (Логовенко);

- человечество раскалывается на «высшую» и «низшую» расы – что может быть отвратительней? Отсюда – тайна (Логовенко);

- выход один: метагомы (людены) должны покинуть Землю (Комов);

- в подавляющем своём большинстве людены на Земле не живут. Все их интересы, вся их жизнь – вне Земли (Логовенко);

- самое страшное, что раскол проходит через семьи, через дружбы... Это трагедии (Логовенко, Горбовский);

- интересы метагомов и землян не пересекаются, сотрудничество между ними вряд ли возможно (Комов, Логовенко);

- если допустить, что Земле и человечеству будет угрожать опасность, людены придут на помощь не задумываясь, и всей своей силой (Логовенко);

- это вертикальный прогресс в чистом виде, за который так ратовал Комов. Человечество, разлившееся по цветущей равнине под ясными небесами, рванулось вверх. Рванулось, но не всей толпой – человечество всегда уходило в будущее ростками лучших своих представителей (Горбовский);

- резюме пессимистическое: «И тех, кто меня уничтожит, встречаю приветственным гимном...» (Комов, по В.Брюсову);

- резюме оптимистическое: «И тех, кто меня обгоняет, провожаю приветственным гимном...» (Горбовский).

Хотя Откровение и было громко названо «большим», оно оказалось лишь частичным, так как в фонограмме «собеседования» позднее обнаружилось лакуны общей длительностью 58 с половиной минут – запись в этих местах была полностью уничтожена, сработала «цензура» метагомов: «простым смертным» кое-какие вещи знать пока (а может быть, и вообще) не следует.

Когда же выяснилось, что и у самого Тойво Глумова имеется «третья импульсная» (о чём ему сказал сам Каммерер уже после Большого Откровения), началась борьба человека с потенциальным люденем. В разговоре с Каммерером, который делает отчаянную попытку «завербовать» Глумова, пока тот ещё не стал метагомом, Тойво уверяет шефа, что даже не собирается менять свою человеческую сущность: «Я человек, – говорит он Максиму, – и я не хочу быть никем другим. Я не хочу смотреть на Вас сверху вниз. Я не хочу, чтобы уважаемые и любимые мною люди казались мне детьми»... Но затем, после почти двухчасовой беседы с Логовенко, настроение Глумова меняется, его убеждённость поколеблена. В послании Каммереру Тойво сознаётся: «Враг рода человеческого нащёптывает мне, что только полный идиот способен отказаться от шанса обрести сверхсознание и власть над Вселенной». Но ему страшно. Он абсолютно уверен: «Как только они превратят меня в людена, ничего... человеческого во мне не останется». А это равнозначно

предательству тех, кого он любит: жены, матери, товарищей. Превращение в людена, включает Глумов, «гораздо хуже смерти, потому что для тех, кто меня любит, я останусь живым, но неузнаваемо отвратным. Спесивым, самодовольным, самоуверенным типом. Вдобавок ещё и вечным, наверное».

Многие герои Стругацких подчёркнуто антиэлитарны: это, как мы уже видели, и Андрей Воронин во «Граде обреченном», и Виктор Банев в «Гадких лебедях» («ненавижу всяческую элиту»); это, наконец, и сам Тойво Глумов («я – человек непрестижный, как вам хорошо известно, и не терплю элиты ни в каком обличье»). Но когда речь зашла об обретении власти над Вселенной, – дрогнул даже стойкий Тойво. И стал 433-м люденом, обитающим и играющим на Земле и в Космосе. Да, люденны способны быть людьми (как и Демидург в «Отягощённых злом»), но человеческий облик, или «уровень», для них «крайне утомителен»...

В виде компенсации, или бонуса, что ли, Логовенко поведал Глумову, а тот передал Каммереру, что главная задача люденов в отношении своей «колыбели» – человечества – «стоять на страже», поскольку период стационарного развития цивилизации заканчивается и близится эпоха биосоциальных и психосоциальных потрясений (ещё бы!) – этакое «малое откровение»...Значит, Тойво забыл о своей «человеческой позиции», о своих сомнениях относительно «сверхдобра», высказанных в споре с Асей! Да он и Асю-то забыл... Теперь люденны – хранители, носители «чуда», тайны и... Может быть, у земного человечества всё же хватит сил устоять перед магией «триады» Великого Инквизитора?

Итак, Тойво Глумов отрёкся от всего «земного» и стал метагомом, сверхчеловеком. «Что делает отрекающийся?» – спрашивает Ницше в «Весёлой науке» (фраг. 27). И отвечает: «Он стремится к более высокому миру, он хочет улететь дальше и выше, чем все положительные люди, – он *отбрасывает прочь многое*, что отягчило бы его полёт, и, между прочим, многое, что ему дорого и мило: он жертвует этим своему стремлению ввысь». Почтию том же пишет с горечью Геннадия Кому его 98-летний школьный друг

Атос: «Они уходят, мой Капитан. Они уходят несчастные и оставляя за собой несчастных. Человечность. Это серьёзно. [...] И теперь, мой Капитан, когда они ушли и не вернуться больше, мы все теперь вздохнули с облегчением. Или с сожалением? Я не знаю. А ты?»

А что бы сделали мы, если бы всё это было с нами, и взаправду?

Владимир Ханан *Чрезвычайный
и Полномочный посол Республики
Ужупис в Иерусалиме*

RESPUBLIKA UZUPIS

Общее дело вильнюсского заречья

Вряд ли даже среди знатоков географии найдётся в наших палестинах пара человек, могущих указать на карте Европы Республику Ужупис. А между тем этой республике уже двенадцать лет.

Впервые я посетил её территорию – до провозглашения суверенитета было ещё далеко – в тысяча девятьсот шестьдесят третьем году, когда в первый раз приехал в Вильнюс, столицу советской Литвы. Приехал – и влюбился. Тогдашний Вильнюс притягивал необычным для советского пространства сочетанием подлинного, нестилизованного Средневековья и современной, оригинальной по стилю архитектуры. И, быть может, всего более смесью разных культур. Здесь прекрасно уживались литовская, помеченная именами Донелайтиса и Чюрлёниса, польская, отмеченная именами Адама Мицкевича, называвшего Литву своим сердцем, а Вильнюс – духовной столицей, и Чеслова Милоша, Нобелевского лауреата, воспевавшего Вильнюс в своих стихах и прозе. И, наконец, культура еврейская, отмеченная именами Вильнюсского Гаона, десятков авторитетнейших раввинов и писавших на идише поэтов – богоборцев. Здесь же жили политэмигранты, начиная с князя Курбского, религиозные русские диссиденты – раскольники, а также деятели и зачинатели белорусской национальной культуры.

Но я отвлекся. Тогдашняя территория теперешней Республики Ужупис (на русском – Заречье) представляла собой неказистую окраину города, отделённую от более фешенебельных кварталов быстрой речушкой Вильняле, где селился люд малого достатка - ремесленники, мелкие торговцы, не всегда законопослушная беднота. Современный Ужупис по-прежнему состоит из узеньких кривых улочек с одно- двухэтажными домами, сегодня, однако, любовно отреставрированными, а литовцы –

признанные знатоки и мастера этого дела. Дома и квартиры, которые в недалёком прошлом стоили гроши, сегодня продаются и сдаются по космическим ценам. Но дух старого Заречья – Ужуписа (уж – за. Упе – река) и его провинциально тёплая атмосфера сохранились в первозданном виде. Не зря самые дальновидные из вильнюсских художников обосновались здесь с незапамятных времён.

В октябре этого года я приехал в Вильнюс после тринадцатилетнего – срок моей жизни в Израиле – перерыва. За это время Вильнюс очень изменился. Тринадцать лет назад, когда я приезжал прощаться, он трудно, но радостно освобождался от советского прошлого, примеряя на себя новые (современные по форме и национальные по содержанию) одежды. Сегодня Вильнюс – настоящая европейская столица, одна из несомненных жемчужин Средней Европы.

Но вернёмся к молодой республике. Вот краткая справка из замечательного русскоязычного журнала «100 путей», уже, правда, прекратившего, по материальным обстоятельствам, своё существование:

«Ужупис – уникальное государство в государстве.словно живописный и густонаселённый остров, отделённый от города речкой Вильняле, где всё ещё жив дух подлинной романтики, где процветают терпимость, искрится творческая энергия, фонтанирует вдохновение, «делается» искусство, отвергаются табу и стереотипы»

День, в который я приехал, оказался последним днём международного поэтического фестиваля, проходившего в литовском городе Друскининкай. Мой старый друг – вильнюсский поэт и переводчик Виталий Асовский - повёл меня в Ужупис, в кафе, к слову сказать, необыкновенно красивое и уютное, с деревянной террасой над текущей прямо под ней Вильняле, в котором проходил последний день фестиваля. Литовские поэты читали свои – увы, не слишком понятные мне – стихи (за время отсутствия мой и без того бедный литовский обеднел ещё больше), мы прихлёбывали потрясающее по вкусу литовское пиво, и Виталий рассказывал мне накопившиеся новости и знакомил с участниками фестиваля. Там я имел ещё одну возможность убедиться в том, что наша маленькая страна Израиль занимает непропорционально большое место в общемировом сознании: мексиканский поэт, американский

литературовед и литовский прозаик, узнав, откуда я приехал, приветствовали меня словом «шалом», а по окончании официальной части вечера также известным им словом «лехаим».

Среди этой разноязыкой, весело болтающей и неслабо пьющей публики я встретил старого приятеля Томаса Чепайтиса, внука знаменитого кинорежиссёра Трауберга и сына известной переводчицы Натальи Трауберг. Как тут же выяснилось, неотразимый Томас, к слову сказать, изучавший иврит и неплохо на нём изъясняющийся, является ни много ни мало Министром Иностранных дел Республики, по каковой причине уже через час я – впервые используя «связи», «блат», назовите как хотите - был провозглашён (назначен) Чрезвычайным и Полномочным послом Республики Ужупис в Иерусалиме. Меня представили публике, я смущённо кланялся, торжественный момент снимали несколько кинокамер – я не исключаю растерянность и недоумение в дипломатических кругах некоторых государств.

А ещё через две недели состоялось торжественное мероприятие (совпавшее с днём рождения Президента), где я был представлен как ему самому (по основной специальности кинорежиссёру - Ромасу Лилейкису), членам Совета министров, получил удостоверяющие мой высокий ранг документы и произнёс «инаугурационную» речь.

**ПРИЛОЖЕНИЕ КОНСТИТУЦИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЖУПИС**

Принята в 1998 году

1. Человек имеет право жить возле речки Вильняле, а речка Вильняле - протекать возле человека.
2. Человек имеет право на горячую воду, отопление зимой и черепичную крышу.
3. Человек имеет право умереть, но это не вменяется ему в обязанность.
4. Человек имеет право ошибаться.
5. Человек имеет право быть одним-единственным.
6. Человек имеет право любить.
7. Человек имеет право не быть любимым, но необязательно.
8. Человек имеет право не быть великим и известным.
9. Человек имеет право лениться или ничего не делать.
10. Человек имеет право любить кошку и заботиться о ней.
11. Человек имеет право присматривать за собакой до конца жизни одного из них.
12. Собака имеет право быть собакой.
13. Кошка не обязана любить своего хозяина, но в трудный час должна ему помогать.
14. Человек имеет право иногда не знать, есть ли у него обязанности.
15. Человек имеет право сомневаться, но это не вменяется ему в обязанность.
16. Человек имеет право быть счастливым.
17. Человек имеет право быть несчастным.
18. Человек имеет право молчать.
19. Человек имеет право верить.
20. Человек не имеет права на насилие.
21. Человек имеет право осознавать своё ничтожество и величие.
22. Человек не имеет права покушаться на вечность.
23. Человек имеет право понимать.
24. Человек имеет право ничего не понимать.
25. Человек имеет право быть разных национальностей.
26. Человек имеет право справлять или не справлять свой день рождения.

27. Человек обязан помнить своё имя.
28. Человек может делиться тем, что имеет.
29. Человек не может делиться тем, чего не имеет.
30. Человек имеет право иметь братьев, сестёр и родителей.
31. Человек может быть свободным.
32. Человек отвечает за свою свободу.
33. Человек имеет право плакать.
34. Человек имеет право быть непонятым.
35. Человек не имеет права обвинять других.
36. Человек имеет право на частную жизнь.
37. Человек имеет право не иметь никаких прав.
38. Человек имеет право не бояться.
39. Человек имеет право с наступлением холодов улететь вместе с дикими гусями в тёплые края.
40. Человек имеет право нырять, как утка, в водах жизни.

НЕ ПОБЕЖДАЙ, НЕ ЗАЩИЩАЙСЯ, НЕ СДАВАЙСЯ

Составители Ромас Лилейкис, Томас Чепайтис.

Маленькое примечание: на одной из уличных стен полный текст Конституции выбит на пяти языках - идише, литовском, белорусском, русском, эсперанто. Имеется также на французском, немецком и английском.

Эдуард Бормашенко

ФИЛОСОФСКИЕ ИТОГИ XX ВЕКА

Часть I

Архэ под обломками великих философских систем.

XX век вместил столь многое, что попытка осознать, что же именно в нем произошло, представляется попыткой объять необъятное. Я имею в виду не исторический водоворот, пронесшийся над Земным Шаром, снесший империи и перекроивший карту мира, но события в области мысли, философии, осознании человеком мира и своего места в мире. XX век не в меньшей мере перештыковал карту разума; милые споры интеллектуалов XIX века кажутся не то чтобы малоинтересными, но малозначительными. Масштаб произошедшего столь огромен, что остается только прикрывать глаза, защищаясь от происходящей антропологической катастрофы. Но философия – это попытка жить с открытыми глазами. За работу, товарищи.

Несмотря на громадную плотность событий мысли, XX век удобно разграничивает эпохи: это последний век докомпьютерной эпохи. Искусственный интеллект коснулся двадцатого столетия на самом его излете. Появление компьютера имеет громадное самостоятельное философское значения, но мы его оставим в стороне. Компьютерный век для нас еще не наступил.

А начнем мы с того, что на протяжении XX века упало до нуля значение великих универсальных, философских систем, учений. XIX век оставил в наследство двадцатому веру в великие интеллектуальные системы. Дарвинизм, марксизм, классическая механика, толстовство - были теориями всего. Все эти сверхконцепции опирались на

человеческий разум, на людскую наблюдательность и способность обобщать, а не на священные тексты. Это означало, что наступила эра науки. До сих пор слова «научно обосновано» зачастую произносятся с той же интонацией, с которой конан-дойлевская миссис Хадсон сообщила: «но это же написано в Таймс».

Многие из этих теорий, например, теории Лафатера и Ломброзо, оказались полным бредом. Забавно, что основатель глобальной теории всего, эволюционной биологии, Чарльз Дарвин едва не пострадал от другой мегатеории - бредней Лафатера. Лафатер твердо настаивал на том, что весь без остатка характер написан на человеческом лице. Исходя из бюста Сократа, едва ли достоверного, Лафатер обнаруживал в изображении задатки глупости, сластолюбия, пьянства и зверства, впрочем, укрощенных усилием воли.

Капитан «Бигля» Фицрой, поклонник Лафатера, не хотел брать Дарвина на борт из-за формы его носа. Будучи человеком просвещенным и образованным, капитан полагал, что существует связь между характером человека и чертами его внешности, и поэтому Фицрой сомневался, что человек с таким носом, как у Дарвина, мог обладать энергией и решимостью, достаточными для того, чтобы совершить путешествие. Вера в великие учения была свята.

Эту веру XIX век завещал двадцатому. Марксизм, фрейдизм и теория относительности были теориями всего. Неудача великого марксистского плана, истреблявшего СССР и в нем же запоротого, и появление квантовой механики слегка пошатнули авторитет Маркса и Эйнштейна. Держится пока только фрейдизм, всепроникающий и неопровержимый. Троцкий даже пытался скрестить марксизм с фрейдизмом. Оставалось привить на это дерево только теорию относительности. И тогда бы вылупилось совсем уж всеобъемлющее гранд-учение. Но Иосиф Виссарионович ледорубом разрубил этот философский узел, а потом куда-то ушла, выветрилась, стекла в канализацию потребность в подобных мегатонных концепциях.

Попытаемся понять причины популярности мега-теорий. В XIX веке обрисовался кризис мировых религий. Тонкий проницательный мыслитель Авраам Иегошуа Гешель справедливо писал о том, что нелепо обвинять науку в подрыве авторитета религии. Религия сама по себе стала пресна, скучна, неинтересна. Религия перестала отвечать на ключевые вопросы бытия, но жажда абсолютного в душе человека осталась. И эту жажду утоляли глобальные концепции, претендовавшие быть не наукой, но мировоззрением. Марксизм, фрейдизм, толстовство, научная вера в понедельник, начинающийся в субботу, были универсальными мировоззрениями.

Двадцатое столетие изрядно потрепало супертеории, и тогда ожили затаившиеся на время религии. Религиозный ренессанс особенно заметен именно там, где покачнулись марксизм и вера в науку. Хорошие примеры – Россия и Израиль, сегодня думающий человек в России и Израиле либо более или менее ортодоксально верующий, либо постмодернист, равно иронически относящийся к марксизму, толстовству и теории относительности. Общие, научные теории всего не востребованы. А ведь всего сто лет назад за них шли на Голгофу в самом прямом и тесном смысле слова.

Показательна судьба феноменологии Гуссерля. Феноменология претендовала быть универсальной онтологией, восходящей из «всеобъемлющего единства сущего», и, будучи строжайше обоснована, должна была доставлять обоснование всем прочим наукам, познанию вообще. Феноменология звала «назад к вещам» и призывала окончательно избавиться от всякой случайности. Квантовая механика нас научила, что вещей вне их символической, математической интерпретации не существует, а случайность можно изгнать из мира только вместе с самими вещами. Кто сегодня помнит о феноменологии Гуссерля, кроме дюжины философов, пишущих о нем диссертации? А ведь феноменология претендовала быть

сверх-знанием, идеалом науки. А разделила судьбу марксизма и толстовства. И все-таки история учения Гуссерля дает повод задуматься о поразительном преломлении монотеизма в XX веке. Монотеизм через христианство и ислам покорил мир. Но новую жизнь и новое дыхание он обрел в науке и философии XX века. Гуссерль и Эйнштейн были фанатиками монотеизма. *Мир обязан быть* един (кому обязан?). За всем разнообразием природных явлений *должен* скрываться принцип, объединяющий его. Все супер-теории были монотеистичны, и зачастую более единобожны, чем мировые религии. Все искали *ρχή* (*архэ*) – первопринцип, первоэлемент, из которого раскручивается наличное бытие. Но век закончился иначе. Интерес к *архэ* угас. Наступила эпоха нового язычества.

Стоит поговорить о судьбе толстовства. Толстовское учение было необычайно популярно в начале XX века, и не только в России. Сегодня о нем мало кто помнит. Какие-то осколки толстовского зеркала задержались в глазах сегодняшних вегетарианцев, борцов с прививками и пестицидами. Но толстовство как система, теория жизни, прочно забыто. Скептический, рациональный ум Толстого отрицал евангельские чудеса. И он попытался их заменить добрыми делами, опрощением и предельным отказом от насилия. Толстой был совершенно убежден в том, что его учение разумно, в некотором смысле совершенно разумно. Читая толстовскую проповедь, поражаешься его настойчивому, упорному обращению к разуму.

XX век оказался до предела залит самым ужасным насилием, так что пренебрегать толстовскими идеями никак не приходится. Значительно труднее ответить на вопрос об их разумности. Ибо к концу столетия стало совсем не ясно, а что же представляет собою человеческий разум? Толстой, полагал, что существует бесстрастное, объективное зеркало разума, отражающее действительность, наблюдатель классической механики, независимый от внешних факторов и беспристрастный. Бог Толстого и Эйнштейна не играет в

кости, и более всего любит простоту. Столь разные Толстой и Эйнштейн безошибочным критерием разумности полагали простоту. Зрелый Эйнштейн суммировал свой научный опыт так: «Весь предшествующий опыт убеждает нас в том, что природа представляет собою реализацию простейших математически мыслимых элементов» («Мир, каким я его вижу», 1934). Толстой верил в то, что вся жизненная мудрость представляет собой набор простейших истин добра и милосердия. Сколь ни различалось мышление Толстого и Эйнштейна, их объединяла вполне религиозная вера в то, что мир сам по себе прост, разумен и един. Нам достались разлетевшиеся осколки этой веры. Склеить их воедино пока не представляется возможным.

XX век вышиб из-под нас табуретку простоты. Квантовый мир оказался неустранимо сложен. Поклонение простоте оказалось разновидностью идолопоклонства, а наблюдатель классической механики, созерцающий однородное и изотропное пространство-время, полностью и одновременно прозрачное для его бесстрастного, научного взгляда приказал долго жить.

Кроме того, Толстой верил в то, что проповедуемое им учение универсально, и равно подходит человеческим душам, жаждущим добра, простоты и разумно устроенной жизни. Я недавно перечитывал «Гойю» Фейхтвангера и споткнулся об отрывок, по лености и нерадивости чтения ранее не помеченный памятью. Гойя возвращается домой после роковой встречи с Герцогиней Альба. «Сквозь ветер и снег до него донесся звон колокольчика, а потом он увидел священника и мальчика-служку, которые, невзирая на непогоду, спешили со святыми дарами, по-видимому, к умирающему. Выругавшись про себя, достал он носовой платок, расстелил среди грязи и преклонил колени, как того требовали обычай, инквизиция и его собственное сердце». Сердце Гойи, народный обычай и инквизиция вполне согласны. Никакой душевной патологии в этом нет. XX век доставил тому слишком много доказательств. Душа просит милосердия, доброты и инквизиции. И часто это одна и та же душа. Сердце Хайдеггера было вполне согласно с

гестапо, сердце Сикейроса - с НКВД, душа иранских студентов находилась в полном согласии с аятоллой Хомейни, а душа постсоветских людей конца века опять возжелала НКВД. Душа человека требует инквизиции, гестапо и ЧК куда как чаще, чем толстовского учения. К концу XX века традиционную инквизицию вытеснила кампусная, политкорректная. Но без полиции мыслей никак не получается. А универсальный строй человеческой души, жаждущей разума и добра - миф. Универсального жаждут интеллектуалы, но это их проблема. Стремление к универсальности – не универсально. Голливуд пытается утишить потребность в жестокости триллерами, но загнать зверство преимущественно на экран не удается.

Быть может, наиболее показателен в этом плане приключившийся в XX веке кризис оснований математики, самого универсального из созданий человеческого разума. Математики в течение всего XX века искали математический *архэ*, набор перво-кирпичиков, аксиом и понятий, на котором можно прочно, непреложно и навеки веков расположить величественное знание математики, представляющее собой несомненный венец творения человеческого разума. В начале XX века казалось, что подобным *архэ* должна стать математическая логика, и наведя в ней твердый порядок, удастся надежно подпереть весь математический дворец (идея сведения математики к логике, как и многие другие замечательные идеи, принадлежит Лейбницу). Грандиозную попытку упорядочения математической логики предприняли в начале XX века Бертран Рассел и Альфред Норт Уайтхед. Рассел писал в 1958 году в «Портретах по памяти»: «Я жаждал определенности примерно так же, как иные жаждут обрести религиозную веру. Я полагал, что найти определенность более вероятно в математике, чем где-либо еще. Выяснилось, однако, что математические доказательства, на принятие которых мной мои учителя возлагали такие надежды, изобилуют грубыми логическими ошибками, и что определенность, если и кроется в

математике, то заведомо в какой-нибудь новой области, обоснованной более надежно, чем традиционные области с их, казалось бы, незыблемыми истинами. В процессе работы у меня из головы не выходила басня о слоне и черепахе: воздвигнув слона, на котором мог бы покоиться математический мир, я обнаружил, что это слон шатается, и – и тогда мне пришлось создать черепаху, которая не давала бы слону упасть. Но и черепаха оказалась ничуть не более надежной, чем слон, - и через каких-нибудь двадцать лет напряженных усилий и поисков я пришел к выводу, что не могу сделать ничего более, дабы придать математическому знанию неоспоримый характер».

Жажда отчетливости, ясности, определенности, неоспоримости лежит в самых основаниях научного мышления, эта жажда во многом и составляет дух научного поиска. Это было ясно уже Декарту. Но к концу XX века оказалось, что последняя ясность не достигнута и в математике; черепаха фундамента все время упорно, злокозненно отползает, *архэ* прячется даже и в математике. Что и говорить о других науках, заведомо уступающих математике в доказательности (лучшие курсы теоретической физики вызывают у математиков отнюдь не сочувственную ухмылку: как можно работать со столь несовершенным логически аппаратом?). Сегодня в математике мирно сосуществуют разные математические школы, отнюдь не сходящиеся во взглядах на основания математики. Непросто договориться о самом существовании математических объектов. Как говорил Морис Клайн, в математике приключилась «утрата определенности» (Морис Клайн, «Математика, утрата определенности», М. РИМИС, 2007).

В математике утрачена определенность, в физике *архэ* не найден, квантовая теория гравитации не построена, «великого объединения» физических теорий не случилось, электрон оказался столь же неисчерпаем, как и атом, марксизм опростоволосился, но компьютеры и смартфоны работают, самолеты и спутники летают, люди стали дольше жить и лучше питаться, побеждены эпидемии и детская

смертность. Разработчикам Google и Boeing философия не нужна. Естественно, к концу века пышно расцвел философский нигилизм. Мои студенты представления не имеют о философских основаниях науки, о шаткости фундамента, на котором она покоится, о непреложно отползающей черепахе, на которой расположилась Вавилонская Башня цивилизации. Не имеют студенты и самого интереса к архэ. А великие всеобъемлющие философские системы – не востребованы. Таков первый философский итог XX века. За философский нигилизм приходится платить. Начало прошлого века отмечено творчеством гениев: Эйнштейна, Толстого, Бора, Рассела, Бергсона, Гильберта, Пуанкаре. Ни одной фигуры подобного масштаба конец XX века не дал. Без интереса к первым и последним вопросам бытия гениев не бывает.

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА

Часть II

«Я открывал для себя нечто мне совершенно неизвестное – новые отношения между языком и жизнью».

Л. Бунюэль, «Мой последний вздох».

Итак, XX век растерял интерес к великим, философским системам, теориям всего. Неудачным был двадцатый век и для метафизики. Метафизику, скорее, обогащали профессиональные естествоиспытатели и математики; новое приходило в метафизику из логики, теории относительности и квантовой механики, а не со стороны профессиональной философии, но об этом мы поговорим позже. Между тем, XX век оказался необычайно плодотворным, сосредоточив философскую мысль на едва уловимой грани, разделяющей философию и филологию. Философия вообще - пограничное дело, она хороша, когда работает на серых, затененных полях, разделяющих физику

и метафизику, науку и религию, языкознание и логику. Не будет преувеличением назвать XX век - веком философии языка. Заметим, что в философии языка пробилась две встречные, почти взаимоисключающие друг друга струи. Первая из них – аналитическая философия языка, представленная Бертраном Расселом, ранним Людвигом Витгенштейном и Венским кружком, пыталась прояснить, очистить язык, превратив его в адекватное зеркало мира. Другая, означенная Мартином Хайдеггером, Франсуа Фейде и Владимиром Библихиным, воспринимала язык, в качестве мистической целостности, предлагая вслушиваться в язык, погрузиться в язык и отдаться языку. Язык для Хайдеггера и Библихина не зеркало мира, не средство передачи информации, а единственный путь в инобытие.

Перед тем как мы пустимся в путь в долины философии языка, выдавившей в XX века метафизику на обочину философской мысли, отметим странное совпадение: подобный расцвет филологии за счет метафизики часто приходится на закат цивилизации: золотой век античного слова пришелся на расцвет и упадок Римской Империи. Гораций, Вергилий, Овидий, Авсоний были людьми слова, а не метафизиками. Римская мысль была метафизически бесплодна, но филологически безупречна. Нечто подобное мы наблюдаем и сейчас в западной мысли.

Основателем аналитической философии языка или философии логического анализа без преувеличения можно считать Бертрана Рассела, хотя сам Рассел признавал влияние, которое на него оказали Георг Кантор и Готлоб Фреге, оба, заметим, математики. Говоря о философах, избравших своим методом логический анализ, Рассел пишет так: «эти философы откровенно признают, что человеческий интеллект не способен дать окончательные ответы на многие очень важные для человечества вопросы, но они отказываются верить в существование некоторого «высшего» способа познания, с помощью которого мы сможем открывать истины, скрытые от науки и разума. За этот отказ они были вознаграждены, открыв, что на многие

вопросы, ранее скрытые в тумане метафизики, можно дать точный ответ, и что существуют объективные методы, в которых нет ничего от темперамента философа, кроме стремления понять» (Бертран Рассел, «История западной философии»). В этом пассаже характерны и камешек, запущенный в огород метафизики, который будто бы удалось выдолбить философам-аналитикам, и убежденность в том, что подлинная философия должна быть независима от темперамента философа. Последнее утверждение вполне адекватно англосаксонскому устройению души самого Бертрана Рассела и не вполне соответствует истории философии. Гераклит, Платон, Руссо, Шопенгауэр и Ницше были людьми страстными и мало в чем знали меру. Сам Рассел затратил немало интеллектуальных сил на корчевание метафизических сорняков и пней, но наткнулся на объективно непреодолимые парадоксы логики. Теорема Геделя положила конец претензиям доказать и прояснить все.

Крайне враждебную по отношению к метафизике позицию займет Венский Кружок философов, к которому примыкал и Курт Гедель. Один из лидеров Венского Кружка Рудольф Карнап писал следующее: «В области метафизики (включая всю аксиологию и учение о нормах) логический анализ приводит к негативному выводу, который состоит в том, что мнимые предложения этой области являются полностью бессмысленными. Тем самым достигается радикальное преодоление метафизики, которое с более ранних антиметафизических позиций было еще невозможным.... В строгом смысле бессмысленным является ряд слов, который внутри определенного языка совершенно не образует предложения. Бывает, что такой ряд слов на первый взгляд выглядит так, как будто бы он является предложением; в этом случае мы называем его псевдопредложением. Мы утверждаем, что мнимые предложения метафизики путем логического анализа языка разоблачаются как псевдопредложения» (Р. Карнап, «Преодоление метафизики логическим анализом языка»).

Если я верно понимаю мысль Карнапа, то он полагал осмысленными лишь утверждения, которые можно проверить (или опровергнуть) на опыте, верифицировать. Пафос очищения метафизических конюшен, присущий философам Венского Круга, был в своем роде замечателен. Они вскрыли массы высокопарных логических несуразиц, переполнявших философские тексты, и пытались научить философов говорить внятными наукообразным языком. Им это удалось лишь отчасти. Тексты Хайдеггера и Бибихина написаны как бы нарочно для того, чтобы подразнить венцев. Я все же думаю, что венская программа была обречена на провал ввиду окончательной неустранимости метафизики. Венцы хотели все осмысленные предложения проверять на опыте, верифицировать. Значительно позже подобной позиции придерживался Владимир Игоревич Арнольд, не совсем в шутку утверждавший, что математика - это отдел физики, в котором эксперименты дешевы. И все же непостижимая эффективность математики в естествознании остается метафизической загадкой.

Одно из утверждений Карнапа, равнявшего метафизику с прахом земным, звучит так: метафизики нам говорят, что «метафизические предложения не могут, правда, верифицироваться человеком или вообще каким-либо конечным существом; но они имеют значение как предположение о том, что ответило бы на наши вопросы существо с более высокими или даже с совершенными познавательными способностями.... То, что нам еще неизвестно, с помощью другого существа можно узнать; но то, что нами не может быть представлено, является бессмысленным, с помощью другого оно не может стать осмысленным, знай он сколь угодно много». Развитие физики камня на камне не оставило от этого изощренного, остроумного издевательства над метафизикой. Лев Давидович Ландау полагал величие теоретической физики в том, что она позволяет нам *понять*, что нам не дано *представить*. И в самом деле, *представить* себе импульс квантовой частицы в виде оператора в комплексном

бесконечном гильбертовом пространстве довольно трудно. Но понять кантовая механика позволяет многое.

Философы Венского кружка очень почитали Людвига Витгенштейна и его «Логико-философский Трактат». Откроем эту книгу, оказавшую столь значительное влияние на философию XX века. «Мир есть все, что происходит. Мир – целокупность фактов, а не предметов». По-моему, перед нами утверждения чистейшей метафизики. Происходящее и факты не могут быть извлечены из их пространственно-временного контекста. А начав разговор о пространстве и времени, мы немедленно попадаем во владения метафизики. Помимо того, возможность разграничения фактов и предметов тоже укоренена в очень определенной метафизике.

Философы Венского Кружка, полагая, что развивают идеи Рассела и Витгенштейна, пытались выработать, стерильный, логически безупречный философский язык, устраняющий проблемы метафизики. Радикальная версия их программы вообще сводила философию к логике. Возможно, «Логико-философский трактат» и давал основания для подобной интерпретации философии Витгенштейна. Но поздний Витгенштейн - Витгенштейн времен Философских Исследований, впервые опубликованных в 1953 году, мыслил совсем по-иному: «Чем более пристально мы приглядываемся к реальному языку, тем резче проявляется конфликт между ним и нашим требованием. Ведь кристальная частота логики оказывается для нас *недостижимой*, она остается всего лишь требованием. Это противостояние делается невыносимым; требованию чистоты грозит превращение в нечто пустое. – Оно заводит нас на гладкий лед, где отсутствует *трение*, стало быть, условия в каком-то смысле становятся идеальными, но именно поэтому мы не в состоянии двигаться. Мы хотим идти: тогда нам нужно *трение*».

Этот пассаж совершенно великолепен. Именно логическое несовершенство нашего с вами языка, с его

двусмысленностями, метафорами, метонимиями и логическими проскальзыванием и трением делает его пригодным для выражения и передачи бесконечно разнообразного человеческого опыта. Трение совершенно неустранимо и необходимо, попытка его устранения сродни стремлению ободрать с Земного Шара тени, желчно осмеянной Воландом. Более того, язык философии во многом вынужден оставаться шероховатым, иногда косным языком устной речи. Я это понял впервые, прослушав на Youtube лекции Мераба Мамардашвили. Они бесконечно выигрывают по сравнению с расшифрованными лекциями. Интонация, паузы, оговорки, очаровательный грузинский акцент немало способствуют их философской убедительности, философскому воздействию на слушателя. Нет, логика определенно не заполнит собой все пространство философской мысли.

Это верно даже и в чистой математике, где требование логической безупречности – бесспорно и фундаментально. Великий алгебраист Бартель Ван-дер-Варден писал так: "При устном объяснении на отрезки можно указывать пальцами, можно делать ударение на особенно важных местах, и, кроме того, можно рассказать, каким образом получилось доказательство. Все это отпадает в письменной формулировке классического стиля: доказательства закончены, логически обоснованы, но они ничего не подсказывают. Не можешь ничего возразить, чувствуешь, что попал в логическую мышеловку, но не видишь, какая основная линия за этим скрывается" (цит. по В.Ф.Турчин, "Феномен науки").

Среди жемчужин философской мысли Людвиг Витгенштейна меня особенно поразил вот этот отрывок из «Философских Исследований»: «Надеяться может только тот, кто может говорить. Только тот, кто овладел употреблением языка». Иначе говоря, есть чувства, переживания, мысли, опыт, которые не могут ни появиться, ни оформиться вне языка. Язык не только средство выражения и оформления, но условие и предпосылка

мысли, и выполняет примерно ту же роль, какую математика выполняет для практикующего физика. Без математики многие утверждения современной физики попросту невозможны.

Словно в насмешку над идеями Венского Круга, выше всего ставившего ясность и отчетливость мышления, с середины XX века в философии языка нарастала струя мистического, нерасчлененного отношения к языку. Мартин Хайдеггер и Владимир Вениаминович Библихин полагали, что философу надлежит не изучать и прояснять язык, но вслушиваться в язык и отдаться языку. Философ не исследователь языка, но орудие языка, а это совсем другое дело. Иосиф Бродский полагал поэта орудием языка; принимая подобную точку зрения, мы признаем глубинное сходство философии и поэзии, искусства. В самом деле, мерой философии во многом остается мера философского текста, представляющей собой в том числе и литературу. Хороший философ если не знатный говорун, то непременно отличный литератор, писатели Платон, Шопенгауэр, Ницше, ранний Маркс прекрасно писали.

Почитаем Мартина Хайдеггера: «В конце концов философское изучение должно будет решиться спросить, какой способ бытия вообще пристал языку. Что это – подручное орудие, находящееся внутри мира, или же у языка способ бытия здесь-бытия, или не то и не другое? Каково по своему способу бытие языка, если он может быть «мертвым». Что онтологически означает, что язык растет и распадается? У нас есть языкознание, а то бытие сущего, которое служит его темой, темно, с даже самый горизонт застлан облаками для исследующего вопрошания (М. Хайдеггер, «Бытие и Время»). Бытие сущего темно, темен и приведенный пассаж. Он не предназначен, чтобы его понимали, в такую философии можно лишь погружаться, пьянея от слов. Она засасывает, очаровывает, околдовывает. Более всего мне мешает читать велеречивые тексты Хайдеггера – полное отсутствие чувства юмора, он

по-звериному серьезен. Я не люблю жреческую торжественность этих текстов.

Для того, чтобы читать Хайдеггера, необходимо свободное владение немецким языком; по-видимому, в самых лучших переводах тексты Хайдеггера теряют львиную долю своего обаяния. Но у Хайдеггера был замечательный последователь в России: тексты Владимира Вениаминовича Бибихина – изысканная, утонченная философская литература. Я повторю с нажимом: не философия, а именно философская литература. Книга «Язык философии» великолепно написана: «Мир явно что-то говорит нам. Мы плохо понимаем, что. Не станем поэтому удивляться, если нам не удалось опереться на язык. Во всяком случае, проваливаясь сквозь него, мы падаем не в голую пустоту». Для Бибихина язык нечто большее, чем средство коммуникации, средство описания действительности. Язык – сам по себе мир, он обступает нас, как столь любимый Владимиром Вениаминовичем лес. Бибихин сочувственно цитирует Чаадаева: «Никто не может сказать, при помощи каких приемов народ создал свой язык. Но несомненно, что это не был ни один из тех приемов, к которым мы прибегаем при наших логических построениях». С этим я соглашусь, ведь человеческий язык прекрасно передает внелогический жизненный опыт: любовь, сострадание, боль. Не случаен философский интерес Владимира Вениаминовича к детскому лепету. Из этого вовсе, однако, не следует, что язык бесструктурен, что у него отсутствует логический скелет. Но логическая структура языка попросту не интересна Хайдеггеру и Бибихину.

Несложно понять обреченность на успех философии языка Хайдеггера и Бибихина. Наука немало потрудились над расколдовыванием мира. А язык остался таинственной, нависающей над сознанием громадой. Язык представляет собою прекрасное вместилище для Тайны Мира. А без и вне Тайны Мира для значительной части философски озабоченных индивидуумов философия невозможна, пресна, неинтересна. Философия неотделима от личности философствующего. И очень грубо можно ввести такую

типологию философской личности: последователи Аристотеля и ученики Платона. Эта типология устойчиво проходит через всю историю западной философии. Венский Кружок и Рассел идут за Аристотелем; Хайдеггер и Библихин – заморожены Платоном. Кант, Лейбниц, Гегель и Рассел были профессорами, они создавали системы. Ницше, Шопенгауэр, Хайдеггер и Библихин – поэтами, они разрушали миры.

В миниатюре Г.-Г.Гадамера «Философия и литература» читаем: «В Марбурге Аристотеля ставили весьма невысоко. Герман Коген дал ему наиболее безапелляционную характеристику: «Аристотель был аптекарем...». Этим он выразил свое понимание Аристотеля как чисто классифицирующего мыслителя, который, подобно аптекарю, занимается наклеиванием этикеток на свои ящички, коробочки и склянки». Далее Гадамер оговаривается: «Это, безусловно, не самое глубокое понимание вклада Аристотеля в философскую мысль». С Германом Когеном вполне согласен Бертран Рассел, полагавший, что Аристотель первым из античных философов стал писать, как профессор. Ярлык «профессор» на философе сидит пристойнее, нежели чем «аптекарь», но сути дела не меняет: логика, классификация и упорядочение (порядок превыше всего) приличны обоим. Но прежде всего самоценны ясность, очевидность.

«Профессор» и «аптекарь» не бранные слова, но если мы сравним Аристотеля с его неистовым предтечей, то сразу поймем: Платона в профессорском начетничестве не заподозришь, а из аптеки Платона выставили бы на второй день, ибо наклеивать этикетки по порядку он был бы просто не в состоянии. Платон был поэтом, мифотворцем и мистагогом, для философской фармацевтики не пригодным.

Замечательный филолог, специалист по романским языкам Борис Нарумов так писал о философии Владимира Библихина: «Существуют люди, которые по своему

психофизиологическому статусу абсолютно неспособны стать на всю жизнь «карточкослюнителями» (термин журнала «На посту») или «пробиркополоскателями» (а это уже мой термин). Они могут помыслить язык только в целом, и о целостности языка пекутся неустанно, спасая ее от всеразъедающего крохоборства лингвистов. Их объемистые труды, написанные большей частью с литературным блеском, мною воспринимаются как реакция (во всех смыслах этого слова), реакция на науку людей предельно идеологизированных и эстетизированных, болезненно воспринимающих вторжение аналитических методов в целостность языка... Люди идеи ... часто одержимы лишь одной какой-то идеей, будь то идея революционной роли рабочего класса у Маркса, идея сексуальности у Фрейда или... идея о тождестве мира и слова у некоторых философов. Эта идея напрочь обволакивает их мозг, не позволяя как следует разглядеть ту реальность, о которой они так красиво рассуждают; так, некоторые философы, говоря о языке, на самом деле имеют в виду вовсе не тот язык, которым занимаются лингвисты («Язык» лингвистики и «язык» философии. Contra Бибихин»).

Действительно, философ-мистик всегда предпочтет «целое»; философ-аналитик удовлетворится детальным разбором «части». Дело в том, что философия может существовать лишь только в языке, нашем с вами привычном языке общения, разговорном или письменном. Напыщенную фразу Хайдеггера «Язык – дом бытия» можно слегка приспустить, сдуть, переформулировав так: «Язык – дом философии». Философ общается с нами не языком формул, кванторов или нот, но вынужден разговаривать и писать на неотполированном, не выхолощенном, дурно упорядоченном и просеянном человеческом языке. А язык – существо коварное. У языка много функций. Последователи Хайдеггера и Бибихина главной из них признают функцию суггестивную, гипнотическую, шаманскую. Для них философ сродни Манинскому трикстеру, наделенному необычайным даром заговаривать слушателя. Но об этом я уже писал подробно ранее («Философия между шаманством и ratio»,

Семь искусств, №5, 2017). Для развития философского вкуса хорошо читать и Рассела, и Бибихина, ну а читательский резонанс с теми или иными философскими текстами – дело интимное, загадочное и, слава Богу, не проясненное.

Хроника текущих событий
в израильской литературе на русском языке

Роман Кацман

IN MEMORIAM

Михаил Юдсон. Еврейский писатель 21 века

Страшную весть о кончине Михаила Юдсона я получил ранним утром 21 ноября 2019 года, по дороге на международную конференцию еврейских писателей в Иерусалиме «Кисуфим». Миша должен был принимать в ней участие. Он заболел так неожиданно и невообразимо, что его отсутствие рядом с нами невозможно было представить, и я до последнего дня, вопреки здравому смыслу, надеялся, что случится чудо, и Миша перестанет дурачиться, встанет с койки и приедет, как всегда приезжал из каких-то невероятных «чуланов», как он любил писать, в которых он прятался от такой невыносимо назойливой, такой ребячески надоедливой реальности. Втайне я верил, что снова повторится эта игра в прятки, и Миша снова одержит в ней победу, превратившись в метафору, неологизм или порхающую запятую. И когда этого не произошло, я впервые по-настоящему почувствовал, что такое «кисуфим». Незадолго до начала конференции Александр Мелихов спросил меня о значении этого слова, автоматически переводимого с иврита как «тоска», а литературно – как «стремление», слова, кажущегося столь неподходящим для жизнерадостного и деловитого литературного мероприятия. Поломав голову над этим трудным и очень еврейским понятием, я ответил, что кисуфим – это мечтательное томление. В то утро, когда Мишино отсутствие стало окончательным и бесконечным, я понял, что ничего не соответствует ему лучше, чем эти два слова, которые он

непременно превратил бы при помощи своей золотой алхимии в какое-нибудь невозможное «мечтание кис суфим им» или «мечтаем-с, ки-суфим есьм».

На конференции Миша должен был принимать участие в круглом столе, в котором, помимо прочего, мы собирались обсудить (о Господи, в который раз!), что такое русско-еврейская литература и существует ли она еще сегодня. Тем утром, которое навсегда останется для меня хтоническим чудовищем Темутром, жадным и безжалостным, каких так обожал изображать в своих романах Юдсон, я убедился, что да, она несомненно существует, потому что существуют «Лестница на шкаф» и «Мозговой». И дело, конечно, не в том, что Миша был евреем, не в том, что жил и умер в Израиле, а в том, что писал строки-кисуфим на изобретенном им русско-еврейском, «изрусском» языке. Наш общий друг Яков Шехтер говорит, что еврейская литература это та, что направляет свой взгляд вверх, к небесам. Я обычно по привычке с ним спорю, но сейчас понимаю, что, возможно, он прав, и мечтательное томление букв и слов, как и городов и народов, времен и сердец, воплощенное в виртуозном поэтическом искусстве, делает Юдсона для 21-го века тем, кем был для века 20-го Исаак Бабель. В своем невероятном, бесподобном языке Миша воплотил не только томительную мечту русско-еврейской литературы, но и столетнюю поэтическую задачу русско-израильской литературы: заговорить на израильском языке по-русски. Его кисуфим – это тоска по слову, означающему Бог знает что, по «чужой земле», не знамо какой, по «мозговому» другу, живущему неизвестно где, по братству учеников и учителей, учащихся неизвестно что, по лестнице, лестнице и листнице, ведущей неведомо куда. Это мечтательное томление об обетованных земле, слове, другу, общине и спасении было содержанием и сутью его русско-еврейского и русско-израильского письма.

Незадолго до Мишиной смерти судьба подарила мне возможность написать о нем статью для новой Еврейской энциклопедии. Новизна этой энциклопедии, как мне

думается, должна состоять в том, чтобы соответствовать той сложной и хаотической конфигурации «еврейского», в которой мы сегодня пребываем и которая живет в нас. Миша не просто заслужил место в этой энциклопедии: он есть само ее воплощение, и, может быть, это символично, что первая энциклопедическая статья (помимо Википедии, конечно) об этом выдающемся русском писателе была написана на иврите. Поэтому я позволю себе привести здесь несколько выдержек из этой статьи, разумеется, в переводе на русский. Миша читал ее, кое-какие биографические данные подправил, кое-что уточнил, и поэтому на сегодняшний день это, вероятно, наиболее полная и достоверная биографическая справка о нем. Я обещал Мише перевести эту статью на русский, что и делаю с опозданием, внося в нее необходимые добавления.

Михаил Исакович Юдсон родился 20 января 1956 года в Сталинграде (ныне Волгоград). В 1982 году закончил физико-математический факультет педагогического института и в течение нескольких лет преподавал математику. Репатриировался в Израиль в 1989 году, в 1992 вернулся в Россию и прожил там до 1999. В 1997 году провел некоторое время в Нюрнберге в Германии. В 1999 году он вернулся в Израиль, поселился в Тель-Авиве и больше его не покидал. В том же году он стал помощником главного редактора журнала «22» Александра Воронеля и выполнял эту работу вплоть до 2016, когда журнал прекратил свое существование. С 2016 года Юдсон, совместно с Яковом Шехтером, был главным редактором журнала «Артикль».

В 1990-1991 новелла Юдсона «Год 5757-й» была опубликована в номерах 73-74 журнала «22». Первое издание романа «Лестница на шкаф», включающее первые две части, увидело свет в 2003 году в Санкт-Петербургском издательстве «Геликон Плюс» (переиздано московским издательством «ОГИ» в 2006). Роман был написан в 1996-1998 годах, когда автор жил в России и недолго в Германии, и там же происходят события первых двух частей романа. В 2013 году в московском издательстве «Зебра-Е» вышло

новое издание романа, включающее третью, израильскую, часть, написанную в 2002-2010 годах. Третья часть, в основу которой легли идея и сюжет новеллы «Год 5757-й», составляет две трети объема романа в его окончательном виде.

Роман «Мозговой» Юдсон начал писать, по его словам, в 2012 году. С 2015 публикуются отдельные главы, в 2019 незадолго до смерти он передает в издательство «Зебра-Е» окончательную версию, а в 2020 роман выходит в печать. В том же году журнал «Артикль» публикует главы нового, оставшегося недописанным романа «Четверо». Помимо романов, перу Юдсона принадлежат рассказы «Власть тьмы, или Регистрация» (22, № 146), «Новые приключения лилипута» (22, № 150), «Зона Оз» (Нева, № 3, 2011), «На постпоследнем берегу» (Нева, № 4, 2012), «Француз» (Семь искусств, № 8-45, 2013), а также пьеса «Ревизор-С» (Семь искусств, № 3-28, 2012).

Виртуозная поэтическая проза Юдсона выражает многосоставное сознание, в котором соединились поэт-бродяга, смятенный эмигрант, одинокий воин и странствующий философ. В жанровом плане наиболее ранняя проза Юдсона может быть определена как антиутопия; в дальнейшем она развивается в более сложную форму, которую я бы назвал сюрреалистической пикареской. Позднее, в «Мозговом», письмо принимает форму галлюцинаторной урбанистической поэмы-фантазии в стиле нуар. Особое распространение, отчасти благодаря самому Юдсону, получило сравнение его письма с «Поминками по Финнегану». Однако на деле оно не бесспорно. Нет сомнения, что и Джойс, и Хлебников, и вообще русский авангард 1910-30-х годов оказали существенное влияние на писателя, но его поэтика все же достаточно самобытна. От авангардистского маньеризма ее отличает глубокий органический лиризм; это не игра и не эстетический эксперимент, а работа по созданию на стыке естественных языков нового языка, который, оставаясь вполне коммуникативным, позволил бы познать и обжить новую культурную реальность, состояться и реализоваться в

ней, так сказать, не выходя из дома, то есть не покидая «чулана» черепной коробки и не расставаясь ни на миг ни с одним из ее обитателей. Поэтика Юдсона магически соединяет эгоцентрическую интровертность Пруста, драматический кошмар Кафки и реалистический мифологизм Павича.

Юдсоновский стиль начал формироваться в «Году 5757-м», созрел в «Лестнице на шкаф» и достиг вершины в «Мозговом». Судя по главам недописанного романа «Четверо», этот стиль должен был расширить свой арсенал в направлении более легких, юмористических выразительных средств. Монументальная «Лестница на шкаф» описывает путешествие героя нашего времени в мире книг, в море цитат, среди аллюзий и ассоциаций, в тумане снов и фантазий, в мультивселенной параллельных и альтернативных историй. Это новая и вечная история Вечного Жида, разворачивающаяся в трех основных психокультурных очагах еврейской памяти и неразрешимых комплексов: отношения любви-ненависти с Россией, все более погружающейся в новое темное и ледяное средневековье; плен виктимности в Германии, постепенно «излечивающейся» от пост-холокостного синдрома; и досадная культурная вторичность Израиля, столь контрастирующая с еврейской мифологической первородностью, Израиля, разрывающегося между историческими оптимизмом и пессимизмом. В «Году 5757-м» и первых двух главах «Лестницы на шкаф» гибридный язык характерен в основном для речи автохтонного населения тех мест, где разворачивается сюжет, и значительно меньше – для главного героя и рассказчика; он присутствует в диалогах, именах и прозвищах, но многие описательные фрагменты свободны от него и сохраняют традиционные формы. В третьей части гибридный язык свойственен уже и главному герою, и смешанной речи, но в несколько меньшей степени – рассказчику. В «Мозговом» герой и рассказчик сливаются воедино, и фантастический юдсоновский язык распространяется по всей территории дискурса (в романе «Четверо» рассказчик и протагонист

снова разделяются, но единство речевого стиля сохраняется). В идейном плане такая идентификация героя как рассказчика, локализация сюжета в израильском пространстве, пусть и наполовину фантастическом, и стилистическое единство различных голосов, звучащих в романе, хотя и не без индивидуальной речевой характеристики героев, свидетельствует об отдалении Юдсона от культурной маргинальности. Эта динамика проявляется также в том, что социальная тематика сокращается, письмо приобретает более индивидуалистический характер, что говорит об отдалении от минорности, характерной для еврейской литературы на нееврейских языках, написанной в странах рассеяния. Проблематика кочевничества и первых этапов эмиграции уступает место сложному мироощущению оседлого эмигранта со стажем.

Таков... был... путь Михаила Юдсона сквозь культурный и литературный кризис современности. Для него он состоял, прежде всего, в соскальзывании литературы к вульгарной простоте, в пренебрежении главным – чудом преобразования слова. Он был чрезвычайно мрачен по части оценок будущего литературы, хотя и оставался неизменно щедр в своих рецензиях, эссе и интервью. Последним его интервью, которое мне посчастливилось провести вместе с ним, была беседа с Игорем Губерманом. Я хочу привести здесь один из вопросов, который Миша задал автору гариков, и который немало говорит о его, Мишиной, собственной заботе: «Вы пишете что-нибудь в стол? Как Марк Твен, Набоков оставляли для будущих, более понимающих читателей?». Думаю, Миша втайне надеялся, что каждый писатель пишет что-нибудь в стол, поднимаясь по лестнице мастерства к совершенству, и на вершине этой лестницы его встречают эти прекрасные, более понимающие читатели. Очень надеюсь, что они существуют, и что они рано или поздно откроют для себя и его книги.

Евгений Сельц

НАЙТИ СЕБЯ В СЕБЕ

Вам говорит что-нибудь имя Владимир Хавкин? Вот именно.

Это имя известно немногим. Некоторым историкам народовольчества, некоторым одесским краеведам, да еще микробиологам и эпидемиологам.

А Владимир (Вальдемар, Маркус-Вольф) Хавкин был личностью уникальной. Он был настоящим победителем – сильным, отважным, иногда безрассудным, но в то же время сомневающимся, колеблющимся и томимым духовной жаждою.

Владимир Хавкин победил не Зло в битве под израильским Мегидо и не Капабланку в партии за мировую шахматную корону. Он – и эта победа нисколько не уступает ни первой, ни второй – победил холеру и чуму. Он внес неопределимый вклад в новую тогда науку - микробиологию, основы которой заложили Луи Пастер и Илья Мечников.

Я не буду пересказывать здесь биографию этого выдающегося человека. Она достаточно ярко представлена в романе, о котором я хочу рассказать – в первом романе о Владимире Хавкине, в романе Давида Маркиша «Махатма».

В первой половине XX века медицинских технологий в современном понимании вообще не существовало. Медицинская статистика находилась в зародышевом состоянии. Опыты на животных проводились, но вряд ли кто-то тогда понимал, как рассчитать репрезентативную выборку и вообще что это такое. Зато статистика смертей от пандемий была налицо. Приблизительная, конечно – сто тысяч туда, сто тысяч сюда – какая разница.

Хавкин изучал биологию в Одесском университете. Там он примкнул к народовольцам, принял участие в убийстве военного прокурора Одессы генерал-майора Василия Стрельникова. И хотя участвовал в этом теракте в качестве

второстепенной фигуры - что называется, стоял на стреме, - в скором времени он почувствовал отвращение к убийствам и террору, к революциям и политике в целом.

Он покинул Одессу, большую часть своей жизни прожил в Швейцарии, Франции и Англии, а также в Индии, где за свое подвижничество в вакцинации населения и получил прозвище «Махатма», что означает «великая душа».

Давид Маркиш дал своему роману такой подзаголовок: «Вольные фантазии из жизни самого неизвестного человека». Вольные фантазии Маркиша, в которых, вероятно, далеко не все факты совпадают с конкретной биографией Вальди Хавкина, тем не менее, предоставили писателю ту самую свободу, которая позволила ему создать образ ученого-подвижника, беззаветно преданного своей науке и, в то же время, крайне противоречивого.

Хавкин все примерял на себя: от участия в борцовских поединках в цирке шапито – до работы в мясном ряду на парижском рынке, от созданных им вакцин против холеры и чумы – до участия в сверхсекретных проектах британской разведки. (Именно он, увы, впервые в истории создал образцы биологического оружия).

Давид Маркиш со свойственным ему виртуозным умением смешивать прошлое и настоящее, а затем хорошенько взбалтывать эту гремучую смесь, не пренебрегает отступлениями от повествования. Он направляет читательский взор то во времена русских революций, то в кровавую эпоху сталинских репрессий, то в советские реалии, то в постсоветское настоящее, а то и в будущее. Удивительным образом эти, казалось бы, почти публицистические отступления «работают» на образ главного героя, высвечивая и оттеняя те или иные его качества, те или иные переживания.

Венцом странствий ученого Хавкина становится его посещение Земли Обетованной. Во всяком случае, Давид Маркиш именно так подает короткое путешествие Хавкина в Цфат и Иерусалим.

В Цфате герой долго разговаривает с великим еврейским каббалистом рабби Альрои, умершим почти полтысячелетия

назад. Они ведут беседу такой философской и теологической насыщенности, что просто дух захватывает. И сразу после этого на вопрос своего спутника и современника рава Авраама Бен-Элиэзера из Пинска, ищет ли он, приехав в Цфат, себя в народе, Хавкин отвечает: «Я ищу себя в себе...»

В романе есть все, что положено роману – и первая любовь, с годами постаревшая и расплывшаяся до полного несообразия, и горькие поражения, и триумфы. Продвигаясь шаг за шагом по жизни, как по бенгальским джунглям, убеждая консерваторов от науки - буквально на собственном теле - в правильности избранного пути, в романе Давида Маркиша Вальди Хавкин и предстает тем единственным, кто этот путь избрал. «Мы не избранники, мы избравшие: Авраам избрал Бога, а не наоборот», - говорит ему рабби Альрои.

Владимир (Вальдемар, Маркус-Вольф) Хавкин, великий ученый XIX-XX веков, по странному стечению обстоятельств, был обречен на долгое забвение.

И спасибо писателю Давиду Маркишу, что проломил бетонную стену этого забвения и явил нам образ Хавкина во всей его глубине и во всем его величии!

Елена Юфит

ЧИТАТЬ ИЛИ НЕ ЧИТАТЬ

О новом романе Нины Воронель "Былое и дамы".

Русская девушка покоряет Европу. Что ж тут нового? Недавно одна такая, поработав в Париже "вешалкой", даже стала депутатом Кнессета. Почему же вдруг история жизни Лу фон Саломе должна нас заинтересовать?

"Впрочем, наткнувшись на меня, они, как всякиемужские глаза, потеряли фокус и остекленели, как глаза вытащенной из воды рыбы. Мне этот эффект был знаком смолоду и все же каждый раз удивлял. К счастью, предложение он мне сделать не мог — рядом с ним сидела его супруга Надин, круглолицая и неказистая."

О ком это Лу? О Ленине, нашем живчике неугомонном. Но не только, не только! И Фрейд (как, и ты, Фрейд?), и Рильке (этот вообще был карманной собачкой Лу), и Ницше. Что, и Ницше? Тот, который "фашист, нацист, антисемит"? Ну, фашистом он быть просто не мог, так как умер до того, как это вошло в моду, но вот ведь странно - и антисемитом он не был! А был как раз наоборот. Но мы же знаем, нас так в школе учили! Мало ли, чему нас там учили и что всучили. Не был Ницше антисемитом. Точка! Но почему же тогда? А потому, что его сестра Элизабет была антисемиткой. Перед ней сам Гитлер припадал на колено. Это она, набив соломой тушку своего брата, сделала из него пугало. Она подправляла, дописывала, переписывала его письма и статьи. Без нее, правда, никто бы так и не узнал, что же там такое говорил Заратустра. Это она, Элизабет Ницше, как сказали бы теперь, "раскрутила" своего брата и сделала из него "бренд". Откуда это все известно? Из архивов, конечно. Нина Воронель ведь не по советским учебникам истории собирала свидетельства для книги, а перелопатила кучу

материала на английском, благо она известная переводчица с этого языка. Еще Чуковский сказал, что ее перевод Оскара Уайльда самый, самый... А уж Уайльда кто только не переводил.

Там, в романе, еще много народу отметилось. И Муссолини, и про Вагнера много интересного. Вот он-то, как раз, и был самым что ни на есть антисемитом. И музыку его в Израиле долго не играли не только потому, что ее любил Гитлер - сын за отца не ответчик, даже и за духовного, а потому, что и сам Вагнер был хорош - тот еще антисемит.

И что характерно, все эти фигуры, да и многие другие, как вы увидите сами, когда прочтете, не картонные, как это часто бывает. Они живые, они дышат и потеют - люди же все-таки, а не "образ лирического героя", как нас учила МарьяИванна на уроках кастрированной литературы. Но что ж я вам роман пересказываю? Это получится как "Ицик напел". Вы лучше сами почитайте. Там и о Герцене есть. Том самом, которого "разбудили декабристы". Как, и этот тоже? Нет, он из другой линии сюжета, переплетенного как линии Парижского метро. Его экономкой много лет была та, которая потом стала наставницей Лу. Не бедствовал, ох совсем даже не бедствовал наш мальчик – «Колокольчик».

Ну что, напоследок к сладкому? Язык! Язык романа - это... Вот вы что любите? Я, например, больше всего люблю стейк. Стейк, приготовленный на огне, а не на сковородке. Сок капает, отрезаете кусочек, подносите ко рту, а рот уже полон слюней. А если к этому еще и пива бельгийского темного... Когда читаешь "Былое и дамы", слюнки текут. Знаете, что самое плохое в хороших книгах? Они кончаются! Читаешь и думаешь - ведь закончится же, зараза! И хочется растянуть, не торопиться. Какое там! Непременно необходимо срочно узнать, а что же там за углом. В общем, наслаждайтесь, господа, наслаждайтесь!

СТИХИ И СТРУНЫ

Ведёт рубрику Ирина Морозовская

ДМИТРИЙ КОЛОМЕНСКИЙ

«Вниз по седьмой воде»

И близко не представляла себе, каково оно придётся - готовить эту колонку. Казалось бы - вот дошли время и руки до человека, давно любимого и уважаемого мной очень, очень, и очень интенсивно и непрерывно. Слушай песенки и вспоминай всё, чего хотелось после них сказать в глаза - но не сказалось, из-за общей несерьёзности места и действия. Ну и решительной не склонности Коломенского к пафосу, в любой форме изъясленному. Так что слушай, вспоминай да записывай - предвкушала я по дороге из Берлина к ноутбуку, в разлуке с которым прожила пару недель, а тут и время собирать колонку подоспело. Дома внезапно оказалось, что у ноута не работает гнездо под наушники, и резко упал звук - но времени тащить его в ремонт уже никакого не осталось, а наоборот, остались долги, которые надо прямо вчера исполнять. Стала я слушать Диму Коломенского через наушники в телефоне. Слушала долго, никогда ещё не принимала такой дозы его творчества в таком концентрированном виде. Ходила всюду с наушниками, как с капельницей, прямо в душу. Не раз ловила на себе табуны мурашек, что является моим личным симптомом встречи с поэзией в химически чистом виде.

Тут-то оказалось - всюду, где он поёт - он замечательно исполняет чужие хорошие песни. Либо свои стихи читает. А записей его собственных песен нету. Как такое могло получиться - не знаю. И колонка моя, вроде, не о поэтах. А о бардах - и вот тут хороши бы ссылок на то, что у меня в голове живёт, а в ютубе - нет. На каком-то из выступлений Дмитрия я обнаружила ответ на эту загадку - что он сознательно не смешивает свои песни и стихи, поскольку считает их разными жанрами. Тут я даже не пробую спорить, автору всяко виднее.

Как-то справлюсь со своей задачей, показав, как поёт Коломенский - в одних ссылках, а как он читает стихи - в других. Что получится от смешения этого всего в воображении читателей - самой интересно. Ну и повторю, что Дмитрий Коломенский - совершенно прекрасный поэт, автор собственных песен и исполнитель многих, многих других хороших авторов. Петь с ним дуэтом или в компании - редкое удовольствие. В смысле, что чаще хотелось бы встречаться, гораздо чаще. Повседневная ирония и безупречное чувство юмора Димы удивительно сочетаются с умением не ранить словом тех, кто рядом, а подсвечивать, как фонариком, любую обыденность - и походную, и городскую. Поддерживать, опекать, заботиться. В полевых условиях лагеря при сомнительной погоде это особенно ценно. Да в любых ценно. Ещё у Димы есть нечастое для поэта умение организовывать и модерировать выступления других, мастерские, да и что угодно, мне кажется. И безупречный вкус (читайте - совпадающий с моим и по части репертуара, и по человеческой).

А вот и ссылки, по которым можно увидеть и услышать то, что я тщетно пыталась показать на пальцах.

Первое отделение концерта "Провинциальная пионерия"

<https://www.youtube.com/watch?v=E--DAPB8clU> Второе

отделение "Провинциальная пионерия"

<https://www.youtube.com/watch?v=gJ960mG1AGM>

Совместное с Машей Пилюковой выступление на "Зимородке"

<https://www.youtube.com/watch?v=dmiojkFEwVc&t=740s>

И совместное с Александром Костроминым в "Гиперионе"

<https://www.youtube.com/watch?v=M2Ek02xRGLg>

Выступление Дмитрия Коломенского в Мюнхене, на фестивале памяти Виктора Шнайдера:

<https://www.youtube.com/watch?v=-ENmppsOVc&t=597s>

Концерт в "Гиперионе"

https://www.youtube.com/watch?v=nhuYMeG_NTts

Раздел «Стихи и струны» можно увидеть на сайте журнала.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ольга Фикс – медсестра, ветеринарный врач, прозаик, живет в Иерусалиме.

Неся Зейтман – модельер женской одежды, живет в Рамат-Гане.

Анна Немеровская – банковский служащий, живет в Нью-Йорке.

Александр Иличевский – писатель, физик, живет в Иерусалиме.

Михаил Юдсон - литератор, жил в Тель-Авиве.

Яков Шехтер - писатель, живет в Холоне.

Александр Крюков - дипломат, переводчик, профессор МГУ, живет в Москве.

Эдгар Керет - писатель, живет в Тель-Авиве.

Шира Гефен - актриса, сценарист и режиссер, автор многих детских книг. Супруга Этгара Керета.

Дан Бен-Ишай – студент философского факультета, живет в Мюнхене.

Ирина Каренина - поэт, редактор, журналист, живет в Минске.

Катя Капович - поэт, прозаик, редактор, живет в Бостоне.

Ирина Маулер - поэт, прозаик, художник, композитор, живет в Беэр-Яаков.

Нелли Воронель - инженер, поэт, живет в Торонто.

Максим Жуков - поэт, живет в Евпатории.

Валерий Скобло - математик, поэт, публицист, живет в Санкт-Петербурге.

Сергей Штильман - поэт, прозаик, живет в Москве.

Игорь Губерман - поэт, прозаик, автор знаменитых «гариков», живет в Иерусалиме.

Максим Леонидов - музыкант, актер театра и кино, автор песен, телеведущий, живет в Санкт-Петербурге.

Лилия Газизова - поэт, переводчик, публицист, живет в Кайсери.

Михаил Сидоров – историк, публицист, живет в Беэр-Шеве.

Владимир Ханан - поэт, прозаик, публицист, живет в Иерусалиме.

Эдуард Бормашенко - физик, профессор Ариэльского университета, эссеист,

Роман Кацман – филолог, переводчик. Живет в Гиват-Шмуэле.

Евгений Сельц – поэт, журналист, живет в Петах-Тикве.

Елена Юфит – филолог, журналист, живет в Тель-Авиве.

Ирина Морозовская – психолог, бард, исследователь социума, живет в Одессе.

ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ

Яков Шехтер, Михаил Юдсон

Ответственный секретарь Михаил Сидоров

Редколлегия: Катя Капович, Анна Мисюк, Ирина Маулер,
Ирина Морозовская, Михаэль Барам, Эдуард
Бормашенко, Денис Соболев, Роман Кацман, Давид
Шехтер

Корректор Кармит Кособурд

Сайт журнала: <http://www.sunround.com/article/>

Фейсбук:

<https://www.facebook.com/TelAvivskijSetevojZurnalArtikl>

Электронный адрес редакции: articreda@gmail.com

Почтовую корреспонденцию в «Артикль» можно отправлять по адресу: Irina Mauler, Journal "Article", Beer Yaakov, Arava 76, 703000.

Телефон: 050-9080348 (в Израиле)
(972)-50-9080348 (для заграницы).

На титульной странице – Максим Леонидов

Книжные магазины, в которых можно приобрести журнал «Артикль»:

«Книжная ярмарка»

Тель-Авив, ул. Левински, 108, Центральная автобусная станция, 4-й этаж, помещение 4310. Телефон: 0543-329543.

Фейсбук: <https://www.facebook.com/yarid.sfarim/>

Прославленный среди ценителей очаг культуры, созданный восемь лет назад на месте легендарного книжного развала. Мы твёрдо придерживаемся принципа: «Книга живёт, пока её читают»; поэтому ассортимент огромен, а цены более чем доступны. Действует книгообмен. Работают клуб любителей фантастики, издательство и поэтическое объединение. Именно в этом магазине проводит свои заседания Правление Союза русскоязычных писателей Израиля.

«Бабель»

Тель-Авив, ул. Йона Ха-Нави – YonaHanavi, 46.

Телефон: 058-7980909. Telegram: t.me/babelbookstlv.

Instagram: [@babel_tlv](https://www.instagram.com/babel_tlv).

Фейсбук: <https://www.facebook.com/BabelTLV/>

Книжный магазин с тщательно подобранными книгами. У нас много книг, изданных крошечными независимыми издательствами, – эти книги вы вряд ли найдёте где-то ещё в Израиле, потому что их и в России не всегда можно найти (и их точно нет в Сети). Но, конечно, у нас есть и популярные книги больших издательств. И – да, мы делаем всё возможное, чтобы наши цены оставались на адекватном уровне.

Почти ежедневно у нас проходят лекции на самые разные темы. Мы стараемся, чтобы самые интересные люди, которые приезжают в Израиль, могли встретиться с поклонниками в нашем магазине. Единственное, о чём мы не говорим, – это политика.

Вы всегда можете заказать у нас нужную вам книгу. А ещё у нас можно просто посидеть, выпить чашку чаю или кофе.

